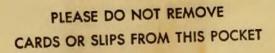

BINDING SECT. FEB 17 1981

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK 266 D25

Dallin, David J Poslie voin i revoliutsii

Библіотека русской революціи

Д. ДАЛИНЪ

ПОСЛЪ ВОЙНЪ И РЕВОЛЮЦІЙ

956 **BLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГРАНИ" БЕРЛИНЪ 1 9 2 2

Ays. U. 149.

SECT. FER 17 1981

DK 266 D25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

предисловие	5
A. Poccia.	
І. Объективный смыслъ революціи	7
II. Гражданская война III. Корни террора IV. Россійскій коммунизмъ V. Декадансъ большевизма ("Новый курсъ") VI. Что дальше? VII. Коммунистическая экономика: 1. Общій холъ ея развитія	10
III. Корни тепрора	10
IV. Россійскій коммунизма	93
V. Лекалансъ большевизма (Новый кирса ")	29
VI. Что дальше?	40
VII. KOMMVHICTHURCKAG DVOHOMING	52
1. Общій ходъ ея развитія	
2. Промышланность	68
2. Промышленность . 3. Новый курст въ промышленности и итоги	74
4 Сольское мозействе	94
4. Сельское хозяйство	105
6 Вифинда попров	121
6. Вившияя торговля 7. Кредить и финансы	138
уни Итоги пополняний	141
VIII. FIIOIN DEDOMENTINE	
1. Отмъна сословій, ликвидація дворянства	151
2. Новое крестьянство	154
э повая буржуазія	157
THE PRINCIPLE OF THE PROPERTY	164
5. Рабочій классъ	169
Б. Европа и революція	
point in polloutioning,	
OTT HAVEN ET VICTORIA	
І. Отъ науки къ утопіи	175
I. Отъ науки къ утопіи II. "Симптомы дряхлости"?	175 186
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197 200 ~
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197 200 ~ 205
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197 200 205 209
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197 200 205 209 221
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости"	175 186 191 191 197 200 205 209 221 228
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые".	175 186 191 191 197 200 205 209 221 228
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые".	175 186 191 191 197 200 205 209 221 228
І. Отъ науки къ утопіи ІІ. "Симптомы дряхлости"? ІІІ. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые" В. Цѣли и задачи. I. Реальныя программы и реальныя запачи.	200 ~ 205 209 221 228
Отъ науки къ утопіи П. "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 ~ 205 205 209 221 228
Отъ науки къ утопіи П. "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 ~ 205 205 209 221 228
Отъ науки къ утопіи П. "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 × 205 209 221 228 245 251 258
Отъ науки къ утопіи П. "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 × 205 209 221 228 245 251 258
Отъ науки къ утопіи "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 × 200 × 200 × 200 × 200 × 201 × 221 × 222 × 225 × 225 × 225 × 225 × 226 × 226 × 227 × 228 ×
Отъ науки къ утопіи "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 × 200 × 200 × 200 × 200 × 201 × 221 × 222 × 225 × 225 × 225 × 225 × 226 × 226 × 227 × 228 ×
Отъ науки къ утопіи П. "Симптомы дряхлости"? П. О "зрѣлости" и "незрѣлости" 1. Индивидуализмъ и шаблонность 2. Процессъ созрѣванія 3. Экономическое "вростаніе" IV. Субъективныя условія V. Что-же такое соціальная революція? VI. Механика соціализаціи VII. "Передовые" и "отсталые"	200 × 200 × 200 × 200 × 200 × 201 × 221 × 222 × 225 × 225 × 225 × 225 × 226 × 226 × 227 × 228 ×

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще далеко въ Европъ до устойчиваго рагновъсія. Еще звенятъ сабли и лязгаютъ шпоры, передвигаются государственныя границы, а на окраинахъ материка еще тянутся маленькія войны, какъ мелкіе ручьи послѣ великой бури. Еще догораетъ революціонное пламя на востокъ, и всей центральной Европой управляютъ большія народныя движенія. Но уже три года какъ закончилась міровая война, и второй ужъ годъ, какъ закончилась война съ Россіей и въ Россіи. Бушующія воды входятъ въ новые берега, и начинается новая эпоха — э по х а по с л ѣ в о й н ъ и р е в о л ю ц і й.

Міровая война также была громаднымъ движеніемъ народовъ. Военнымъ пафосомъ для десятковъ милліоновъ была въра въ мечъ и въ военнаго вождя. Это былъ культъ силы и воли, завоеванія всего міра, преклоненія предъ побъдителемъ, культъ военачальника и монарха. Это былъ краткій мигъ монархическихъ, реакціонныхъ иллюзій.

Исходъ войны радикально покончилъ съ ними. Отвращеніе къ войнѣ никогда не было такъ сильно, какъ сейчасъ, и монархіи остались почти островками въ республиканской Европѣ. Но общественная жизнь, возвращающая себѣ свои права послѣ военнаго безмолвія, побѣждаетъ въ видѣ революцій, которыя не только смываютъ съ лица земли формы воинствующаго государства, но рождаютъ свои собственныя иллюзіи. Новыя иллюзіи состоятъ въ томъ, что наступила эпоха міровой соціальной революціи, что настало время не только и не столько водрузить въ Европѣ

знамя политической свободы, сколько строить «немедленный» соціализмъ. И если военныя иллюзіи умерли, — новыя иллюзіи еще живы.

Между тѣмъ, нѣтъ сейчасъ болѣе важной и болѣе трудной задачи, чѣмъ трезвая оцѣнка и трезвый анализъ дѣйствующихъ силъ, чѣмъ ясныя перспективы грядущей эпохи. Безъ нихъ — либо «разочарованіе во всемъ» и общественный маразмъ, либо вѣра во всесиліе человѣческой воли и соціальные эксперименты.

Но эти дъйствующія силы различны на европейскомъ западъ и на востокъ. Объ половины Европы, во многомъ и раньше различныя, прожили послъдніе годы особой, обособленной жизнью. Поэтому необходимо разсмотръть отдъльно вопросъ о ближайшихъ перспективахъ Россіи, т. е. русской революціи, и о перспективахъ Запада и ожиданіяхъ міровой революціи. Но матеріальное и духовное возсоединеніе разбитыхъ осколковъ міра — діло ближайшихъ літь; и потому третья часть настоящей книжки посвящается общимъ задачамъ внутренней и внъшней политики - задачамъ, которыя состоятъ въ томъ, чтобъ ликвидировать, уничтожить и навъки похоронить воинствующую политику, политическое угнетеніе, подавленіе и опеку надъ созръвшими для свободы народами, чтобъ вернуть народамъ ихъ власть надъ самими собой и прочно прикръпить якорь полной, неподдъльной демократіи къ почвъ стараго и новаго міра.

Д. Далинъ.

А. РОССІЯ.

I.

Объективный смыслъ революціи.

Та революція, которую переживаетъ Россія вотъ уже пятый годъ, съ самаго начала была и остается до самаго конца буржуазной революціей.

Но это върно только въ объективномъ смыслъ. Она прошла черезъ цълый рядъ стадій, которыя субъективно — для вождей и участниковъ движенія — были окрашены въ самые различные цвъта. Ибо никогда пропасть между объективнымъ смысломъ историческихъ событій и цълями, надеждами, задачами дъйствующихъ лицъ не бываетъ такъ глубока, какъ во время революціи.

Въ «мирныя эпохи» исторія работаєтъ медленно, откровенно, на глазахъ у всѣхъ. Она облекаєтся въ смиренную тогу статистика и репортера, и къ концу каждаго года подводитъ балансъ, извѣстный каждому и безъ того. Новые кабинеты, новыя тюрьмы, успѣхъ или неудача пары налоговъ, захватъ или потеря клочка колоніальной земли — многоли нужно размышленія, чтобъ понять ходъ развитія, идущаго черепашьими шагами?

Но наступаетъ революціонный годъ и исторія надѣваетъ облаченіе Мефистофеля. Исчезаетъ политическая проза, соразмѣрность цѣлей и средствъ, прямые пути къ очевиднымъ цѣлямъ. Злая насмѣшница — исторія населяетъ головы людей тысячами миражей и заставляетъ ихъ, въ погонѣ за миражами, преслѣдовать и рвать на части другъ друга. Она уходитъ подъ землю и, дергая нити, къ которымъ привя-

заны великіе политики-маріонетки, устраиваетъ, послѣ недолгихъ колебаній, бѣшеный танецъ, который преломляется въ глазахъ участниковъ его, какъ прекрасное, торжественное шествіе къ разъ поставленной цѣли. Она ставитъ людей на каждомъ шагу втупикъ передъ неожиданной ситуаціей; и развѣ можетъ быть иначе? Вѣдь вмѣсто небесъ, которыя должны вотъ-вотъ снизойти на землю, люди вновь видятъ предъ собой лишь старое, грубое, земное.... И потому, когда разбушевавшееся море входитъ въ свои берега и революціонный процессъ приходитъ къ концу, человѣчество видитъ передъ собой картину, которая ни въ малѣйшей степени не похожа на то, что воображали себѣ крайніе и умѣренные, реакціонеры и либералы, контръ-революціонеры и самые безпощадные изъ безпощадныхъ революціонеровъ.

Въ томъ общественномъ строъ, который такимъ образомъ создается помимо и вопреки волъ отдъльныхъ людей, и сказывается объективный смыслъ событій.

Поэточу мы говоримъ: объективно русская революція есть революція буржуазная.

Въдь, казалось-бы, что могло быть проще? Общественное развитіе дошло въ Россіи въ первыя десятилътія 20-го въка до той точки, когда необходимость покончить со старымъ режимомъ сдълалась до прозрачности ясной. Гнилое дворянство, неспособное управлять хозяйствомъ, терявшее изъ году въ годъ свои земли, подавдявшее крестьянство своимъ политическимъ въсомъ и остатками своихъ могущественныхъ хозяйственныхъ привилегій, грубое, невъжественное, анти-культурное, порождавшее зубровъ, какъ квинтъ-эссенцію своего политическаго разума. Офицерство самоув вренное до наглости, дикое, пьяное и развратное, безпощадное къ солдатамъ, сплошь терпъвшее пораженія въ объихъ послъднихъ войнахъ. Буржуазія «купецкаго» типа, обвъшиваюшая и обмъриваюшая, берушая взятками и подхалимствомъ, «ходатайствующая» каждодневно у хранителей государственнаго сундука. Чиновничество продажное до самыхъ верхушекъ, лънивое и невъжественное, пропитанное канцелярской мертвечиной и переносящее эту мертвечину на всю государственную жизнь. Пролетаріатъ неграмотный, безъ организацій и газетъ, съ баснословно низкой производительностью, съ примитивными наслажденіями и запросами, выносливый вплоть до двѣнадцати часовъ труда. И наконецъ крестьянство — мужигкій океанъ въ лаптяхъ и поддевкахъ, — готовое на безропотную смерть и кровавые бунты, знаменитое хлѣбосольствомъ и жестокостью, грязное и некультурное, хозяйствуюшее допотопными способами, придавленное гранитнымъ вѣсомъ всей обшественной пирамиды, наверху которой красуется безцвѣтная фигура «бѣлаго царя».

Каковъ діагнозъ этихъ бользней? О, его не разъ въ теченій долгихъ десятильтій даваль серьезный научный анализъ. Это картина разлагающагося дворянскаго общества, которое не даетъ ходу «живымъ силамъ», подавляетъ предпріимчивость и иниціативу и отравляетъ обшественную атмосферу своимъ трупнымъ запахомъ; которое давно уже свершило все, что свершить ему дано. Какое обшество можетъ придти ему на смъну? Конечно, только буржуазное. И чтобъ это буржуазное обичество начало быстро развиваться, необходимъ политическій переворотъ, сопровождаемый экспропріаціей дворянской собственности. Это значить: уничтоженіе царизма; ликвидація дворянскаго сословія; упраздненіе старой бюрократій; увеличеніе крестьянскаго землевладінія, освобождение крестьянства отъ устарълой зависимости громадный ростъ его политическаго въса.

Много-ли въ этомъ отъ соціализма? Ни грана! И если-бъ въ исторіи все совершалось раціонально и раціоналистически, мы имѣли бы передъ собой въ эпоху русской революціи массорое нагодное движеніе, которое къ такимъ цѣлямъ присоединяетъ лишь соотвѣтствующія имъ и совмѣстимыя съ ними политическія задачи. Движеніе, въ которомъ рабочесоціалистическія тенденціи составляли-бы, соотвѣтственно роли пролетаріата въ Россіи, лишь одну изъ множества струй; движеніе, котогое добившись демократически-буржуазнаго порядка, успокоилось-бы на этомъ, и перешло къ «органической» эпохѣ русскаго капитализма.

Но исторіи угодно было устроить грандіозный маскарадъ. И черезъ самое короткое время послѣ начала буржуазной революціи, она ставитъ буржуазію и крестьянство въ оппозицію къ революціонному режиму, а главными актерами буржуазной революціи она дѣлаетъ смертныхъ враговъ буржуазіи, всерьезъ убѣжденныхъ, что они не предтечи капитализма, а его могильщики; что они совершаютъ «соціальную революцію».

Нужно понять смыслъ событій. Нужно сорвать маскарадныя одежды. Нужно смыть краски и бѣлила; судить не по словамъ, а по дѣламъ; не по намѣреніямъ, а по итогамъ. Нужно понять объективный смыслъ революціи.

II.

Гражданская война.

Субъективно революція состоитъ изъ двухъ рѣзко раздѣленныхъ частей: буржуазной и соціалистической. Буржуазная половина отличается тѣмъ, что она нерѣшается смѣло и радикально осуществить буржуазную революцію и ликвидацію стараго режима. Соціалистическая революція, идущая ей на смѣну, радикально ликвидируетъ старый режимъ, но пытается строить на развалинахъ его не капитализмъ, а коммунизмъ.

Въ первые восемь мъсяцевъ революціи — отъ февральскихъ до октябрьскихъ дней — сохраняется въ старомъ видъ вся бюрократическая система; сословныя различія не уничтожаются; дворянскія земли не конфискуются; учредительное собраніе не созывается. Съ громаднаго зданія старой имперіи ВЪ теченіе 2—3 февральскихъ дней снятъ куполъ — монархія Божьей милостью. Затъмъ въ ближайшіе мѣсяцы еще кое-что передѣлано въ высшихъ этажахъ. Упраздненъ Государственный Совътъ, слегка перестроенъ сенатъ, нехотя распущена Государственная Дума. Но старый, гнилой фундаментъ остается нетронутымъ, и вопросъ о крупной земельной собственности (въ Россіи это

почти равнозначуще съ дворянской собственностью) и вопросъ о старой бюрократіи не находить разрѣшенія. Поэтому возможность реставраціи стараго режима еще очень велика. Только разложеніе арміи, и съ нею всего государственнаго аппарата, убило реставраціонныя попытки. Если-бъ напротивъ, іюньское наступленіе 1917 г. на германско-австрійскомъ фронтѣ не окончилось катастрофой, а увѣнчалось крупными успѣхами — самоувѣренность военныхъ круговъ возросла-бы до такой степени, что революціи былъ-бы положенъ скорый конецъ, и возрожденіе старой монархіи сдѣлалось-бы неизбѣжнымъ. Военные заговоры, вродѣ Корниловскаго, имѣли-бы полный успѣхъ. Но военныя побѣды быливъ этотъ моментъ уже невозможны. Разложеніе стараго режима зашло такъ далеко, что онъ не могъ ужъ вытащить самъ себя за волосы.

Естественная, казалось-бы, группировка общественныхъ силъ, была въ этотъ моментъ такая: буржуазія, крестьянство и рабочіе противъ землевладьнія и бюрократіи. Но блокъ буржуазіи, рабочихъ и крестьянства существовалъ лишь первые нъсколько дней. Крупная промышленная и финансовая буржуазія связана была не только тысячами личныхъ и родственныхъ нитей съ дворянствомъ, но и сама была прикосновенна къ крупному землевладвнію: непосредственно, черезъ банки, ипотечныя цънности и пр. Ея политическіе запросы, съ другой стороны, находили себъ нъкоторое удовлетвореніе и при старомъ режимѣ — въ Государственномъ Советѣ и въ Думъ. Съ ея мнъніемъ считались и до революціи, и нъкоторыя министерства (финансовъ, торговли) всегда работали въ тъснъйшемъ контактъ съ ея организаціями. Поэтому для этого класса задача переворота состояла не въ ликвидаціи дворянства, какъ политической силы, и не въ ликвидаціи его землевладѣнія, какъ основы его политическаго бытія. Она состояла не въ борьбѣ съ дворянской собственностью, а въ томъ только, чтобъ оттъснить прежде господствовавшій классъ отъ власти и занять его мъсто.

Этотъ классъ вполнъ удовлетворенъ былъ-бы переворотомъ вродъ іюльской революціи 1830 г. Все, что выходило

за предѣлы такого небольшого сдвига влѣво, грозило ослабленіемъ и его политическаго вѣса, и вызывало реакцію въвидѣ блока крупной буржуазіи, финансовой олигархіи и дворянства.

Такъ буржуазная революція черезъ пару недѣль превратилась въ борьбу противъ «земельной, промышленной и финансовой олигархіи». Но блокъ этотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше пріобрѣталъ новыхъ сторонниковъ. Настроенія капиталистической олигархіи переносятся и на буржуазную «массу» и на родственные ей элементы интеллигенціи. Неизбѣжные спутники современной революціи — паденіе производительности, дисциплины и прибыльности, массовыя стачки, высокое обложеніе — бьютъ по крупной, по средней и по мелкой буржуазіи. Прогрессирующая революція не избѣжно превращается въ «анархію», ибо нарушеніе правъ и законовъ собственности дѣлается повседневнымъ явленіемъ. Борьба съ «анархіей» скоро выводитъ изъ революціоннаго строя всю имущую массу городовъ.

Но имушіе элементы, не только городовъ, но и деревни страдаютъ отъ тѣхъ-же явленій. Ликвидируя крупную земельную собственность, крестьянство свято оберегаетъ свою собственность, и съ того момента, какъ революція — примѣрно съ весны 1918 года — начинаетъ вмѣшиваться въ ходъ деревенской жизни, съ тѣхъ поръ, какъ «анархія» и реквизиція дѣлаются правиломъ и въ деревнѣ, крестьянство, несмотря на всѣ громадныя свои пріобрѣтенія, беретъ революцію подъ подозрѣніе. Оно выходитъ подчасъ изъ революціоннаго строя и даже примыкаетъ иной разъ къ блоку имущихъ классовъ.

Для теоретической схемы «буржуазной революціи» эта группировка общественныхъ силъ какъ будто не подходитъ. «За» или «противъ» собственности — не объ этомъ вѣдь рѣчь идетъ. Дѣло сводится объективно къ побѣдѣ буржуазной (т. е. крестьянской, промышленной, вообще — товарной) надъ дворянской (т. е. привилегированной, обогащенной повинностями и политическими привилегіями) собственностью. Но въ томъ и состоитъ «діалектика» исторіи,

что упраздненіе того или иного рода собственности создаетъ «единый фронтъ» представителей всякой собственности. По другую сторону фронта собираются, слъдовательно, принципіальные противники всякой частной собственности. Такъ буржуазная революція превращается въ войну всъхъ имущихъ классовъ и коммунизма. Этимъ моментомъ перерожденія буржуазной революціи и былъ первый годъ совътской власти.

Политика «октябрьскаго режима» состояла въ радикальной и молніеносной ликвидаціи стараго режима, до фундамента его, до самыхъ глубокихъ корней. Громадная разрушительная работа, совершенная стихійно, народными низами и принявшая планомѣрныя формы лишь тогда, когда эту работу пришлось защищать на военныхъ фронтахъ! Но это разрушеніе совершалось с у бъективно во имя немедленнаго соціализма. Поэтому вся хозяйственная политика новаго режима была политикой соціалистическаго строительства. Она представляетъ такой интересъ, что мы въ дальнъйшемъ на ней остановимся подробно.

Но, предвосхищая подробный анализъ и подводя итотъ четырехлътней дъятельности коммунистическаго правительства, приходится сказать:

- 1) Въ области внъшней и военной политики оно имъло большіе, подчасъ блестящіе успъхи.
- 2) Въ области политики внутренней успъхи гораздо меньше, неудачи очень велики.
- 3) Наконецъ въ области экономической политики одна сплошная грандіозная неудача.

Почему таковъ итогъ коммунистической революціи? Потому что интересы крестьянства рѣшали судьбу всей политики. Съ крестьянствомъ часто не считались. Его мнѣнія не спрашивали. Съ нимъ нерѣдко воевали. Но его громадный вѣсъ, какъ гиря, притягиваль къ землѣ всѣ планы и разсчеты. Каждый политическій шагъ, проходя сквозь горнило крестьянскихъ интересовъ, получалъ молчаливо рѣшеніе своей судьбы: успѣхъ илы неудача.

Внъшняя политика началась съ сепаратнаго перемирія и брестскаго мира. Рабочіе относились къ нему скептически. Буржуазія и интеллигенція — съ полнымъ отрицаніемъ. Но его хотъло крестьянство! Опросъ городскихъ и сельскихъ совътовъ, передъ заключеніемъ брестскаго мира, показалъ, что никто сильнъе крестьянства не требовалъ немедленнаго мира во что бы то ни стало. Его хотъла, конечно и вся крестьянская масса старой, развалившейся арміи. И онъ былъ заключенъ вопреки оппозиціи въ собственныхъ рядахъ правящей партіи.

Крестьянство хотъло мира, чтобъ заняться своимъ хозяйствомъ въ необыкновенно-благопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ ликвидаціей стараго режима. . За брестскимъ миромъ послъдовала дълежка дворянскихъ имъній и усадебъ, (въ городахъ ей сопутствовалъ іюньскій декретъ 1918 г. о сплошной націонализаціи крупныхъ промышленныхъ предпріятій), и съ точки зрѣнія крестьянства всявн в ш няя политика должна была отнынъ сосредоточиться на защитъ крестьянскихъ завоеваній. Это была задача в н ъ ш н е й политики, а не одной только внутренней. Она должна была осуществиться во-первыхъ въ борьбъ съ внъшними силами, силами интервенціи; и во-вторыхъ въ борьбъ съ силами внутренними, организованными въ арміи, т. е. опять-таки военными и внъшне-политическими методами. Словомъ въ процессъ войны, которая приняла формы гражданской войны.

Какова была и деологія «гражданской войны?» Трудно представить себѣ большее противорѣчіе между идеологіей и реальностью, чѣмъ въ этомъ трагическомъ и героическомъ эпизодѣ революціи. По ту сторону фронта стояли знамена «демократіи». Освобожденіе отъ большевистскаго террора, гражданскія свободы, укрѣпленіе революціи — были идеями однихъ; но съ ними боролись плечо къ плечу носители идеи «великой Россіи», милитаристской, монархической державы; а ядромъ всего движенія были небольшія группки высшаго дворянскаго откровенно-реакціоннаго офицерства. «Борьба за свободу», какъ лозунгъ этого движенія быль, конечно,

правильнымъ выраженіемъ идеологіи, но соціальная сущность движенія была совершенно иная. Она состояла въ реставраціи не только политическихъ, но и соціальныхъ устоевъ до-революціоннаго режима. Однако крестьянству эта реставрація угрожала больше, чъмъ какому-либо изъ другихъ классовъ. Поэтому оборона противъ этого фронта лежала раньше всего въ интересахъ крестьянства.

Но подъ какимъ знаменемъ шла эта оборона? Какова была идеологія по сю сторону баррикады? Защита крестьянской собственности происходила въ формѣ борьбы противъ частной собственности, противъ капитализма, противъ міровой буржуазіи. Это было знамя «міровой революціи». И какъ ни свѣжи событія 1918-19 г. г. и какъ ни много писали о нихъ во всей міровой прессѣ — очень немногіе помнятъ идеологію того времени. Она гласила:

Соціалистическая революція въ Россіи находится въ непримиримой войнъ съ міровой буржуазіей. Не можетъ быть ни компромиссовъ, ни соглашеній. Миръ невозможенъ. Либо русская революція воспламенить весь міръ и сдълаеть коммунистическій пролетаріатъ хозяиномъ положенія во всъхъ странахъ, либо міровой капитализмъ задушитъ русскую революцію. Третьяго выхода нътъ. Поэтом у задача внутренней политики состоитъ не въ томъ, чтобъ искать какихъ либо путей къ соглашенію съ противникомъ (Колчакъ, Деникинъ и др.), а въ томъ, чтобъ идти безстрашно по пути соціализаціи Россіи. Отказъ отъ компромиссовъ и война до «побъднаго конца» съ русской реставраціей обосновывается не тъмъ, что это реставрація до-капиталистическихъ общественныхъ отношеній, а тѣмъ, что она воплощаетъ въ себъ повергнутыя въ прахъ силы капитализма. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобъ образцомъ «пролетарскаго государства» (совътизмомъ) — и экономической политикой (націонализаціей) воспламенить сердца всемірнаго пролетаріата.

Подъ этой идеологіей, полной иллюзій, скрывалась очень реалистическая политика въ интересахъ новаго крестьянства. В с я к а я гражданская война ведется за очень реаль-

ные, матеріальные интересы. Но в с я к а я гражданская война — и этимъ она отличается отъ войны международной — ведется во имя великихъ идей — великихъ иллюзій. Въ международной войнъ цъли ясно и ръзко ограничены. Эльзасъ и Бріэ, Галиція и проливы — что можетъ быть яснъе и отчетливъе? Но когда «братъ встаетъ на брата» — проза не можетъ освятить братоубійства. Нужны великіе идеалы, чтобъ вызвать воинственный порывъ, безконечное самопожертвование и адскую жестокость, безъ которыхъ гражданская война невозможна. Такъ въ американской войнъ за освобожденіе рабовъ люди закрывали глаза на то, что на смѣну старому рабству грядетъ капитализмъ со своей системой эксплоатацін. Они были убъждены, что отнынъ наступитъ царство равенства и справедливости. Въ гражданской войнъ французской революціи въ 1792-94 гг., вожди революціоннаго народа посылали тысячи людей на смерть и сами гибли безъ сожалѣнія, глубоко убѣжденные, что этой цѣлью покупается истинная свобода и братство. Могли-ли бы они пробудить ту гигантскую энергію, которая была необходима для ихъ дъла, если-бъ они разсуждали трезво и спокойно, если-бъ они говорили:

«Мы ведемъ войну за то, чтобъ одну систему эксплуатаціи — феодальную, замѣнить другой, высшей системой эксплуатаціи — капиталистической!»

Много-ли нашли-бы они послѣдователей? Много-ли революціонныхъ солдатъ пошли-бы добровольно на смерть во имя «высшей системы эксплуатаціи?»

И исторія вкладываетъ имъ всѣмъ въ голову, и массѣ, и вождямъ — какъ бы заботясь объ успѣхѣ ихъ дѣла — фантастическую идеологію тысячелѣтняго царства, готоваго вотъвотъ наступить. И тогда вспыхиваетъ въ нихъ святая любовь къ человѣчеству, святая ненависть къ врагу — насильнику; въ религіозномъ порывѣ загораются глаза, сжимаются руки, и воспламененная народная масса совершаетъ подвиги, чудеса героизма, а своихъ ненавистныхъ враговъ-антихристовъ жжетъ на кострахъ и мучаетъ медленной смертью. Такова механика революціи!

И такова же механика русской революціи, которая въ теченіе 2-хъ лѣтъ (съ цоня 1918 по ноябрь 1920 г.) проходила подъ знакомъ гражданской войны. Въ этотъ періодъ крестьянство еще растеряно, аполитично, неспособно къ собственному выступленію подъ собственной идеологіей. Только ближайшіе годы воспитаютъ его самостоятельное движеніе. Активной силой, оставался пролетаріать. Но какіе результаты получились-бы, если-бъ, обращаясь къ красной арміи, Троцкій сказалъ прозаическую истину: «буржуазное хозяйство двинетъ впередъ производительныя силы Россіи, реставрація-же задержитъ развитіе капитализма. Такъ ударимъ же, братцы, на врага — во имя буржуазнаго хозяйства!» При русскомъ уровнъ народной культуры изъ этого ничего бы не вышло. Нужны фантазіи, чтобъ побъждать. Только фантазеры дълаются вождями. И вотъ ходятъ люди по землъ, а головы носять въ облакахъ. И каждый шагъ свой по гръшной землъ освящаютъ великими цълями освобожденія человъчества.

Естественный союзъ Колчака или Деникина съ великими державами Европы, дълается для совътской власти исходной точкой вн вшней политики, которая по существу есть воюющей страны, обычная политика но облечена въ совершенно новыя, оригинальныя одежды. Нужно разложить тылъ противника. Это старое правило войны. Этого требуетъ военная логика. Это дълаетъ каждая воюющая страна. Роюющая Германія поощряєть лівых соціалистовь во Франціи не за ихъ идеи, а за предполагаемое разложеніе французскаго тыла. Франція въ восторгъ отъ Либкнехта, не отъ идей его, а отъ крайней оппозиціи своему воюющему правительству. И Германія, и Франція, и каждая другая воюющая держава готова была немалыя средства отдать на антиправительственную агитацію въ странѣ противника. Каждая содержитъ шпіоновъ, устраиваетъ взрывы, поддерживаетъ повстанчество в с я к а г о вида, готовитъ путчи и бунты. Это естественно, иначе и быть не можетъ.

То же должна дълать коммунистическая власть, если она находится въ войнъ. Но она ръшительно не можетъ дъйство-Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 2

вать по старому. И въ то время, какъ французы и англичане тайными заговорами, поддержкой нѣкоторыхъ возстаній, блокадой стремятся разложить «совътскій тылъ», — московское правительство прибъгаетъ къ новому средству — Коммунистическому Интернаціоналу. Онъ способенъ превосходно выполнить тъ-же задачи, но въ совершенно иной формъ и съ совершенно другой идеологіей. Иниціаторы 3-яго Интернаціонала, конечно, субъективно относились къ нему совершенно иначе. Для нихъ, какъ и для прочихъ участниковъ его, онъ представляетъ міровую организацію для коммунистической революціи. Это субъективно. Объективно — новая организація вполнъ подходила къ задачамъ крестьянской революціи въ ея войнъ съ великими державами міра. Не было лучшаго орудія для разложенія «буржуазнаго тыла». Ибо 3-ій интернаціоналъ, хотя и существоваль на русскія средства, дъйствовалъ въ интересахъ новой Россіи не только деньгами, но и убъжденіемъ, не столько заговорами, сколько массовыми движеніями. И каждый шагъ союзныхъ правительствъ противъ совътской Россіи вызывалъ бурю негодованія. Это негодованіе сыграло, въ концѣ концовъ, не малую роль въ политикъ Англіи и даже Франціи. Ему обязана Россія тъмъ миромъ, который фактически наступилъ въ концъ 1920 г.

Я не говорю, конечно, что оборона русской революціи противъ интервенціи во вс вх в фазах в революціи не лежить въ интересахъ европейскихъ рабочихъ. Конечно, они заинтересованы были въ неудач вокраинныхъ армій. Но не случайно в в и то, что изъ вс в хъ начинаній 3-го Интернаціонала усп в хъ достался ему лишь въ д в л в международной обороны сов тской Россіи, т. е. раньше всего интересов в русскаго крестьянства! Періодъ высшаго расцв в коммунистическаго Интернаціонала приходится на годы гражданской войны, 1919—1920. Съ 1921 года онъ начинаетъ клониться къ упадку: м в ня в тех ситуація въ Европ в. И на ціо на льной русской политик в онъ съ этого времени нуженъ гораздо меньше. Крайній интернаціонала быль орудієм в національной русской политики.

Въ борьбъ съ блокадой и вообще съ англійской интервенціей, коммунистическое правительство искало той точки, гдъ-бы оно могло сильнъе всего уязвить Англію. Какъ извъстно, это путь въ Индію т. е. Ближній Востокъ, раньше всего Персія, Афганистанъ и Малая Азія. Еще Наполеонъ мечталъ убить Англію въ Азіи. Въ міровой войнъ Германія использовала противъ Англіи туркофильскія настроенія въ Персіи и стремилась распространить свое непосредственное вліяніе на Месопотамію. По тому же пути идетъ и воюющая противъ Англіи совътская Россія. Но для этого она прибъгаетъ опять-таки къ новымъ по формъ методамъ, среди которыхъ самымъ характернымъ былъ съъздъ Народовъ Востока. Какъ извъстно, онъ состоялся въ сентябръ 1920 года, въ немъ приняли участіе делегаты изъ Турціи, Персіи, Индіи, Афганистана, Бухары, Хивы, Туркестана и Кавказа — странъ, непосредственно соприкасающихся съ англійской политикой и являющихся объектомъ ея. Характерно, что Китая и Японіи въ спискъ нътъ. Первые оба доклада на конгрессъ — Зиновьева и Радека — «указали на нашаго главнаго врага на Востокъ — англійскій имперіализмъ...» «Никто изъ членовъ конгресса не забудетъ минуты, когда Зиновьевъ призывалъ къ Священной Войнъ съ міровымъ имперіализмомъ, въ первую очередь съ англійскимъ капитачеловъкъ, какъ одинъ, поднялись лизмомъ, И 2000 со своихъ мъстъ и, схватившись за свои револьверы, мечи и кинжалы, поклялись бороться со своими угнетателями до послъдней капли крови». Что-же объщаетъ коммунистическій интернаціоналъ народамъ Востока? Буржуазныя свободы? О нътъ, для боевого энтузіазма этого мало. Въ пару часовъ новая теорія для востока изготовлена. «Было-бы ошибкой — говорилъ и писалъ Радекъ — видъть въ революціи, которая развивается на востокъ, буржуазную революцію. Она устранитъ феодализмъ, создастъ въ началъ классъ мелкихъ землевладъльцевъ, но она происходитъ въ періодъ, когда разложеніе мірового капитализма затрудняетъ созданіе буржуазнаго строя и его развитіе на востокъ. Европейскій пролетаріатъ поможетъ имъ совершить переходъ отъ 2*

мелкобуржувазныхъ условій существованія къ высшимъ коллективистскимъ, избъгнувъ періода капиталистической эксплуатаціи.» 1)

«Освобожденіе колоній» и «борьба противъ имперіализма міровыхъ акулъ» были, по существу дѣла, направлены раньше всего противъ Англіи. И такъ какъ подъ знаменемъ «освобожденія» продвигались и красныя войска, то вся эта политика не осталась безъ вліянія на Англію. Она первая изъ величайшихъ державъ пошла на заключеніе договора съ совѣтской Россіей, т. е. прекратила политику интервенціи и признала новый порядокъ вещей.

Но и въ другихъ отношеніяхъ сов' тская власть продолжала въ новыхъ формахъ идти по «испытаннымъ» путямъ традиціонной дипломатіи. Съ Афганистаномъ она заключила договоръ, по которому ежегодно выдаетъ афганскому правительству 1 милл. руб. золотомъ, т. е. ставитъ его въ прямую зависимость отъ себя, которая имъетъ смыслъ только какъ орудіе въ борьбъ съ Англіей. Съ Персіей быль заключенъ договоръ въ февралъ 1921 г., по которому Россія уступаетъ Персіи территоріи, перешедшія къ Россіи 30—40 лътъ назадъ, передаетъ ей финансовыя предпріятія (Учетный банкъ), желъзныя и шоссейныя дороги, телеграфныя и телефонныя линіи и т. п. Концессіи, полученныя Россіей отъ Персіи, аннулируются. Но вся эта ликвидація прежней финансовой оккупаціи Персіи получаетъ свое истинное значеніе, если разсмотръть, что Персія объщаеть взамънъ. -Пунктъ VI-ой гласитъ, что въ случаъ, если какая либо третья держава (т. е. Англія) военными методами будетъ проводить политику аннексій на территорій Персій или же сдълаетъ Персію базой военныхъ операцій противъ Россіи, — то Россія, послів предупрежденія, имбетъ право ввести свои войска на персидскую территорію. Этотъ военный союзъ является главнымъ элементомъ договора.

Если интересы чистопробнаго коммунизма требовали великой міровой войны пролетаріата съ буржуазіей, то инте-

¹⁾ K. Kadek, Kongress der Ostvölker, Russ. Korr. Nr. 14—15.

ресы крестьянства требовали мира на основ в революціоннаго переворота, Побъдила крестьянская тенденція, и въ настоящее время дъло мира зашло достаточно далеко впередъ.

По своему отношенію къ совътской Россіи всъ прочія страны дълятся нынъ на три группы. Къ первой принадлежатъ непосредственные сосъди Россіи. Они признали ее de jure. Сюда относятся Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Турція, Персія, Афганистанъ. Большинство изъ нихъ раньше входили въ составъ Россіи цъликомъ или отчасти; для нихъ дъло признанія — вопросъ жизни. Они пошли на «признаніе» исходя, конечно, изъ своихъ интересовъ. Но въ результатъ Россія окружена государствами (исключеніе составляетъ одна Румынія), давшими максимальную юридическую гарантію неприкосновенности революціонныхъ достиженій — мирный договоръ, обмънъ послами и пр. Внъшняя политика большинства изъ этихъ трехъ странъ достигла въ настоящее время извъстной назависимости отъ великихъ державъ, и потому договоръ съ ними имъетъ большую цънность.

Вторая группа — это «признаніе de facto», но не de jure: стыдливый «миръ»; миръ на ³/4. Сюда принадлежатъ Англія, Германія, Австрія, Италія, Чехія, Швеція, Норвегія. Послѣ всѣхъ военныхъ усилій признаніе de facto — радикальный поворотъ въ политикѣ, сущность котораго сводится къ томуже: готовности примириться съ новымъ порядкомъвещей въ Россіи.

Третья группа — страны «принципіальныя». Франція, Юго-Славія, Венгрія, Соед. Штаты Ни de jure, ни de facto. — До недавняго времени — постоянная готовность къ интервенціи. Но умирающая «активность» въ русскомъ вопросъ. и растушая готовность продать «святой принципъ» за хорошую плату со стороны Россіи.

Если оцѣнить эту ситуацію съ точки зрѣнія до-военнаго положенія Россіи, то она безконечно плоха. Плохой она останется и въ томъ случаѣ, если весной 1922 г., какъ можно ожидать, послѣдуетъ международное признаніе совѣтскаго правительства. Но плоха она лишь по сравненію съ до-воен-

нымъ значеніемъ Россіи. Однако, если принять во вниманіе договоры союзниковъ съ Колчакомъ, Деникинымъ, Юденичемъ, и Франціи съ Врангелемъ; если вспомнить о французскомъ десантѣ на югѣ, англійскомъ — на сѣверѣ и войскахъ Бермонта на западѣ, то по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, огромный успѣхъ бросается въ глаза. Онъ возможенъ былъ потому, что крестьянская красная армія дѣлала дѣло, необходимое и для крестьянства. И московское правительство, управляя крестьянской арміей, могло достигать порой большихъ успѣховъ.

Но если подъ коммунистической идеологіей скрывалось національное діло защиты новаго режима отъ реставраціи, — то эта идеологія въ свою очередь не оставалась безъ вліянія на политику: Идеологія воинствующей міровой революціи, міровой гражданской войны, распространяющейся изъ русскаго очага, есть идеологія революціонной экспансіи военными методами. Для нее нътъ болье труднаго вопроса, какъ самоопредвление народовъ. Она готова перешагнуть черезъ эту независимость, чтобъ водрузить красное знамя въ чужихъ странахъ. Съ этой идеологіей въ головъ освящала Москва завоеваніе Грузіи въ февралъ 1921 г. Эта-же идеологія коммунистическаго имперіализма 1 толкнула его лътомъ 1920 г., когда польское наступленіе было уже отбито, на созданіе «революціонныхъ комитетовъ» для Польши и Галиціи, готовыхъ замѣнить правительство Пилсудскаго въ тотъ моментъ, когда красныя войска оккупируютъ всю Польшу. Съ этой цълью отклонено было мирное посредничество Англіи, и красная армія была послана на Варшаву. Докладывая объ этомъ московскому совъту осенью 1920 г., Каменевъ говорилъ:

«Въ Центральномъ Комитетъ Коммунистической Партіи, когда онъ отклонилъ англійское посредничество, было сказано вполнъ отчетливо: мы переворачиваемъ новую страницу міровой исторіи!»

¹) Въ одной своей брошюрѣ въ 1920 г. А. Луначарскій такъ и назвалъ эту политику, относясь къ ней одобрительно. У меня нѣтъ ея подъ рукой для точной цитаты.

Это означало: коммунистическое возстаніе въ Германіи и война на Рейнѣ между «міровымъ пролетаріатомъ» и «міровой буржуазіей». Эта «страница исторіи» дорого обошлась Россіи. Это были расходы на дорого-стоющую идеологію. Это была дань національнаго дѣла коммунистической иллюзіи.

Въ тотъ день, когда я пишу эти строки, годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась война съ Польшей и почти одновременно война съ Врангелемъ. И этотъ періодъ лишь подкрѣпилъ и усилилъ результаты всей предыдущей внѣшней и военной политики. По существу дѣла новая Россія признана всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Другой Россіи нѣтъ Совѣтское правительство есть русское правительство. Радикальнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи т. е. смѣны правительства не добивается на дѣлѣ ни одна страна. Это означаетъ:

Во-первыхъ, полную побъду крестьянства надъ прежде господствовавшими классами, нсеотъемлемость, неприкосновенность новой крестьянской собственности;

во-вторыхъ, ликвидацію политическихъ силъ стараго режима;

въ третьихъ, обезпеченность коммунистическаго режима отъ внъшняго вмъшательства. Тъмъ явственнъе дълается его несостоятельность по соображеніямъ внутренней политики.

Ш.

Корни террора.

Въ первоначальной программѣ большевизма, наканунѣ октябрьскаго переворота, о политикѣ репрессій, о террористическомъ подавленіи противника не было и помину. Въ отличіе отъ программъ правыхъ партій Россіи или Венгріи, когда они готовятся къ захвату власти, большевики и не предполагали установить неограниченную партійную диктатуру и устранить в с я к і я свободы. Это не было сознательнымъ обма-

номъ, наоборотъ: они были убѣждены, что имъ удастся установить «свободу» въ рамкахъ совѣтскаго строя. Этой идеей — свободный совѣтскій строй — они и завоевали милліоны стогонниковъ.

И отнюдь не сразу они вступили на путь террора. Странно вспоминать, что въ первые 5—6 мѣсяцевъ совѣтской власти продолжала выходить оппозиціонная печать не только соціалистическая, но и откровенно буржуазная. Первый случай смертной казни имѣлъ мѣсто только въ маѣ 1918 года. На собраніяхъ выступали всѣ, кто хотѣлъ, почти не рискуя попасть въ че-ка. «Совѣтскій строй» существовалъ, но безъ террора. И если вслѣдъ за тѣмъ большевистское правительство прибѣгло къ безпримѣрно-жестокимъ репрессіямъ, то это нужно понять и объяснить. Почему это произошло?

Обычно это объясняется гражданской войной. «А la guerre comme à la guerre!» Когда стрѣляютъ на фронтахъ, трудно удержать ружья, готовыя стрѣлять и въ тылу. Вѣрно и то, что начало террора — лѣто 1918 года — совпадаетъ съ началомъ гражданской войны. И однако это объясненіе совершенно ложно.

Гражданская война закончилась осенью 1920 года. Съ тъхъ поръ прошелъ цълый годъ. Что-же, смягчился-ли внутренній режимъ, смягчены репрессіи и возсоздана-ли какая-нибудь политическая свобода? Нътъ, если измъненія и произошли, то вст они относятся къ области экономической политики. Нътъ и сейчасъ еще ни малъйшаго намека на выполнение даже тъхъ свободъ, которыя провозглашены въ совътской конституціи. Почему-же этого не дълаетъ коммунистическое правительство? Въдь не изъ слъпого пристрастія къ террору, не изъ принципіальнаго преклоненія передъ нимъ! В сяко е правительство прибъгаетъ къ системъ репрессій только въ томъ случат, когда оно спасаетъ этимъ свое существованіе. Это политическая азбука. Никакихъ другихъ «достаточныхъ основаній» не нужно. Спасеніе своей власти является для всякой партіи перворазрядной задачей, а для партіи, взявшей на себя обязательство осушествить соціализмъ, сохраненіе власти есть высшій законъ. Ему все подчиняется.

113

Въ первые 7—8 мѣсяцевъ большевистская власть существовала безъ террора. Въ послѣдніе годы, въ войнѣ и безъ войны, она практикуетъ терроръ. Это означаетъ, что поддержка, оказываемая ей народной массой, ослабѣла, отпали цѣлыя народныя глыбы, раньше подпиравшія новую власть, и чѣмъ больше съужается соціальный базисъ, на которомъ она стоитъ, тѣмъ труднѣе удержаться, и приходится балансировать — все больше въ сторону че-ка.

Гражданская война дала дъйствительно толчокъ развитію террора. Это върно. Но вотъ надъ чъмъ слъдуетъ подумать. Почему больше полугодія о настояшей гражданской в ойн в не было ръчи? Почему регулярныя арміи противъ московскаго правительства удалось создать только въ концъ 1918 года? Или раньше охотниковъ не было? Сколько угодно! Почемуже крайніе ея враги дали ей столько сроку?

Нетрудно понять причину. Въ кони 1917 года невозможно было сколотить даже минимальную военную силу. Нельзя было найти достаточно воинственно-настроенныхъ людей. Только въ отдаленномъ углу юго-востока и еще на Уралъ шла вооруженная борьба, неопасная для Москвы. Вся прочая Россія была либо пассивна, либо-же активные элементы ея были по большей части благожелательно-выжидательны къ большевистскому правительству.

Если вслъдъ за тъмъ положеніе измънилось и цълыя арміи удавагось создать на югъ и востокъ, то это симптомъ тогоже явленія, о которомъ я говорилъ ужъ выше: отпаденіе массы народной отъ первоначальнаго большого большовистскаго блока. разочарованіе въ большовизмъ, наконецъ, растушая враждебность къ чему. Вотъ этотъ процессъ, открывая пути для гражданской войны, вмъстъ съ тъмъ дълалъ терроръ неизбъжнымъ и необходимымъ орудіемъ самообороны для большовистскаго правительства.

Три года прошло съ тъхъ поръ. Исторія этихъ трехъ льтъ полна зигзаговъ политики московской власти, то готовей на маленькое смягченіе режима, то взывавшей къ безпошадной расправъ. Но если нарисовать діаграмму этихъ колебаній, то общая, средняя, господствующая тенденція скажется

совершенно ясно. Она ведетъ неуклонно къ съуженію политической свободы, ликвидаціи всякой, даже самой конституціонной оппозиціи, къ неограниченному и безконтрольному абсолютизму центральнаго комитета коммунистической партіи. Но мы уже видѣли, что репрессіи растутъ обратно пропорціонально массовой поддержкѣ правительства. Поэтому, если мы установили, что ликвидація всѣхъ политическихъ свободъ шла неизмѣнно впередъ, то это новый симптомъ основного процесса — потери «рабоче - крестьянскимъ правительствомъ» сочувствія «рабоче-крестьянской» массы.

Въ чемъ-же дъло? Чъмъ объясняется это важнъйшее явленіе въ исторіи революціонной эпохи? Его причина лежитъ въ экономической области. Какъ ни велики были подчасъ внъшніе или военные успъхи власти, какъ ни безспорно поэтому ея «признаніе» всѣми гражданами Россіи, — всѣ эти успѣхи и растущее признаніе ея уничтожались непрерывнымъ процессомъ хозяйственнаго распада. За эти четыре года не было ни одного момента, когда можно было серьезно говорить о крупномъ улучшеній въ области экономики. Съ каждымъ годомъ падали урожаи; съ каждымъ мѣсяцемъ сокращалось промышленное производство; съ каждымъ днемъ росли цъны, достигая астрономическихъ величинъ. Жилось поэтому все хуже и тяжелъе, развивались эпидеміи, росла смертность, голодъ и холодъ приняли неслыханные размъры. И вмъстъ съ тъмъ каждому было ясно, что немалая доля вины за это лежитъ на коммунистическомъ правительствъ. Крестьяне негодовали противъ продотрядовъ, на взжихъ комиссаровъ, воинскихъ частей — и устраивали возстанія. Служащіе всъхъ ранговъ наблюдали кражи, подкупы въ массовыхъ разм разм рахъ. А рабочіе — въ числъ другихъ — ощущали результаты всей этой политики въ видъ падающихъ пайковъ, растушихъ цънъ, отсутствія топлива, развала домовъ послъ всеобщей націонализаціи промышленности и торговли. Великъ-ли могъ быть послъ этого моральный авторитетъ новой власти?

Но это была крайняя лѣвая власть. Она пришла, какъ наслѣдница всѣхъ предыдущихъ режимовъ. Передъ населеніемъ продефилировали всѣ другія партіи отъ черной сотни до лѣ-

выхъ эсэровъ. И каждый разъ при смѣнѣ власти повторялось одно и то же: это началось въ февралѣ 1917 года, и неизмѣнно повторялось при каждомъ дальнѣйшемъ политическомъ кризисѣ:

Старая власть плоха. Она не умѣетъ наладить внѣшнюю политику и правильно рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ. Она ведетъ плохую внутреннюю политику, и тысяча скандальныхъ эпизодовъ у каждаго на языкѣ. Она не можетъ совладать съ козяйственнымъ разваломъ, и часъ отъ часу дѣлается труднѣе жить. Старая власть не годится. Но рядомъ съ ней имѣется другая сила, на нѣсколько градусовъ лѣвѣе ея. Вотъ это партія серьезная, умная, способная все черное сдѣлать бѣлымъ. И она такъ таинственна и интересна! Ея вожди испытаны въ политической борьбѣ и долгими годами страданій заслужили право на власть. Они многое вынесли — можно-ли сомнѣваться въ ихъ честности, преданности народу и добрыхъ намѣреніяхъ? А кромѣ честности и добрыхъ намѣреній — развѣ требуется еще что-нибудь?

И вотъ рефлекторъ исторіи передвигается нѣсколько влѣво. Свѣтъ падаетъ на вчерашнюю оппозицію. Что правѣе, уже осталось въ тѣни и скоро забывается. Все вниманіе милліоновъ людей сосредоточено на томъ освѣщенномъ клочкѣ политическаго экрана, гдѣ въ предѣлахъ между правой и лѣвой полагается быть данной, нынѣ правящей партіи. Дѣятели новой власти начинаютъ дѣйствовать. Они говорятъ рѣчи, пищутъ статьи, издаютъ декреты, посылаютъ ноты. Кувыркаются и изощряются передъ лицомъ публики, чтобы снискать похвалу и поклоненіе.

Напрасно! Подъ яркимъ свѣтомъ великаго рефлектора видно все — и то, чего масса народа не замѣчала, когда этотъ уголокъ еще былъ въ тѣни. Вдругъ замѣтны всѣ пятнышки и прорѣхи, бѣлила и румяна, вставные зубы и парики. Бѣшеный хоръ критики помогаетъ этому процессу изо всѣхъ силъ. Каждую ошибку онъ превращаетъ въ преступленіе, каждую обмолвку и описку въ признакъ безнадежнаго идіотизма. Онъ умѣетъ разыскать гдѣ-то корзиночку грязнаго бѣлья, и вытащивъ каждую штуку на солнышко, разгляды-

ваетъ зорко всѣ пятна и грязь. «Нѣтъ, — говоритъ тогда, вздыхая, народная масса — видно и эти — не то!»

Восторги спадаютъ, разочарованіе растетъ съ каждымъ днемъ. Проходитъ мѣсяцъ — другой, и судьба новой власти рѣшена. Новый сдвигъ влѣво, и сказка начинается сначала. Такъ толпа рукоплескала сперва Родзянкъ, затъмъ Милюкову, потомъ Керенскому, потомъ Церетелли, потомъ Спиридоновой, затъмъ Ленину.

Ленинъ пришелъ послъднимъ. Дальше него никого нътъ. Свътъ падаетъ на самую лъвую точку экрана. Чъмъ лъвъе партія, тъмъ ниже тотъ соціальный слой, съ которымъ она связана. Ленинъ связанъ съ низшими слоями пролетаріата. Дальше внизъ идти некуда; значитъ и дальше влъво тоже некуда.

Поэтому, когда растетъ оппозиція противъ Ленина — а она растетъ точно такъ же, какъ она росла противъ всъхъ его предшественниковъ, - то она должна выражаться въ формахъ. Нътъ новой, болъе лъвой совершенно новыхъ партіи, которая собрала-бы вст ручейки недовольства и отвела ихъ въ свое большое русло. Есть только болве правыя партіи. Но они ужъ знакомы, испытаны и не могутъ вызвать былого энтузіазма. Тѣ или иныя изъ нихъ могутъ имѣть успѣхъ; ихъ критику очень охотно слушаютъ; имъ довъряютъ больше, чъмъ власти. Но двинуть массу народную на большое политическое выступление - это имъ не по силамъ. Число ихъ върныхъ сторонниковъ, членовъ ихъ организацій не растетъ, какъ бы великъ ни былъ подчасъ ихъ ораторскій или литературный успъхъ. Въ изголодавшейся и изверившейся массъ они вызвать большого энтузіазма ужъ не могутъ.

Поэтому ликвидацію большевизма нельзя представлять себѣ такъ, какъ происходила ликвидація предыдущихъ правительствъ: массовыя демонстраціи, сраженія, возстанія. Нельзя думать, что силы, стоящія внѣ правящей партіи и въ оппозиціи къ ней, окажутся достаточно велики и сплоченны, чтобъ свергнуть старую власть и замѣстить ее новою, своею. Паденіе политической активности дѣлаетъ это невозможнымъ.

Но если ликвидація извнѣ невозможна, то она очевидно должна произойти изнутри. Изнутри это значитъ — собственными силами коммунистической партіи. Что это значитъ?

Чтобъ отвътить на этотъ вопросъ, надо кратко прослъдить исторію большевизма въ качествъ правящей партіи.

IV.

Россійскій коммунизмъ.

Съ какимъ человъческимъ багажомъ вступила большевистская партія въ революцію? Это были нъсколько тысячъ человъкъ, оставшихся въ наслъдство отъ революціи 1905 года, отчасти въ эмиграціи, по большей части въ Россіи. Сколько ихъ было, никто, конечно, не скажетъ; но безусловно не больше пяти — десяти тысячъ, — изъ нихъ не меньше трети — интеллигенція. Вотъ тотъ основной капиталъ, который сталъ затъмъ давать большіе дивиденды.

Въ первый періодъ революціи — между февралемъ и октябремъ — въ большевистскую партію притекли десятки тысячъ. Наканунѣ переворота членовъ было около четверти милліона. Эти «мартовскіе большевики» — большевики второго сорта. Воспитанные на опытѣ 1917 года, они не знаютъ на практикѣ исторіи своей партіи и дѣйствительной группировки политическихъ силъ въ послѣдніе 10—20 лѣтъ. Они не способны оцѣнить значенія политическихъ свободъ, демократіи. Дѣйствительное различіе между монархіей и республикой, свобода печати, значеніе оппозиціи, для нихъ почти непостижимы. Однако, и эта категорія большевиковъ имѣла за себя тотъ плюсъ, что она примкнула къ своей партіи тогда, когда партія подвергалась нѣкоторымъ преслѣдованіямъ.

Этого качества не имѣютъ за собой большевики третьяго сорта — примкнувшіе къ партіи послѣ октября, т.-е. въ тотъ моментъ, когда большевистская партія уже была правяшей,

и когда участіе въ ней давало немало правъ, привиллегій и жизненныхъ благъ. Сколько такихъ членовъ?

Численное развитіе большевистской партіи шло во время революціи слѣдующимъ образомъ. За первый мѣсяцъ она сгруппировала нѣкоторые рабочіе кадры и достигла 1):

1 апрѣля 1917 г. . . . 50 000 членовъ. а затѣмъ росла очень быстро:

25	іюля	1917	Γ.			200 000	членовъ,
25	октября	1917	»			240 000	»
	мартъ	1919	»			313 766	»
	мартъ	1920	»			611 978	»

Въ дальнъйшемъ, въ серединъ 1921 г., число членовъ оцънивалось въ прессъ приблизительно въ 650-700 тысячъ 2).

Такимъ образомъ, «до-октябрьскихъ большевиковъ» 240 тысячъ изъ общаго числа, почти втрое большаго. «Послъоктябрьскихъ большевиковъ» было, до послъдней «чистки», сократившей численность партіи на ¼, почти полмилліона. Что же представляетъ собой эта громадная человъческая масса?

Среди нихъ, во-первыхъ, множество честныхъ рабочихъ, слишкомъ робкихъ, чтобъ «идти къ большевикамъ», когда тѣхъ преслъдуютъ, но все-же не имъющихъ никакихъ особыхъ личныхъ цѣлей. Они честно проникнуты идеей немедленнаго соціализма; они болье непосредственно и еще болье наивно представляютъ себъ процессъ созданія соціализма, чъмъ старые большевистские вожди. Они максималисты въ самомъ упрощенномъ смыслъ слова. Для нихъ подавление

1431 коммунистъ. Изъ коммунистовъ вступили въ партію: между 1896—1904 г. — 31 человѣкъ въ 1905—1906 г. — 20 " въ 1907—1916 г. — 48 " въ 1917 г. —220 въ 1918 – 1920 г. —790

(Russische Korrespondenz Nr. 12-13, c. 738).

¹⁾ Докладъ Зиновьева на конференціи Р. К. П. въ октябръ 1920 г. и Бубновъ, Исторія Р. К. П.

²) Очень яркую иллюстрацію къ вопросу, "Кто управляетъ Россіей", даетъ слѣдующая таблица, рисующая составъ петербургскаго совѣта въ первую половину 1920 г. Изъ 1924 членовъ его

буржуазіи и «буржуазныхъ подголосковъ» — върный и несомнънный путь «прямо къ цъли». Созданіе немедленнаго и полнаго равенства — альфа и омега ихъ политики и экономики. Всъ классовыя различія они знаютъ только въ одномъ смыслъ: богатые и бъдные. У богатыхъ надо все отобрать, подълить между бъдными. Здъсь, въ этомъ слоъ, коренится примитивная идея «коммунизма потребленія», дълежки. Къ нимъ-то аппелировалъ Ленинъ, когда приглашалъ «грабить награбленное». Къ нимъ взывалъ Троцкій, когда призывалъ раздъвать на улицахъ буржуазію. Ради нихъ производились безплодные, но демагогическіе «продовольственные обыски». Ради нихъ публично уничтожались «дополнительные пайки», чтобъ возродиться вскоръ въ другой, болъе стыдливой формъ. Они ненавидятъ интеллигенцію, бюрократію, всъхъ привилегированныхъ, они фанатичны, безпощадны и готовы собой пожертвовать, но и врага четвертовать. Они честны и воодушевлены. Они въруютъ.

Во-вторыхъ, рабочіе-карьеристы. Такихъ тоже очень немало. Это безпартійные въ душъ рабочіе, настроенные скептически къ большевизму, но безъ какого-либо политическаго credo. Достаточно способные, чтобъ выдълиться изъ общей массы и быть избранными въ какой-нибудь заводской комитетъ, районную комиссію или т. п., они чувствуютъ себя обойденными и обиженными тъмъ, что всъ серьезныя дъла, въ томъ числъ и ихъ личная судьба, ръшаются за ихъ спиной во всемогущей «комячейкв». Въ то же время вся текущая, будничная работа закрываетъ собой политическій горизонть, и въ этой мелкой работъ они идутъ рука объ руку съ коммунистами. Почему-бы въ такомъ случат не вступить въ Р. К. П. ? Сперва что-то смутное мъщаетъ; но его побъждаютъ другіе чувства, и въ одинъ прекрасный день они обзаводятся членской книжкой и вступаютъ въ лоно комячейки. И тогда они послушны въ подчиненіи партійнымъ директивамъ. Но ни въры, ни энтузіазма у нихъ нътъ и въ поминъ. Они умѣютъ использовать свое положеніе какъ нельзя лучше и устроить свои личныя дъла. Они циничны въ душъ и очень трезво оцъниваютъ свои личныя перспективы въ случаъ военно-политическаго переворота. Ихъ связь съ Р. К. П. не идейная, а объясняется лишь выгодой положенія и общностью опасности.

Наконецъ, третья категорія — злостные карьеристы. Сюда входять раньше всего перебъжчики изъ другихъ партій (среди которыхъ не больше 1/10 составляютъ искренніе коммунисты, отказавшіеся отъ прежнихъ убъжденій и увъровавшіе въ большевистскую «диктатуру пролетаріата»). остальные 90 % — довольно откровенные ренегаты, примыкавшіе къ кадетамъ, эсэрамъ и меньшевикамъ (а порой и къ монархистамъ), когда казалось, что это самый върный путь къ богатству и власти, и продълавшіе затъмъ унизительную процедуру «публичнаго раскаянія» съ письмами въ газеты и пр., чтобъ найти теплое мъстечко подъ коммунистическимъ солнышкомъ. Къ этой группъ относится множество мелкихъ комиссаровъ въ провинціи, особенно въ деревнъ. Сюда относятся также бывшіе торговцы, спасающіе свое достояніе; люди съ сомнительнымъ прошлымъ; жулики и фальшивомонетчики; уголовные по всёмъ статьямъ уложенія, нашедшіе примъненіе своимъ талантамъ и прикрытіе своимъ подвигамъ подъ краснымъ зонтикомъ Р. К. П. Это категорія «примазавшихся».

Если къ этимъ тремъ группамъ прибавить еще горсточку честныхъ вождей-политиковъ, то этимъ составъ большевистской партіи будетъ исчерпанъ. Какой элементъ изъ этихъ трехъ является самымъ цѣннымъ для большевизма? Это ясно безъ долгихъ разсужденій. И матеріальнымъ базисомъ ея, и сокровищницей вѣры, активности, боевого темперамента является первая группа. Безъ нея большевизмъ не побѣдилъ бы въ октябрѣ 1917 года, не создалъ-бы красной арміи въ 1918—19 гг., не одолѣлъ-бы враговъ въ гражданской войнѣ. Безъ нея большевистская партія не могла-бы сдѣлаться правящей и удержаться увласти. Наблюдатели Россіи, особенно внѣшніе наблюдатели, знаютъ совѣтскій строй по большевистскимъ литераторамъ и ораторамъ, бюрократамъ и спекулянтамъ. Но почвенный слой имъ не знакомъ. И потому-то они такъ часто су-

дятъ вкривь и вкось о русскомъ коммунизмъ и будущности совътскаго строя.

Большевистская партія въ качествѣ оппозиціи состояла почти изъ однихъ только этихъ честныхъ утопическихъ элементовъ. Но за четыре года пребыванія у власти она продѣлала не мало и, измѣняя Россію, сама подверглась радикальнымъ измѣненіямъ. Она не только обросла толстымъ слоемъ безпардонныхъ карьеристовъ и негодяевъ, но — это гораздо важнѣе — она и въ другихъ отношеніяхъ разложилась на новые, очень различные элементы.

Во-первыхъ, произошло раздѣленіе на «верхи» и «низы». Это дѣленіе, совершенно немыслимое въ оппозиціонной большевистской партіи, дѣлается, повидимому, глубже съ каждымъ днемъ и грозитъ сдѣлаться роковымъ для коммунистической власти. Верхи — это управляющій государствомъ аппаратъ. Въ большевистскомъ государстве, гдѣ в с я к а я общественная дѣятельность есть государственная функція, этотъ управляющій аппаратъ неизбѣжно пріобрѣтаетъ чудовищные размѣры. Число «совѣтскихъ служащихъ» перевалило за 2 милліона. Невозможно было, конечно, замѣстить эти 2 милліона должностей одними коммунистами. Но всѣ руководяще посты должны были естественно оставаться за ними. Такимъ образомъ, эта масса «совѣтскихъ служащихъ» представляетъ собой новый, очень вліятельный общественный слой съ коммунистической верхушкой.

Откуда взялась эта верхушка? Сперва въ нее вошли центральные и мъстные партійные вожди. Но это продолжалось недолго. Государственная машина разросталась, ея функціи пріумножались, новые органы плодились, и для новыхъ руководящихъ постовъ приходилось все чаще и глубже зачерпывать въ рядовую партійную массу. Ибо отнюдь не хватало для этихъ функцій «вчерашнихъ коммунистовъ» — перебъжчиковъ и ренегатовъ. И изъ коммунистической партійной массы выхватывались всъ минимально грамотные, чтобъ занять вакантный «постъ». Государственная верхушка состояла до революціи изъ чиновниковъ. Теперь, въ началъ, она состояла изъ интеллигентовъ; но къ основном у интеллигентовъ;

скому ядру все въ большихъ размърахъ примыкала новая рабочая, коммунистическая бюрократія.

Коммунистическій рабочій базисъ, «низы» сокращались подчасъ очень замѣтно. Закрытіе заводовъ, распыленіе пролетаріата, военныя мобилизаціи и извлеченіе болѣе способныхъ для бюрократическихъ постовъ сужали пролетарскій фундаментъ власти. Число членовъ партіи иной разъ и росло. Но новые коммунисты по качеству и настроенію далеко не могли замѣнить старый обстрѣленный въ бояхъ лучшій элементъ коммунизма. И послѣ каждой «партійной недѣли» въ коммунистической прессѣ появлялись нескончаемыя жалобы на уровень новыхъ партійныхъ товарищей. Умники изъ журналистовъ дѣлали изъ этого только тотъ выводъ, что надо читать лекціи для малыхъ сихъ!

По мъръ того, какъ сокращались «низы» и сжимался базисъ, колоссально выростали «верхи». Черезъ пару лътъ образовался внушительный слой коммунистической бюрократіи, въ которой нашли себъ мъсто сотни тысячъ членовъ правящей партіи, въ числъ ихъ и интеллигенція и рабочіе. Новый слой занялъ своеобразное, промежуточное положеніе между партійной массой коммунистовъ и бюрократической массой служащихъ. Сперва, разумъется, нити перваго рода (связующіе коммунистическую бюрократію съ коммунистической рабочей массой) были очень сильны и кръпки. Но время шло, и логика положенія взяла свое. Коммунистическіе «верхи» жили на дълъ въ тъхъ же условіяхъ, что и вся остальная служилая масса; матеріальное положеніе ихъ, сфера интересовъ совпадали. Отъ рабочихъ ихъ всвхъ — и коммунистовъ й не-коммунистовъ — отдъляли методы оплаты ихъ труда, система ставокъ, пайковъ, часы труда, обстановка работы. Они больше не заняты были непосредственно-производительнымъ трудомъ, а стали у правлять - заводами, желъзными дорогами, тюрьмами, судами, ротами, деньгами. ужъ не подчинялись фабричной дисциплинъ, а жаловались на паденіе ея. Они ужъ не бастовали противъ начальства, «морящаго голодомъ», а жаловались на «безсмысленную массу,

требующую невозможнаго». Они прониклись «государственнымъ» сознаніемъ и «государственными интересами» и требовали жертвъ въ со стороны пролетаріата; но не жертвъ въ борьбѣ, а жертвъ-компромиссовъ, уступокъ, отказовъ и призывали къ «благоразумію» и «осторожности». Имъ очень скоро началъ импонировать типъ стараго чиновника, неторопливаго, методичнаго, знающаго свое дѣло. И съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ они ужъ относятся къ пылающему наивнымъ энтузіазмомъ коммунисту-рабочему, воображающему, что дѣло идетъ плохо потому, что мало били буржуазію!

Составъ новой бюрократіи такъ интересенъ, что стоитъ привести нѣсколько цыфръ, анализирующихъ его. По отношенію къ губернскимъ и уѣздымъ исполкомамъ (высшая власть въ губерніи и уѣздѣ, «коллективные губернаторы и градоначальники») произведена перепись, охватившая 60 % всѣхъ членовъ исполкомовъ во второй половинѣ 1919 г.¹). Оказалось конечно, что изъ 3729 на долю коммунистовъ приходится 3083, т.-е. 85,6 %. Изъ коммунистовъ вступили въ партію:

въ 1905 г. и ранѣе 215 чел. или 8,7 % общ. числа » 1906—16 . . 184 » » 7,4 % » » » 1917 590 » » 23,9 % » » » 1918—1919 . . 1494 » » 60,0 % » »

Полное господство «новыхъ коммунистовъ» сказывается и здѣсь очень ясно. По своей профессіи (до революціи) члены исполкомовъ распредѣлялись:

Рабочіе, крестьяне и служащіе представлены почти равном врно.

¹⁾ Владимирскій. Совѣты, исполкомы и съѣзды совѣтовъ. 3*

Если отъ этихъ органовъ высшей политической власти перейти къ органамъ экономической власти, то картина въ общемъ будетъ та же, только на долю рабочихъ приходится, естественно, большій процентъ. Число членовъ президіумовъ, совнархозовъ (въ томъ числъ — высшаго), коллегій «главковъ» и фабрично-заводскихъ управленій составляло къ концу 1920 г. 1470 чел.¹), изъ нихъ

рабочихъ 905 т. е. 61,6 % «спецовъ» . . . 451 » 30,7 % служащихъ . . . 114 » 7,7 %

Здѣсь рабочіе составляютъ больше половины, но за то ихъ ближайшимъ сотрудникомъ здѣсь является квалифицированный «спецъ», т.-е. буржуа или-же интеллигентъ, мытый въ семи водахъ «буржуазности». Амальгама этихъ элементовъ и составляетъ то, что нынѣ является правящимъ сословіемъ.

Пропасть, отдѣляющая коммунистическіе «верхи» отъ «низовъ», углубляется съ каждымъ днемъ. «Верхи» сживаются съ новой бюрократіей; отдѣленные отъ нея стѣной комячейки и директивами разныхъ «центровъ», они на дѣлѣ все больше проникаются психологіей этой новой, въ революціи созданной, соціальной массы, къ которой на дѣлѣ они принадлежатъ. Всевозможные «спецы», съ которыми они работаютъ, слишкомъ сильно вліяютъ на нихъ, чтобъ оставить ихъ коммунизмъ дѣвственно-нетронутымъ. Нѣтъ, незаконное сожительство съ «буржуазными спеціалистами», буржуазной интеллигенціей вполнѣ преобразилъ ихъ и сдѣлалъ пригодным и для управленія буржуазнымъ государствомъ.

Сюда относятся, не всѣ коммунистическіе «верхи». Съ одной стороны нѣкоторая часть этихъ верховъ вообще никуда не годится. Она сидитъ на своихъ должностяхъ, потому что надо было заткнуть дыру коммунистомъ. Съ другой — небольшая, очень небольшая горсточка людей принимаетъ въ серьезъ «коммунизмъ» и порветъ съ бюрократической массой въ тотъ моментъ, когда превращеніе Россіи въ бур-

¹⁾ Отчетъ В. С. Н. Х. 8-му събзду совътовъ.

жуазную страну сдълается болъе откровеннымъ. Въ этомъ и состоитъ сущность того переворота, къ которому совътская Россія приближается съ огромной быстротой.

Вся остальная масса «верховъ» занимаетъ въ своемъ родѣ на дклассово е положеніе. «Интересы рабочаго класса» сдѣлались фразой, которой больше не слышно въ этихъ кругахъ. Да и какъ говорить объ этихъ интересахъ, когда на каждомъ шагу приходится ихъ нарушать, то въ интересахъ крестьянъ, то въ интересахъ арендаторовъ, концессіонеровъ, то ради красной арміи, когда приходится изо дня въ день бороться съ рабочими на почвѣ экономическихъ требъваній. Государство — левіафанъ, государство — предприниматель, въ видѣ коммунистическаго государства, вырабатываетъ свою бюрократію, которая «въ интересахъ цѣлаго» должна бороться съ интересами «небольшой части» — рабочимъ классомъ.

Вотъ какъ характеризуетъ эту коммунистическую бюрократію рядовой представитель коммунистической массы:

«Шкурники и прохвосты, примазавшіеся къ совѣтской власти исключительно съ цѣлью личнаго благоустройства, а также обыватели во образѣ коммунистовъ создаютъ себѣ уровень жизни и внѣшніе пріемы, напоминающіе уровень и пріемы прежнихъ чиновниковъ. Ненависть массъ къ этимъ прохвостамъ должна быть всячески привѣтствуема.

Но и честные партійные работники, не переходящіе границъ оффиціально дозволеннаго, въ условіяхъ привилегированнаго положенія, психологически поддаются соблазну и отрываются отъ массъ. Они становятся надъ массами. Имъ и массамъ становится труднъе понимать другъ друга; вожди постепенно теряютъ свое. обаяніе какъ вождей». (Статья Сперанскаго въ «Правдъ» отъ 16 февр.).

И въ этой коммунистической бюрократіи, какъ и во всякой иной бюрократіи, идетъ непрерывная борьба различныхъ кликъ между собой. Есть, во-первыхъ, бюрократія военная и гражданская. Военная бюрократія милитаристична и агрес-

сивна. Коммунистическіе военачальники и старые генералы, дружно работая, въ равной мѣрѣ мечтаютъ о «славѣ оружія» и орденахъ, вновь введенныхъ большевистскимъ милитаризмомъ, они не выносятъ «компромисснаго мира» и на «штатскихъ» своихъ товарищей смотрятъ какъ на помѣху въ военныхъ дѣлахъ. Этой милитаристской кликѣ обязана Россія походомъ на Варшаву лѣтомъ 1920 г. послѣ того, какъ оборонительная война была закончена; ей-же она обязана и грандіозными завоевательными планами и авантюрами, закончившимися до сихъ поръ довольно неудачно на западѣ, но гораздо удачнѣе на юго-востокѣ. Милитаристскій блокъ этотъ представляетъ опасность для в с я к а г о будущаго демократическаго режима въ Россіи.

По другой линіи идетъ борьба между бюрократіей профессіональныхъ союзовъ и всей прочей бюрократіей. Самыхъ-то союзовъ давно ужъ почти что нътъ, и правленія ихъ превратились въ канцеляріи съ неопредъленнымъ кругомъ функцій или безъ всякихъ функцій. Но осталась громадная масса «профессіональной бюрократіи», въ большей степени большевистской, въ большой части рабочей. Она считаетъ своей привилегіей тъсную связь съ рабочей массой, и никто въ средъ коммунизма не ръшается оспорить ея право говорить отъ имени «профессіонально-организованнаго» пролетаріата. Она стоитъ вдали отъ государственнаго «строительства», и не умфетъ воспользоваться предоставленными ей широкими правами для борьбы противъ удлиненія рабочаго дня и палочной системы фабричной дисциплины. Но бюрократическія права свои она блюдетъ изо всъхъ силъ — и на этой почвъ два раза разгорълась ожесточенная борьба въ лонъ коммунистической бюрократіи.

Въ первый разъ это было въ началѣ 1920 г., когда разбирался вопросъ объ «единоначаліи» и «коллегіальности». Какъ извѣстно, рѣчь шла о томъ, какъ создавать органы, управляющіе пормышленными предпріятіями. По-старому, эти органы состояли по большей части изъ 3—5—7 человѣкъ, отчасти назначенныхъ свыше, отчасти «выбранныхъ» рабочими. Эти громоздкіе и некомпетентные органы вели дѣла плохо и

только увеличивали громоздкость бюрократической машины. Но ввести единоличное управленіе означало удалить изъ фабричныхъ дирекцій нѣкоторое количество бюрократовъ профессіональнаго движенія; это означало — вручить всю власть одному буржуазному «спецу», ибо этимъ однимъ не могъ, конечно, быть рабочій - профессіоналистъ. Бурныя столкновенія между обѣими группами большевистской бюрократіи закончились, какъ извѣстно, побѣдой единоначалія. Но «профессіоналисты» не остались въ большой обидѣ. Ибо н а д ѣ л ѣ реформа была лишь формальная. Въ большинствѣ случаевъ члены старыхъ коллегій были оставлены на своихъ постахъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ номенклатуры должностей. Такъ мирно рѣшаются иной разъ внутренніе вопросы бюрократіи!

Болѣе серьезный характеръ приняло столкновеніе обѣихъ группъ черезъ годъ, въ началѣ 1921 года. Это была эра «дискуссіи о профсоюзахъ». Она вскрыла въ ходѣ борьбы глубочайшія разногласія между всѣми составными элементами Р. К.П. и въ этомъ смыслѣ представляла большой интересъ.

Одно теченіе возглавлялось Троцкимъ. Это было крайнее выраженіе коммунистической диктатуры. Никакой самодъятельности, никакихъ свободь — организація народнаго хозяйства мърами государственнаго принужденія. Принужденіе не только по отношенію къ буржуазіи и къ крестьянству, но и по отношенію къ рабочимъ. Тюрьма и ссылка за плохую работу. Тъсное сотрудничество съ чрезвыч. комиссіями и союзъ Троцкаго съ Дзержинскимъ.

На другомъ флангѣ коммунистической партіи стояла «рабочая демократія». Это наивное, утопическое теченіе, вѣрящее въ немедленное наступленіе всеобщаго благосостоянія и царства Божія на русской землѣ. Но для этого надо «призвать рабочія массы» къ хозяйственному устроенію. Надо смягчить диктатуру, умѣрить власть бюрократіи, возродить живую общественную жизнь. И раньше всего призвать проф. союзы къ организаціи хозяйственной жизни.

Между этими крайностями стоялъ Ленинъ со своей фракціей. Онъ хотълъ всъхъ примирить, сръзать острые углы —

и оставить все по-старому. Но ему приходилось трудно. Ибо трудно, въ условіяхъ большой и непрекращающейся разрухи, увѣрить кого-либо, что старые методы приведутъ къ хорошему. Потребность въ новомъсловъ разлагала фракцію Ленина и усиливала крайніе фланги, непримиримо враждующіе между собой.

V.

Декадансъ большевизма.

Но дискуссія заглохла быстро и неожиданно въ мартъ 1921 года. Главной причиной послужило кронштадтское возстаніе, которое вмѣстъ съ тъмъ сдѣлалось исходной точкой для совершенно новой политики. Оно обнаружило, какое громадное недовольство накопилось въ средъ самыхъ горячихъ сторонниковъ и стойкихъ приверженцевъ совѣтской власти. И всякому ясно было, что въ основъ этого недовольства лежитъ постоянное ухудшеніе матеріальнаго положенія и крестьянъ, и горожанъ, и арміи. Это былъ еще одинъ «человъческій документъ» и очень сильный аргументъ противъ россійскаго коммунизма, большевистскаго утопизма, словомъ противъ большевистской экономики. Это было ясно. Движеніе чисто-политическое («свободные совъты»!), оно имъло, какъ и всякое политическое движеніе, очень реальные, матеріальные корни. Не понять этого не могли и большевики.

Къ этому моменту разочарованіе въ старой экономической политикъ зашло ужъ очень далеко и въ кругахъ коммунистическихъ «верховъ». Неудачи были ужъ слишкомъ велики, чтобъ хоть одинъ человъкъ продолжалъ серьезно върить, будто во всемъ виноваты «саботажники» и контръ-революціонеры. «Надклассовая» бюрократія къ этому моменту ужъ достаточно оторвалась отъ большевистскихъ низовъ, чтобъ заняться самокритикой и констатировать необходимость «пойти на выучку къ капитализму». Такъ кронштадтское возстаніе только извлекло на поверхность новыя настроенія, зръвшія втихомолку, въ сердцахъ болъе трезвыхъ элемен-

товъ большевизма.

Какъ всегда, первое слово сказалъ Ленинъ. Въ брошюрѣ о «продналогѣ» онъ сталъ объяснять, что капитализмъ можетъ быть даже положительнымъ явленемъ, ибо «капитализмъ есть зло по отношенію къ соціализму, капитализмъ есть благо по отношенію къ средневѣковью, по отношенію къ мелкому производству, по отношенію къ связанному съ распыленностью мелкихъ производителей бюрократизму». Онъ сдѣлалъ выводъ о томъ, что съ «кулачествомъ» отнюдь не слѣдуетъ бороться тѣми мѣрами, которыя ведутъ къ его уничтоженію; что нужно допустить и частную торговлю, и даже мириться со спекуляціей.

За Ленинымъ послъдовалъ цълый хоръ второстепенныхъ дъятелей. Иные умъли очень убъдительно объяснить необходимость капитализма. Рыковъ, напр., говорилъ очень вразумительно на 4-мъ събздъ совътовъ народнаго хозяйства:

«Если какая-нибудь фабрика, которая въ нашихъ рукахъ бездъйствуетъ, пойдетъ въ ходъ въ рукахъ частнаго предпринимателя, то преступленіемъ было-бы не передать ее ему. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобъ возможно скорте, любыми средствами уничтожить товарный кризисъ».

И посыпался рядъ практическихъ мѣръ, о которыхъ я подробно говорю въ главѣ объ экономической политикѣ: свобода торговли, сдача въ аренду заводовъ и фабрикъ, возвратъ домовъ ихъ владѣльцамъ, возвратъ къ «буржуазной системѣ» оплаты желѣзнодорожнаго движенія, квартирной платѣ и т. д. Я не занимаюсь здѣсь анализомъ этихъ декретовъ въ общемъ или въ частности. Тотъ вопросъ, который надо сейчасъ выяснить, гласитъ: какъ отразится эта новая политика на коммунистической партіи?

Еще нъсколько мъсяцевъ назадъ русскіе коммунисты только улыбались при такомъ вопросъ. «Какъ отразится? Да никакъ не отразится. Партія скована жельзной дисциплиной и она такъ же стойко отступитъ теперь, какъ она наступала на контръ-революцію!» Но эта самоувъренность ровно ничего не стоитъ. Ибо точно такъ же какъ армію сковываетъ и усиливаетъ удачное наступленіе и разлагаетъ большое отступленіе, — такъ и большевистскую партію, воспитавшую свою

дисциплину въ удачныхъ войнахъ, неизбѣжно разлагаетъ быстрое отступленіе, превращающееся подчасъ въ паническое бѣгство.

«Кто и почему выходить изъ партіи?», спрашиваеть Мироновъ въ московскихъ «Извъстіяхъ» отъ 2-го октября; и группируя уходящихъ коммунистовъ по мотивамъ ухода, — отвъчаетъ на свой вопросъ:

Первую группу составляють тъ, кто видълъ «въ періодъ «военнаго коммунизма» начало непосредственнаго и быстраго преобразованія нашего хозяйства въ коммунистическое, забывая, что наше хозяйство является только частью мірового и не можетъ мыслиться независимо отъ него. Имъ хотвлось ввести коммунизмъ, что называется, однимъ ударомъ. Въ результатъ, эта «нетерпъливость» обильно вскармливала революціонную фразу и должна была привести страдающихъ ею товарищей къ разрыву съ партіей, приближенію къ анархизму. Пока, однако, шла борьба на военныхъ противоръчіе положенія этихъ, по существу, чуждыхъ намъ элементовъ, не вскрылось съ достаточной очевидностью. Только переходъ къ новой экономической политикъ, въ отношени къ которой опредъляется марксистъ, заставилъ эти элементы снова продумать свое отношеніе къ партіи. Самые честные изъ этихъ элементовъ предпочли уйти изъ партіи, осознавъ случайность своего пребыванія въ ней».

Такимъ образомъ, это честные, боевые коммунисты, върившіе въ наступленіе коммунизма и уходящіе изъ партіи потому, что они не могутъ мириться съ ея новымъ «курсомъ на капитализмъ».

Вторая группа это крестьяне.

«Защиту революціи самые сознательные изъ крестьянъ, естественно, не отдѣляли отъ коммунистической партіи, разсматривая послѣднюю съ точки зрѣнія борьбы съ помѣщиками, а не какъ строителя общества на новыхъ началахъ. Раскулачиваніе, которое сопровождало революцію въ деревнѣ, еще болѣе революціонизировало ее бѣдноту. Но оно же привело къ совершенно инымъ результатамъ. Деревня осереднячилась. Бѣднякъ, получившій землю и лошадь, постепенно

успокаивался и сливался съ остальной деревней. Это «окулачиваніе» не могло пройти совершенно незамѣтно для сельской ячейки, крестьянъ-коммунистовъ. Часть ея также успѣвала за періодъ раскулачиванія усилить, укрѣпить свое хозяйство и постепенно стала отходить отъ партіи (кътому желиквидація фронтовъ почти вытравила у нихъосновное, — память о помѣщичьей опасности)».

Наконецъ третью и четвертую группу составляютъ, по мнѣнію Миронова, тѣ коммунисты, кто «усталъ голодать» или не понимаетъ новой экономической политики. Какъ полагается въ офиціозахъ, Мироновъ заканчиваетъ свою статью разными предложеніями, какъ спасти партію отъ разложенія. Но фактъ распада остается неоспоримымъ.

Да и какъ могло быть иначе? Представьте себъ коммунистическаго рабочаго-«середняка», того наивнаго и фанатичнаго коммуниста, который всерьезъ былъ убъжденъ, что только русская и міровая буржуазія мѣшаютъ установленію коммунизма въ Россіи, и что поэтому побъда надъ ними въ гражданской войнъ обезпечитъ счастливое развитіе коммунизма. И что-же? Когда буржуазія разбита, приходится продълывать поворотъ къ капитализму, да такой крутой и ръшительный, что отъ вчерашняго коммунизма остаются лишь рожки да ножки. И тысяча вопросовъ встаетъ передъ каждымъ большевикомъ. Если капитализмъ неизбъженъ, зачъмъ-же мы съ такими жертвами изгоняли его три года? Если наши репрессіи не уничтожили буржуазію, зачъмъ чрезвычайныя комиссіи занимались массовымъ уничтоженіемъ отдъльныхъ буржуа? Если диктатура коммунистовъ совмъстима съ капитализмомъ, зачъмъ подавление демократическихъ партій? Да мало-ли еще какіе вопросы встаютъ передъ нимъ, если онъ видитъ на дѣлѣ, какъ всѣ программы и прогнозы послъднихъ лътъ превращаются въ свою противоположность!

Онъ до сихъ поръ дѣлалъ коммунистическое дѣло, и дѣлалъ его съ энтузіазмомъ. Онъ безъ энтузіазма вообще ничего

дълать не умъетъ. Но вотъ ему поставлена новая задача. Онъ долженъ содъйствовать ликвидаціи коммунистическаго хозяйства! Онъ долженъ помогать сдачъ въ аренду того завода, гдъ онъ работаетъ. Онъ долженъ помочь старому домовладъльцу водвориться въ своемъ старомъ владъніи. Онъ долженъ мириться съ новымъ с о ц і а ль н ы мъ н е р а в енство мъ, которое будетъ неизбъжно расти и углубляться при новомъ курсъ политики.

«Ни въ одной самой богатой капиталистической странъ нътъ сейчасъ такой разнузданной расточительности, такого мотовства и обжорства, какія царятъ сейчасъ у насъ среди совбуровъ и вновь испеченной буржуазіи. Въ Парижъ, Лондонъ, Нью-Іоркъ — роскошь отъ изобилія, у насъ — роскошь среди неслыханнаго обнищанія, среди невиданнаго голода; тамъ капиталистъ проъдаетъ небольшой процентъ своихъ доходовъ, здѣсь проъдаютъ весь доходъ или его огромную долю.

«Наша буржуазія находится въ періодѣ первоначальнаго накопленія, но не хочетъ накоплять, и на глазахъ у голоднаго населенія безцеремонно съѣдаетъ то, что она воруетъ у государства или выжимаетъ изъ голоднаго населенія». (Кузовковъ, въ «Извѣстіяхъ», 11 ноября 1921 г.).

И съ этимъ долженъ мириться нашъ рядовой коммунистъ! Онъ долженъ создавать это! И все это онъ долженъ дълать съ одушевленіемъ! Нътъ, это сверхъ силъ его!

Въдь и Ларинъ говоритъ, что «сдача въ аренду предпріятій — дъло досадное и очень непріятное!» А легко-ли съ жаромъ дълать столь досадное и непріятное дъло?

Совершенно иначе относятся къ новому курсу въ партійныхъ «верхахъ». Конечно, и тутъ немало смятенія и растерянности. Легко-ли въ пару мѣсяцевъ перевести все хозяйство на новыя рельсы? Но это безпокойство — не безпокойство за свои принципы. Это тревога не за коммунизмъ, а за свою работоспособность, не за равенство, а за пригодность и приспособленность къ совершенно новымъ задачамъ. Объ энтузіазмѣ здѣсь вообще рѣчи нѣтъ. Ибо здѣсь работа давно уже идетъ безъ павоса. И для возврата къ капитализму

бюрократія пригодна уже потому, что она вообще выполнитъ все, что прикажутъ; выполнитъ, поскольку выполненіе вообще въ данныхъ условіяхъ возможно. Это люди выпотрошенные и выхолощенные. Страсти у нихъ не бываетъ. Они поэтому съумѣютъ сдѣлать «дѣло досадное и непріятное».

Такимъ образомъ, въ сферъ экономики бюрократія о казывается способной дълать то, что Россіи сейчасъ необходимо: содъйствовать развитію капитализма; въ то время, какъ утопическіе «низы» мотутъ только препятствовать и затруднять подобнаго рода развитіе. И если называть прогрессивнымъ все то, что можетъ содъйствовать экономическому прогрессу, то бюрократія оказывается болье прогрессивной, чьмъ рабоче-коммунистическая масса. Иначе однако складываются взаимоотношенія въ политической области.

Коммунистическіе «низы» не потеряли въры въ силу массы. Они сохранили въ себъ капельку классическаго большевизма, большевизма 1917 года. Въ нихъ живъ Sturm und Drang большевизма. Но этотъ классическій большевизмъ заключаетъ въ себъ большое ядро демократизма. демократіи, какъ распространенной въ міръ государственной системы, а демократизма въ смыслъ напряженной общественной жизни со множествомъ организацій, съъздовъ, комитетовъ, выборовъ, гласности. Въдь выраженіемъ этихъ-то настроеній и была «совътская конституція», предоставляющая свободу печати, собраній, союзовъ всъмъ партіямъ «трудящихся классовъ». Эпоха коммунистической власти уничтожила эти свободы. Но она отнюдь не вытравила эту, самую сильную сторону совътской идеологіи изъ души своихъ горячихъ и наивныхъ приверженцевъ. Поэтому эти элементы коммунизма при всевозможныхъ грядущихъ политическихъ столкновеніяхъ, въ борьбъ съ теченіями монархизма, бюрократизма, полицейскаго государства окажутся на сторонъ болъе свободныхъ общественныхъ формъ.

Наоборотъ, бюрократія лишена этого пристрастія къ свободной общественной жизни. Она была с а м а диктаторомъ. Она сама состоитъ изъ продкомиссаровъ, чекистовъ, офицеровъ, полицейскихъ. Въ ней нѣтъ и не можетъ быть поэтому пристрастія вообще ни къ какой опредѣленной политической формѣ, и легче всего будетъ ей отвыкнуть отъ «совѣтизма». Часть ея можетъ поэтому, при условіяхъ, благопріятныхъ для абсолютизма, легко сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь популярнаго «мужицкаго» политика и пьедесталомъ для его возвышенія.

Такъ причудливо складываются комбинаціи соціальныхъ силъ. «Низы» утопичны, экономически реакціонны, политически — демократичны; «верхи» экономически реалистичны, поэтому прогрессивны, политически — безразличны, поэтому отчасти реакціонны.

Но кризисъ экономики коммунизма — онъ идетъ уже на всъхъ парахъ — неизбъжно превращается въ кризисъ коммунистической партіи. Никакія силы въ міръ не могутъ остановить этого процесса, развъ только внъшняя интервенція могла-бы вновь задержать его. Но интервенціи очевидно не будетъ, и кризисъ будетъ развиваться съ неумолимой неизбъжностью. И онъ будетъ еще усугубляться большимине у дачами, которыя ожидаютъ новую политику коммунизма.

Если-бъ новая политика «компромиссовъ съ крестьянствомъ», «уступокъ русской буржуазіи», «соглашенія съ міровой буржуазіей» и т. п. — если-бъ всѣ эти аренды, концессіи, свобода торговли и пр. способны были, въ условіяхъ большевистской диктатуры, дѣйствительно вызвать большей хозяйственный подъемъ, — тогда перспективы большевистской партіи были-бы пожалуй иныя. Но всѣ эти мѣры, изъ которыхъ большинство очень разумно и необходимо, не могутъ дать въ данныхъ политическихъ условіяхъ большихъ положительныхъ результатовъ. Этому препятствуетъ вопервыхъ и с т о р і я п о л и т и к и к о м м у н и с т и ч е с к о й п а р т і и з а в р е м я е я п р е бы в а н і я у в л а с т и, в ов т о р ы хъ е я с о с т а в ъ Въдь проводящая «новый курсъ» партія осталась та-же. Взгляните-же, что получается и не можетъ не получиться въ условіяхъ этого новаго курса.

Если сегодня публикуется пачка декретовъ о свободъ торговли и частной промышленности, то завтра же спекулянтъ, у котораго есть 50 милліоновъ руб., отправляется за товаромъ. Черезъ пару дней онъ раздобылъ товаръ, черезъ недълю онъ уже привезъ и продалъ его. Вмъсто 50 милліоновъ у него уже 80 или 100 милл. и вмъстъ съ тъмъ капиталъ его закончилъ свой оборотъ. Онъ можетъ начинать сначала. Ему нътъ нужды заглядывать далеко впередъ и задумываться о перспективахъ. Ему бы «купить и продать». Поэтому торговый капиталъ получаетъ сильнъйшій импульсъ отъ введенія «продналога», свободы торговли и пр.

Ремесленникъ или мелкій промышленный хозяинъ находится уже въ иномъ положени. Если у него есть хотя-бы крохотный капиталецъ, милліоновъ 10 обезцѣненныхъ рублей, то онъ, прочитавъ о реформахъ, все же задумается и начнетъ разсчитывать. Чтобъ оборудовать небольшую мастерскую, ему нужно нѣсколько недѣль. Онъ затратитъ свои деньги на сырье, инструменты и помѣщеніе. мъсяцъ онъ начнетъ, быть можетъ, продавать свои продукты и, назначивъ «достаточныя» цѣны, сможетъ сносно жить. Мѣсяца черезъ три онъ уже вернетъ себѣ свои деньги съ порядочнымъ излишкомъ. Но ... что будетъ черезъ 3 мъсяца? Не совершится ли новый поворотъ въ экономической политикъ? Не ликвидируютъ ли «они» за это время и «новый курсъ» и его карликовый «капитализмъ»? Однако, 3 мѣсяца срокъ небольшой и, понадъявшись на авось, онъ не безъ опаски принимается за дівло, давши себів слово содрать съ покупателя двѣ шкуры за свой рискъ сдѣлаться хозяиномъ при коммунистической власти.

Еще труднѣе положеніе крестьянина. Конечно, продовольственный налогъ и свободная торговля представляютъ для него большое облегченіе. Высокія хлѣбныя цѣны — большая приманка, и онъ не прочь во многомъ отказать себѣ, чтобъ расширить запашку, обзавестись новой коровой или лошадью и черезъ годъ-другой встать на ноги и выйти въ «кулаки». Но результаты его трудовъ и лишеній скажутся вѣдь не скоро; не раньше, какъ черезъ 7—8 мѣсяцевъ послѣ посѣва

онъ почувствуетъ результаты новой политики и расширенія хозяйства. Кто можетъ доказать ему, что за это время продналогъ не будетъ взятъ обратно, а поравнительная тенденція противъ «кулаковъ» и «богатъевъ» не ударитъ его такъ же больно, какъ она била его полгода или годъ или два назадъ? На съвздв Соввтовъ народнаго хозяйства льтомъ 1921 г. народный комиссаръ-Осинскій заявиль, что на «мъстахъ» не върятъ въ перемъну, считаютъ, что осенью вновь будетъ разверстка; что изъ-за отсутствія «аппарата» не справятся съ работой, словомъ, что перемъны «несерьезны и не надолго». И если таковы настроенія крестьянства, то коммунистическіе работники и литераторы своими ръчами и статьями о «временной передышкъ» въ коммунистическомъ строительствъ только усугуоляютъ невъріе и усиливаютъ подозрительность крестьянской массы. И тутъ врядъ-ли много помогутъ решънія комм. конференцій, что «новый курсъ» расчитанъ «на долгій періодъ». Расширеніе хозяйства требуетъ большихъ трудовъ, затратъ и лишеній. Для этого нуженъ сильный и длительный импульсъ. Продовольственный налогъ и свобода торговли, при коммунистической власти, даютъ такой импульсъ лишь въ незначительной степени.

Но еще больше затрудненій въ области промышленнаго капитализма. Оборудованіе промышленнаго предпріятія требуетъ громадныхъ капиталовъ, которые въ русской валютъ должны исчисляться милліардами. Процессъ «вложенія» этого капитала, т. е. постройка или ремонтъ зданій и машинъ, заготовка сырья и топлива, приглашеніе персонала — дъло многихъ мъсяцевъ. Они пройдутъ раньше, чъмъ пойдетъ въ ходъ первое колесо. Затъмъ необходимо наладить отношенія съ государственными учрежденіями и обезпечить себъ регулярное снабженіе необходимыми элементами производства. И только послъ этого, и то довольно медленно, начнутъ сказываться результаты этой работы въ видъ капиталистической прибыли. Капиталь же остается скованъ формой своего примъненія. Онъ не можетъ быть извлеченъ въ любой моментъ при перемънъ коммунистической погоды.

По тѣмъ же причинамъ ничего не вышло до сихъ поръ изъ концессій, несмотря на громадный шумъ, поднятый вокругъ нихъ. Сколько велось переговоровъ, сколько дѣлалось заманчивыхъ предложеній! Но каждый разъ, послѣ первыхъ восторговъ начиналось охлажденіе. Иностранцы знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и, убѣдившись въ томъ, что режимъ не дастъ имъ гарантій «спокойной работы», прекращали переговоры. Обезпечить себя отъ неожиданностей въ Россіи нельзя тѣми же методами, какъ въ Мексикѣ, или Месопотаміи или Египтѣ. О завоеваніи Россіи теперь ужърѣчи нѣтъ. Россія не можетъ быть колоніей. Поэтому международному капиталу осталось только выжи дать.

Почему же, въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ декретовъ и реформъ крестьяне, промышленники и иностранные концессіонеры такъ медлятъ и воздерживаются, несмотря на то, что ихъ энергичнѣйшимъ образомъ зазываютъ и поощряютъ. Почему одни лишь торговцы, спекулянты и мѣшечники ретиво принялись за хозяйственную «дѣятельность»? Потому что товарное и буржуазное хозяйство, по существу своему, требуетъ прочности и устойчиво-сти экономическаго режима,— такой прочности и такой устойчивости, которую коммунистическая власть не въ силахъ дать.

Я не хочу этимъ сказать, что «новая экономическая политика» абсолютно ничего не можетъ дать. Нѣтъ, нѣкоторые, сравнительно небольшіе успѣхи возможны. Но и эти успѣхи не могутъ ни поднять престижъ власти, ни убѣдить сомнѣвающіеся «низы» въ благотворности новаго курса. Тѣмъ болѣе кризисъ дѣлается неотвратимымъ.

Зачьть я такъ подробно останавливаюсь на внутренней жизни большевистской партіи? Отнюдь не изъ уваженія къ ней, или къ ея теоріи. Но въ той обстановкь, которая создалась въ посльдніе годы, при отсутствіи всякой общественности жизни, въ атмосферь апатіи и растерянности, при обморочномъ состояніи всьхъ другихъ партій, организацій, — большевистская партія остается един-далить. Посль войнъ и революцій. 4

ственной организованной общественной силой, наряду съ красной арміей. Поэтому ликвидація большевизма не можеть произойти тѣмъ-же путемъ, какимъ происходила ликвидація предыдущихъ правительствъ. Она не можетъ произойти путемъ возстаній соотвѣтствуетъ эпохѣ революціоннаго подъема, роста революціонныхъ настроеній. Періодъ завершенія и окончанія революціи связанъ съ политическими переворотами иного характера: расколами, заговорами и пронунціаменто.

Плохо-ли это или хорошо, но русская революція пошла особыми путями. Борьба новой Россіи со старой прошла черезъ четырехлѣтнюю эпоху большевизма, черезъ гражданскую войну, доставившую побѣду большевизму, черезъ красную армію, построенную большевистской партіи. Въ первые годы этого новаго общества коммунистическая партія является зародышемъ новаго, буржуазнаго общества. Уничтоживъ всѣ другія партіи, большевизмъ превратил сявъуни версальную партію, въ государство. И поэтому зародыши всѣхъ новыхъ классовыхъ и партійныхъ группировокъ заключены въ единой Р. К. П. Какъ изъ луковицы вырастаютъ понемногу различные стебельки, такъ и политическія группировки ближайшаго будущаго вырастаютъ изъ нынѣшней единой правящей партіи.

Въ ней есть крестьянскіе элементы, еще не сложившіеся въ особое теченіе, но очень сильные и крѣпкіе въ волостныхъ и уѣздныхъ органахъ власти. Въ ней значительныя рабочія группы, начинающія смутно сознавать свои особые интересы въ предѣлахъ партіи-государства. Въ ней большія интеллигентскія группы, отчасти съ демократическимъ устремлѣніемъ, отчасти — великодержавнымъ, въ духѣ «Смѣны Вѣхъ». Въ ней, наконецъ, немало ново-буржуазныхъ элементовъ. Всѣ они уживаются, до поры до времени, въ предѣлахъ одной партіи¹).

¹⁾ Этотъ разнородный составъ "рабочей" партіи очень ясно видънъ изъ слъдующей таблицы, взятой нами изъ "Правды" отъ 12-го ноября 1921 г

Но когда пробьетъ ихъ часъ, они выйдутъ на свътъ божій изъ чрева ихъ общей матери, и взаимная борьба ихъ заполнить собой политическую исторію Разумъется, къ каждой изъ этихъ группъ примкнутъ элементы, и не входившіе въ большевистскую партію. Это ясно само собой. Но всъ эти группировки рождаются изъ коммунистическаго Мюръ и Мерилиза.

Какъ дътски-наивны попытки бороться съ неумолимыми центробъжными силами при помощи «чистки партіи»! Какая въ этомъ масса бюрократическаго самомнънія и чудовищнаго ослѣпленія, присущаго, впрочемъ, всякому побѣдителю! Что дала «чистка партіи», задуманная для того, чтобъ очиститься отъ буржуазныхъ элементовъ? Массу недовольства, исключеніе правыхъ и лѣвыхъ, чистыхъ и безчестныхъ, — да въ придачу дюжину анекдотовъ, путешествующихъ по міру. Нътъ, такими методами исторію не побъдить!

Но именно поэтому ликвидація большевизма такъ сильно затянулась. Но поэтому-же ликвидація большевизма можетъ быть только процессомъ самоликвидаціи: разложеніемъ и распадомъ Р. К. П. И только тогда будутъ постепенно, мало-по-малу выступать на политическую арену тъ общественныя силы, взаимная борьба которыхъ заполнитъ собой ближайшіе годы и исходъ которой опредълитъ формы государственнаго строя грядущей Россіи. Каковы-же эти силы и каковы эти формы?

```
Рабочіе составляли, среди членовъ партіи, слѣдующій процентъ:
   Изъвступившихъ въ коммун. партію до 1917 г...
                                        въ 1917 г..
                                        въ 1919 г..
                                        въ 1920 г..
Наоборотъ, крестьяне составляли:
     изъ вступившихъ до 1917 г.
                       въ 1917 г.
                                                . 171
                       въ 1918 г. .
                       въ 1919 г.
                       въ 1920 г.
```

Въ уъздныхъ организаціяхъ процентъ крестьянъ повысился въ то же время съ 7 до 25. Наконецъ, служащіе, составлявшіе до 1918 г. 15—16%, достигли

затъмъ 20-22°/0.

4*

Что дальше?

Изъ сказаннаго слъдуетъ раньше всего, что ликвидація большевизма не будетъ происходить въ формъ крестьянскаго возстанія, и въроятно даже не въ формъ ликвидаціи совътскаго строя.

Крестьянскія возстанія длятся ужъ почти безъ перерыва три года. Они сдѣлались явленіемъ нормальнымъ въ большевистскомъ режимѣ. Я говорю это вполнѣ серьезно. Коммунистическая власть не можетъ управлять, не вызывая то тутъ, то тамъ крестьянскихъ возстаній. Разрушая промышленность экономической утопіей, ей ничего не оставалось, какъ нажимать на деревню. Такова историческая необходимость.

Временами крестьянскія возстанія принимали громадные размъры и охватывали цълыя губерніи и даже нъсколько губерній. Но они не разрушили, да и не могли разрушить большевистскаго государства. Таковъ характеръ, такова сущность крестьянскихъ движеній въ современной Россіи. Движенія эти остаются чисто крестьянскими, покуда стихійны, анархичны, неорганизованы, — но въ этой формъ они неопасны для центральной власти. Когда они принимаютъ организованную форму, т.-е. выдъляютъ боеспособную армію, они превращаются въ орудіе чуждой имъ политики, въ орудіе военнаго начальства, кровно связаннаго съ интересами совершенно иныхъ классовъ. Въ этихъ случаяхъ дъло доходитъ до войны, но пораженіе ихъ тогда ужъ неизбѣжно. Они перестаютъ ужъ быть крестьянскимъ движеніемъ.

Крестьянское движеніе оказалось неспособнымъ бороться съ царизмомъ. Не крестьянство совершило мартовскую революцію. Оно лишь ръшило исходъ борьбы в ъ к о н е ч н о м ъ с ч е т ѣ. Оно молчаливо кладетъ свой гигантскій въсъ на ту или иную чашку въсовъ — и ръшаетъ вопросъ безапелляціонно.

И точно такъ же крестьянство не въ силахъ свергнуть коммунистическую власть. Бандитизмъ — форма крестьян-

скаго движенія противъ коммунизма — не можетъ ни побороть Москву, ни создать новой власти. Даже въ моменты высшаго напряженія антикрестьянской политики большевиковъ — во времена комбѣдовъ и пр. — крестьянское движеніе не выходило за мѣстныя рамки. И то же происходитъ сейчасъ, въ періодъ страшнаго голода. Не оно поэтому ликвидируетъ большевизмъ какъ правящую партію. Но послѣ его ликвидацію эту прочной и возвратъ къ большевизму невозможнымъ.

Точно такъ же ясно, что процессъ ликвидаціи большевистской власти, если онъ является процессомъ самоликвидаціи, можетъ протекать и въ с о в в т.с к и х ъ ф о р м а х ъ, хотя возможны, конечно, и иныя формы. Недовольство народной массы направлено почти одинаково противъ большевистской власти и совътскаго строя. Для нея это синонимы. Но она пассивна. А т в, кто сохранилъ политическую активность, примыкаютъ къ Р. К. П. или стоятъ близко къ ней. Они видятъ вещи въ иномъ свътъ. Они срослись съ идеей «совътской власти», но они недовольны т в толи инымъ вождемъ, или той или другой группой вождей, или политикой Ц. К. Р.К.П. Они хотятъ совътскаго строя безъ «этой политики». Они будутъ искать союзниковъ за предълами большевизма. Словомъ, дъло идетъ, быть можетъ, на первыхъ порахъ къ созданно «совътской власти безъ диктатуры большевиковъ».

Вокругъ этого знамени «свободныхъ совътовъ» смогутъ объединиться партіи или части партій отъ анархистовъ до эсэровъ, а можетъ быть и еще правъе. И первые дни «освобожденія отъ тираніи», новаго «завоеванія свободы» будутъ полны толковъ о «единствъ трудящихся», розовыхъ надеждъ и упованій. Но трудности не заставятъ себя долго ждать.

Совѣты, какъ органъ власти, очень несовершенная форма. Въ чемъ ихъ достоинство, по мнѣнію ихъ сторонниковъ? Въ томъ, что вся власть въ рукахъ «трудящихся города и деревни», что буржуазія не имѣетъ избирательныхъ правъ. Значительный-ли процентъ избирателей составляетъ буржуазія? Въ Россіи, гдѣ почти всякій горожанинъ, въ томъ числѣ

и буржуа, состоить въ той или иной формъ на совътской, т.-е. государственной службъ, кругъ избирателей въ совъты совпадаетъ съ кругомъ избирателей въ парламентъ или земство или думу, если-бъ установлено было демократическое избирательное право. Но если даже исключить всъхъ, имъющихъ капиталъ, то кругъ избирателей сократится никакъ не больше, чъмъ на 2—3%! Къ этому сводится все преимущество!

За то совъты, какъ органъ власти, имъютъ не мало недостатковъ, на которые уже указывалось не разъ. Во-первыхъ нътъ равнаго избирательнаго права. Фабрика со 101 рабочимъ имъетъ столько-же представителей, какъ фабрика со 199. На крупныхъ предпріятіяхъ, гдъ 1 депутатъ приходится, допустимъ, на каждые 500 избирателей, 1501 человъкъ имъютъ столько-же голосовъ, какъ и 1999. Во-вторыхъ — и это еще гораздо важнъе — выборы не прямые. Горожане выбираютъ депутатовъ въ мъстный совътъ, мъстный совътъ — въ губернскій съъздъ, губернскій съъздъ — во всероссійскій съъздъ, наконецъ всероссійскій съъздъ — во Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ. Такимъ образомъ постоянно дъйствующій (по конституціи) органъ народнаго представительства является завершеніемъ четырехстепенныхъ и даже пятистепенныхъ выборовъ.

Въ третьихъ — система выборовъ н е обязательно тайная (по конституціи). Избиратели могутъ собственнымъ постановленіемъ ввести систему тайныхъ выборовъ, но при громадномъ множествъ избирательныхъ собраній это не дълается правиломъ. Такимъ образомъ отсутствуютъ всъ основные признаки свободныхъ, демократическихъ выборовъ: они не прямые, не тайные, не равные, и въ нихъ нътъ никакой иропорціональности: представительства.

Изъ этихъ недостатковъ нѣкоторые не связаны органически съ принципомъ совѣтскаго строя. Такъ совѣтскій государственный строй вполнѣ допускаетъ (въ теоріи) тайну выборовъ, и даже нѣкоторую пропорціональность (складываніе остатковъ). Но онъ совершенно не допускаетъ прямыхъ выборовъ. Онъ несовмѣстимъ съ ними. Онъ ихъ радикально исключаетъ.

И вотъ этотъ вопросъ о совътской конституціи и конституціи «формально-демократической» неизбъжно встанетъ на очередь въ послъ-коммунистическій періодъ. Не потому только, что есть доктринеры «формальной демократіи», которые поторопятся выдвинуть свою программу. Но еще и потому — и это ръшающій пунктъ, — что всъ недостатки «совътизма», мало обращавшіе на себя вниманіе въ періодъ коммунизма, будутъ ръшать побъду той или другой партіи на всевозможныхъ выборахъ, когда эти выборы перестанутъ «дълаться сверху». Оппозиція будетъ в с е г д а винить недостатки совътскаго строя въ своихъ неудачахъ; она в с е г д а будетъ объявлять представительные органы кривымъ зеркаломъ народныхъ настроеній. Кто сможетъ доказать, что она неправа?

Система совътовъ сытрала свою роль не какъ новая, особенно совершенная форма власти «трудящихся классовъ». Этого плюса за ней нътъ. Она только была той формой, при помощи которой коммунизмъ могъ сдълаться властью. Она была сперва, въ первый годъ совътской власти, орудіемъ борьбы народныхъ низовъ, въ томъ числѣ и крестьянъ, съ имущими классами. Затъмъ, въ дальнъйшіе годы, она была орудіемъ диктатуры коммунистическаго пролетаріата надъ крестьянствомъ. Наконецъ, въ послъдній періодъ, она сдълалась орудіемъ коммунистической бюрократіи. Но всегда, во всъ эти моменты, она имъла смыслъ лишь постольку, поскольку она обезпечивала диктатуру меньшинства, т.-е. Р. К. П. Лишь только эта диктатура уничтожена, несовершенная совътская конституція не имъетъ больше raison d'etre. И ей остается тогда сыграть еще послъднюю роль: содъйствовать болъе или менъе «конституціонному», т.-е. болъе или менъе легальному превращению Россіи изъ совътскои страны въ страну демократическую. Она должна «отрицать самое себя». Но она не сумъетъ сохраниться скольконибудь продолжительное время послъ этого.

Вопросъ о совътахъ будетъ однимъ изъ боевыхъ вопросовъ послъ-коммунистическаго періода, но лишь однимъ изъ многихъ. Другимъ спорнымъ вопросомъ будутъ «свободы».

Какъ далеко они должны простираться направо и налѣво? Можно-ли допустить всю реакціонную эмиграцію въ Россію, допустить свободную агитацію на выборахъ и свободу печати для монархистовъ? Съ другой стороны — коммунистическая работа, которая не можетъ не ставить себѣ цѣлью новый захватъ власти — открыть-ли ей просторъ или загнать въ подполье?

Другими словами, передъ Россіей встанетъ вновь вопросъ о существъ демократическаго строя. Демократизмъ можетъ направить свое остріе направо или налѣво. Направо — это значитъ союзъ крестьянскихъ и нъкоторыхъ изъ рабочихъ партій противъ реакціи. Налѣво — значитъ союзъ крестьянства и новой буржуазіи для подавленія всякаго «подозрительнаго по коммунизму», т.-е. всякаго рабочаго движенія.

То и другое можетъ умъститься въ «демократическихъ» рамкахъ. И върнъе всего, что въ теченіе нъсколькихъ лътъ политическая линія не будетъ прямой. Политика власти будетъ колебаться, ударяясь то вправо, то влѣво. Это значитъ, что крестьянство будетъ мѣнять своихъ союзниковъ. Союзъ съ имущими элементами городовъ будетъ обезпечивать ему тотъ «порядокъ», въ которомъ оно нуждается, и дастъ ему подавленіе коммунистовъ. Но отъ правыхъ партій будетъ сильно отдавать запахомъ реставраціи. Даже одна свобода монархической агитаціи, — свобода, неизбъжно связанная съ крестьянско - буржуазной властью — будетъ отпугивать и деревню, и городъ призракомъ царизма, соціальной реставраціи. Съ другой стороны, союзъ крестьянства съ демократическими элементами городовъ, т.-е. съ нъкоторыми рабочими партіями, откроетъ просторъ коммунистической агитации, демонстраціямъ («хлѣба и совѣтской власти!») и попыткамъ «выступленій». Это не можетъ не отпугнуть крестьянство, не оттолкнуть его вправо, не можетъ не побудить его искать союзника среди имущихъ классовъ.

«Борьба за крестьянство» дѣлается главной задачей всѣхъ партій. Она будетъ осложняться тѣмъ, что крестьянство, экономически очень неоднородное, будетъ и въ политическомъ отношеніи окрашено въ разные цвѣта. Поравненіе,

передълы, однородность состава — все это въ предълахъ своей волости или своего уъзда. Громадныя различія между крестьянствомъ южной Украины и центральнаго района; между волжскимъ или донскимъ просторомъ и съверо-западнымъ малоземельемъ; между крестьянствомъ, живущимъ продажей большихъ количествъ хлъба, заинтересованнымъ въ высокихъ цънахъ и въ вывозной торговлъ, и крестьянствомъ потребительско-промышленнаго типа — не только сохранились, но могутъ даже оказаться ръшающими въ политической борьбъ. Поэтому крестьянство центральной России окажется въроятно болъе радикальнымъ, чъмъ южное и восточное, и политическая борьба будетъ въ большой степени взаимной борьбой различныхъ крестьянскихъ партій.

Но борьбу эту не надо представлять себъ не только въ формъ сраженій, но и въ формъ парламентски-избирательной. Еще много времени пройдетъ, пока крестьянство научится использовать какъ слъдуетъ, въ своихъ интересахъ, центральныя представительныя учрежденія. Если при выборахъ въ учредительное собраніе, вь 1917 году, крестьянскіе районы дали абсентеизмъ въ иныхъ мъстахъ до 80 %, то едва-ли много лучше будеть дъло, когда общая политическая активность неизбѣжно пойдетъ на убыль. Поэтому отъ имени крестьянства будутъ еще долгое время авторитетно выступать и въ политической области крестьянскіе союзы: кооперативы производительные, потребительные, союзы для закупки и продажи и т. д., - словомъ тъ новыя экономическія организаціи, которыя будутъ суррогатомъ политическихъ организацій распыленнаго крестьянства точно такъ же, какъ совъты депутатовъ были суррогатомъ политической организаціи для распыленнаго русскаго пролетаріата.

Равнодъйствующая крестьянскихъ настроеній — куда она пойдетъ? Отъ этого зависятъ, въ концъ концовъ, судьбы Россіи въ ближайшую эпоху, т.-е. послъ тъхъ немногихъ лътъ, которые пройдутъ послъ ликвидаціи коммунизма. И нельзя отрицать, что есть громадныя силы, которыя будутъ тянуть крестьянство вправо.

Въ этомъ случа в развитіе должно пойти слѣдующимъ путемъ. Въ крестьянствѣ растетъ и крѣпнетъ то настроеніе противъ городовъ-«обжорокъ», которое имѣется и сейчасъ. Города будутъ являть, конечно, не особенно привлекательную картину. Разнузданная спекуляція, массовое взяточничество, всеобщая продажность; паденіе умственныхъ и политическихъ интересовъ; бѣшеная погоня за наслажденіями, какъ неизбѣжная реакція противъ столькихъ лѣтъ вынужденной скромности и воздержанія; развратъ, обнаженность и пьянство. Содомъ и Гоморра — въ устахъ деревенскаго духовенства.

Кром того, города — оплотъ коммунистовъ и соціалистовъ. Опасность коммунизма не велика, но ее будутъ раздувать встми силами. Коммунизмъ слабъ, но крестьянство будетъ опасаться всякаго вмъшательства въ свое хозяйство, хотя бы оно исходило и отъ не-коммунистической городской власти. Городъ готовъ покуситься на его собственность! Городъ не способенъ обезпечить твердый порядокъ въ государствъ! Нужна новая, твердая власть!

Но и этого мало. Не надо обольщать себя наивными надеждами. Даже и тогда, когда коммунизмъ ужъ не будетъ у власти, многіе годы будутъ происходить крестьянскія возстанія. Конечно, меньше по размѣрамъ и рѣже, чѣмъ сейчасъ. Конечно, каждая вспышка будетъ привлекать къ себѣ вниманіе, когда будетъ существовать хотя бы нѣкоторая свобода печати. Но не такъ скоро уляжется взбаломученное крестьянское море.

Какіе мотивы будутъ толкать крестьянъ на возстанія въ этотъ послѣ-большевистскій періодъ? Ихъ будетъ много. Они всѣ будутъ корениться съ одной стороны въ тѣхъ принудительныхъ мѣрахъ, къ которымъ не можетъ не прибѣгать каждое государство; съ другой — въ тяжеломъ экономіческомъ положеніи крестьянства, которое тоже оправится не сразу. Но большое значеніе будетъ имѣть также вопросъ о налогахъ. Это будетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ больныхъ для крестьянства вопросовъ.

Вопросы финансовые и валютные дълаются сейчасъ важнъйшими для политической жизни всей Европы на долгій рядъ лѣтъ. На Западѣ они поставлены на очередь версальскимъ миромъ, германской контрибуціей и разстройствомъ денежнаго обрашенія. И годы пройдутъ еще, раньше чѣмъ Европа — хотя бы важнѣйшія страны — вернется къ прочной, т.-е. золотой валютѣ.

Такъ же и въ Россіи всв эти вопросы сдвлаются боевыми. Государство не можетъ существовать безъ доходовъ. вотъ ужъ четыре года, какъ въ Россіи налоговъ нътъ. То, что государству необходимо, оно выколачиваетъ натурой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно вынуждено сейчасъ сократить свои дъйствительные расходы до крайняго, почти немыслимаго минимума. Армію кормять и од вають такъ плохо, какъ никогда. Государственныхъ служащихъ оплачиваютъ грошами. Д в й с т в и т е л ь н ы е расходы государства (выраженные не въ бумажныхъ деньгахъ) ничтожны. Но долго это продолжаться не можетъ, и въ ближайшіе годы потребности государства, даже послъ того, какъ оно освободится отъ всъхъ ненужныхъ функцій, будутъ неизбъжно расти. Придется вводить множество налоговъ, это придется дълать всякому правительству. Но на кого лягутъ эти налоги? Очевидно, на крестьянство.

О налогахъ на рабочихъ говорить не приходится: вѣдь еще больше понизить уровень ихъ жизни невозможно. Каждый налогъ, который будетъ ложиться на рабочихъ, напр., косвенные налоги; будетъ поэтому, естественно, переложенъ на промышленниковъ. Что-же касается буржуазіи, то это будетъ дьявольски-трудная задача взять съ нея скольконибудь значительную сумму налоговъ. Этому мѣшаетъ вопервыхъ полная неустойчивость экономическаго положенія, въ которомъ «сегодня ты, а завтра я», а финансовое вѣдомство не знаетъ съ кого брать; состояніе валюты, которое почти аннулируетъ доходы отъ главнаго изъ прямыхъ налоговъ — подоходнаго; продажность чиновничества; большія возможности сокрытія имущетсва и доходовъ. И т дал. Поэтому наряду съ такими налогами какъ подомовый, очень

большими будутъ налоги, ложащіяся своей главной тяжестью на крестьянство (напр. поземельный налогъ) и налоги косвенные, которые неизбъжно займутъ первое мъсто и которые опять-таки будутъ давить крестьянство.

Борьба крестьянства противъ городовъ, естественно используемая политической оппозиціей, превращающаяся подчасъ въ возстанія въ деревнѣ и создающая благопріятную атмосферу для непрерывныхъ заговоровъ въ городахъ будетъ наполнять собой ближайніе годы. Каждое правительство будетъ вынуждено подавлять эти возстанія. И они окончатся лишь тогда, когда наладится вновь хозяйственная жизнь. Но въ эти переходные годы, въ годы строительства капитализма, они будутъ факторомъ, усиливающимъ реакціонныя теченія.

И если общее развитіе пойдетъ въ этомъ направленіи, если маятникъ исторіи качнется, послѣ законченной революціи, далеко назадъ, а это очень возможно, — то на арену активной политики все больше будетъ выдвигаться еще одна крестьянская сила, болѣе могущественная, чѣмъ всѣ союзы и кооперативы. Я имѣю въ виду новую армію.

Красная армія воплощаєтъ въ себѣ интересы крестьянства. Если въ борьбѣ съ коммунизмомъ крестьянство можетъ стать главной опорой всѣхъ элементовъ, связанныхъ съ частной собственностью, то армія можетъ воплотить въ себѣ интересы собственности. Армія можетъ сдѣлаться «національной» арміей въ томъ смыслѣ, что она превратится въ опору имущихъ классовъ и крестьянства — во внутренней политической борьбѣ. Такова была роль арміи во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, кромѣ революціонныхъ моментовъ. Въ Европѣ положеніе сильно измѣнилось послѣ войны. Но въ Россіи, гдѣ удѣльный вѣсъ городовъ ничтоженъ, роль арміи во внутренней политикѣ можетъ быть тою же, какой она была на западѣ въ 19-омъ вѣкъ.

Крестьянство является тѣмъ классомъ, который заинтересованъ въ собственности, но до сихъ поръ мало интересовался вопросами государственнаго строя и мало понималъ и цѣнилъ «свободы». Свобода прессы существуетъ лишь для

тѣхъ, кто знаетъ прессу. Свобода союзовъ нужна для тѣхъ, кто понимаетъ смыслъ и значеніе организаціи. Русское крестьянство не знало ни того, ни другого. Въ то время, какъ швейцарская или французская республика базируется на республиканскомъ крестьянствъ, —русское крестьянство знаетъ лишь «царя» съ его дворянами и порядкомъ, и Ленина безъ дворянъ, но съ безпорядкомъ. Именно поэтому, крестьянство, въ послъреволюціонный періодъ, можетъ махнуть очень далеко вправо, въ дѣлѣ установленія «порядка».

Это можетъ выразиться въ томъ, что на аренъ политической жизни, послъ ликвидаціи большевизма, быстро выдвигается новая политическая фигура изъ тъхъ, кто быть можеть мало замътенъ сейчасъ и играетъ второстереволюціей, пенную роль. Человъкъ, связанный СЪ врагъ реставраціи, ярый защитникъ крестьянскихъ воеваній, върнъе всего «большевикъ безъ предразсудковъ», достаточно смълый, энергичный и беззастънчивый, чтобъ безпощадно подавить всъ остатки большевизма, неспособные уже стать политинеской властью, но достаточно живые еще, чтобъ пугать всъхъ имущихъ. Вышедшій изъ революціи, изъ ея совътскаго періода, онъ сначала «большевикъ, но не коммунистъ», ненавидитъ «коммунію», для рабочихъ имъетъ плетку и демагогію, къ «свободамъ» относится съ точки зрънія готтентотской морали и ревниво охраняетъ священныя права собственности. Экономическое возрождение Россіи, несомнѣнно наступающее въ этотъ контръ - революціонный періодъ, служить для легкомысленной и наивной массы блестящимъ подтвержденіемъ правильности его политики. Оно создаетъ ему ореолъ, увеличиваетъ его власть, позволяетъ ему подавить всякую оппозицію, уничтожить в с в свободы, ликвидировать в с як о е народное представительство и волею арміи и народа превратиться въ неограниченнаго народнаго «вождя».

— Итакъ, опять царизмъ?

Нѣтъ, любезный читатель, ты видишь только поверхность явленій. Новый «вождь» есть мужицкій вождь раньше всего. Онъ начинаетъ свою карьеру какъ революціонеръ и всю

жизнь долженъ отстаивать себя противъ реставраціи, дворянскихъ партій, «рейхенгалля», легитимизма. Въ немъ воплощается для крестьянства все хорошее, что принесла ему революція. Онъ конечно контръ-революціонеръ. Но онъ не реставраторъ. Ибо контръ-революція шире реставраціи. И сколько бы шаговъ онъ ни дълалъ направо, никакіе гербы не снимутъ съ него пятна политическаго рагуепи, никакіе духи не отмоютъ его черной кости.

Кто онъ? Гдѣ онъ сейчасъ? Ходитъ ли онъ еще съ тетрадкой на офицерскіе курсы, вчера взятый отъ станка, или продѣлалъ уже въ рядахъ красной арміи нѣсколько военныхъ походовъ? Сидитъ ли въ захолустномъ исполкомѣ или засѣдаетъ въ «маломъ совнаркомѣ»? Или подписываетъ приговоры въ ревтрибуналѣ? Штатскій ли онъ или военный?

Не все ли равно, дорогой читатель? Людей, способныхъ занять его мѣсто, много въ Россіи. Кто либо, одинъ изъ нихъ, можетъ оказаться баловнемъ судьбы. Для этого нужны лишь извѣстныя условія.

— Но вы предсказываете намъ исходъ французской революціи — скажетъ читатель; и если онъ большевикъ или славянофилъ, онъ еще прибавитъ: для Россіи термидоръ и Бонапартъ непремънимы. Мы пойдемъ особымъ, собственнымъ путемъ!

Я скажу прямо: я не в рю въ эти особенные, мистическіе «собственные пути». Россія подчинена т в же законамъ, что и всякое иное общество. Но я готовъ согласиться съ однимъ: н такого закона, чтобъ всякая революція должна была привести обязательно привести къ Бонапарту. Есть, конечно, такой законъ, который предрекаетъ Россіи гибель «коммуніи» и торжество капитализма. Это неизб жно. Бороться противъ этого столь же умно, какъ сражаться съ в тряными мельницами. Но капитализмъ можетъ развиваться и въ формахъ демократической республики, и конституціонной монархіи и абсолютизма. Поэтому борьба за ту или

иную изъ этихъ государственныхъ формъ — дѣло отнюдь не безнадежное. Исходъ ея зависитъ отъ «соотношенія силъ».

Да, аналогія съ французской революціей поразительна. Параллель проводили столько ужъ разъ, что не стоитъ повторять списокъ точекъ соприкосновенія. Что же касается точекъ расхожденія, то о нихъ говорилось мало. Одни большевики касались этого вопроса, чтобъ объяснить изумленнымъ народамъ: вся разница въ томъ, что тогда насъ не было, а теперь мы есть. Егдо тогда дѣло кончилось плоховато, а нынче все пойдетъ какъ по маслу. Но оставимъ этотъ вздоръ коммунистической соціологіи.

Корень различія состоить въ томъ, что изъ большихъ странъ Франція продѣлала первая на европейскомъ континентѣ буржуазную революцію. Россія продѣлываетъ ее послѣдняя. Франція была окружена сонмомъ феодальныхъ государствъ, Россія находится въ «капиталистическомъ окруженіи». Франція была богатѣйшей страной континента. Россія — бѣднѣйшая страна Европы. Французская революція была неслыханнымъ новшествомъ и богохульствомъ. Русская революція пріемлется, какъ явленіе въ общемъ и цѣломъ естественное и неизбѣжное. Это громадное, глубочайшее различіе вызываетъ и цѣлый рядъ частныхъ отличительныхъ моментовъ.

Во Франціи всеобщее избирательное право было достиженіемъ высшей, по нашему большевистской, стадіи революціи. Всѣ предыдущія ступени революціонной лѣстницы были пройдены, но цензового избирательнаго права не рѣшились отмѣнить. «Равенства всѣхъ передъ закономъ» не существовало до того. Правда, оно не существовало и въ періодъ якобинскаго террора. Но знамя «формальнаго равенства» было самымъ ярко-краснымъ знаменемъ. Ни одна другая партія не рѣшалась его выставить. Якобинскій конвентъ былъ созданъ не по типу совѣтовъ, а по типу Учредительнаго Собранія. Такимъ образомъ, всеобщіе выборы и «фор-

мальная демократія», отмѣненная въ Россіи большевиками, была во Франціи тѣмъ орудіемъ, которымъ крайняя лѣвая удачно оперировала — столь же удачно, какъ русская крайняя лѣвая оперировала «властью совѣтовъ».

Это различіе имѣетъ очень большое значеніе. Система всеобщихъ равныхъ выборовъ была для Франціи тѣмъ «измышленіемъ санкюлотовъ», которое послужило имъ мостомъ къ власти. Система эта вызвала поэтом у отрицательное отношеніе во всѣхъ другихъ партіяхъ и классахъ. Она должна была умереть вмѣстѣ съ якобинцами.

Въ Россіи дѣло было иначе. Большевики связали себя съ идеей «совѣтской власти» и отвергли демократію. Демократія успѣла скомпрометировать себя нерѣшительной внутренней и особенно внѣшней политикой въ первый періодъ революціи. Но несравненно больше скомпрометировала себя совѣтская система, неразлучно связанная въ общемъ представленіи съ терроромъ и голодомъ. Поэтому, въ отличіе отъ Франціи, ликвидація коммунистической власти, а вслѣдъ затѣмъ и совѣтской системы власти отнюдь не означаетъ еще ликвидацію демократіи.

Второе отличіе — въ вопросѣ о республикѣ и монархіи. 130 лѣтъ назадъ Европа состояла изъ сотенъ монархій. Ни одно изъ большихъ государствъ не было республикой. Противъ монархіи не рѣшался выступить во Франціи никто, кромѣ тѣхъ же якобинцевъ. Поэтому республика также отдавала якобинскимъ терроромъ. Всѣ не-якобинцы втихомолку считали, что «нормальная» организація государства — монархія. Тѣмъ самымъ Франція была подготовлена къ возрожденію монархіи.

Съ тѣхъ поръ Европа измѣнилась. Республика сдѣлалась уже, въ общемъ представленіи, не менѣе «нормальнымъ» типомъ государства, чѣмъ монархія. Такіе «образцы», какъ Франція или Америка — республиканскія страны. Въ связи съ этимъ вполнѣ естественно, что сейчасъ же вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ монархія считалась всѣми ликвидированной, и даже ка-детская партія, ставшая въ тотъ момонтъ орудіемъ блока всѣхъ имущихъ классовъ, офиціально

измѣнила свою программу въ пользу республики. Сто лѣтъ развитія прошли не даромъ. Ликвидація «совѣтскаго строя» не означаетъ еще ликвидаціи республики. Это опять-таки вопросъ политической борьбы, въ которой на сторонѣ республики будетъ больше, чѣмъ было 130 лѣтъ назадъ.

Третье, и самое главное, отличіе сводится къ вопросу о войнъ и миръ. Франція пережила непрерывный рядъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, которыя съ неизбѣжностью вытекли изъ революціи. Феодальная Европа не могла мириться съ новымъ порядкомъ вещей въ сосъдней странъ. Конкуррентка Англія не могла согласиться на гегемонію Франціи надъ Европой. Войны тянулись до тъхъ поръ, пока Франція не получила обратно законнаго короля и подчинилась волъ священнаго союза. Но войны - факторъ не только внъшней, но и внутренней политики. Они ослабляютъ общественную жизнь, создають единое національное движеніе, убиваютъ вкусъ къ демократическимъ свободамъ, освящаютъ репрессіи, создаютъ славу военнымъ вождямъ и превращаютъ ихъ, при благопріятныхъ условіяхъ, въ національныхъ героевъ - императоровъ. Наслъдникъ революціи и ея могильщикъ Наполеонъ I пришелъ къ власти, какъ вождь побъдоносныхъ армій.

Если Россіи суждена также полоса войнъ, — ей не избъжать новаго абсолютизма. Но суждены ли ей также нескончаемыя войны?

Французская революція вспыхнула въ мирный годъ. Ея собственное развитіе привело къ войнамъ. Разъ начавшись, европейскія войны тянулись долгое время и послѣ окончанія революціи, пока не установилось вновь политическое равновьсіе въ международныхъ отношеніяхъ.

Русская революція вспыхнула, наоборотъ, какъ результатъ войны. Когда она достигла кульминаціоннаго пункта, закончилась небывалая по размѣрамъ и потерямъ міровая война, которая оставила европейскимъ народамъ въ наслѣдство сильнъйшее отвращеніе къ войнамъ. Нуженъ былъ бы ужъ совершенно исключительный, необычайно сильный импульсъ, далинъ. Послѣ войнъ и революцій. 5

чтобъ двинуть европейскіе народы на войну въ ближайшіе годы.

Откуда возьмется такой импульсъ? Революція ужъ не является теперь пугаломъ, для борьбы съ которымъ можно мобилизовать народы. Вся Европа, въ томъ числѣ и Франція, готова примириться съ русской революціей. Поэтому, единственнымъ толчкомъ, который вновь бросилъ бы Европу въ войну, могла бы быть только наступательная война со стороны Россіи, въ особенности противъ Польши.

Когда Россія экономически оправится, ея военная сила будетъ безусловно больше силъ ея малыхъ сосѣдей, считая и Польшу въ томъ числѣ. Если бъ дѣло дошло до борьбы за «возсоединеніе окраинъ» военными методами, она вызвала бы немедленную реакцію со стороны Франціи лишь только дѣло коснулось бы Польши. И если-бъ Россія въ этой войнѣ съ Польшей оказалась тогда побѣдительницей, — а это очень вѣроятно, — то ей пришлось бы встрѣтиться съ Франціей лицомъ къ лицу, т. е. начать новую европейскую войну.

Но даже война, и даже такая война за «единство Россіи» еще не создаетъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя имѣлъ за себя французскій Бонапартъ. Ибо нѣтъ теперь тѣхъ армій, которыя могли бы спокойно жить грабежомъ оккупированныхъ странъ. Это было возможно при первыхъ арміяхъ Наполеона. Современная армія, въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ не можетъ кормиться за счетъ «мѣстныхъ жителей» да еще посылать немалую толику «своимъ на деревню». Этихъ лавровъ исторія ужъ не вплететъ въ вѣнокъ новаго бонапарта. И тѣ блестящія побѣды, которыя доставались Наполеону въ теченіе 20 лѣтъ, не суждены Россіи. Ибо она будетъ имѣть передъ собой Европу, технически лучше вооруженную и экономически болѣе сильную. Между тѣмъ, Франція имѣла дѣло съ болѣе отсталымъ и хуже вооруженнымъ европейскимъ континентомъ.

Такимъ образомъ, шансы демократическаго развитія больше у Россіи, чъмъ они были у Франціи въ аналогичныхъ условіяхъ. Главный факторъ, — но за то очень могущественный, — который дъйствуетъ въ противоположномъ направленіи, состоитъ въ той пассивности, апатіи и распыленности, которой заканчивается сейчасъ революціонная эпоха. И весь вопросъ сводится къ этому пункту.

Если въ ближайшіе годы Россіи удастся избѣжать войнъ и усиленія милитаризма; если новая власть твердо встанетъ на путь реалистической экономики и сумѣетъ доказать правоту свою хозяйственными успѣхами; если удастся вновь разбудить хотя бы нѣкоторую живую общественную жизнь, — тогда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы демократическій режимъ можно будетъ считать утвердившимся и обезпеченнымъ.

Если же, наоборотъ, Россію ожидаютъ войны, засиліе военщины, истощеніе страны во имя военнаго дѣла; если новая власть, боязливо оглядываясь то направо, то налѣво, будетъ совершать непрерывные зигзаги то въ пользу полу-соціализма, то въ пользу реакціи; если возрожденіе хозяйства пойдетъ медленнымъ темпомъ и долгіе еще годы разрухи будутъ подтачивать корни демократическаго строя; если охватившая всѣхъ апатія будетъ и въ дальнѣйшемъ убивать демократическія партіи и всю общественную жизнь, тогда нѣсколькихъ лѣтъ будетъ достаточно, чтобъ ликвидировать всякую свободу и создать тотъ синтезъ царизма и крестьянской революціи, который именуется бонапартизмомъ.

Въ политическомъ хаосѣ настоящаго дня уже намѣтились контуры будущихъ сраженій. Ясны и цѣли и пути. Еще прольется немало слезъ, и полныя драматизма событія будутъ смѣнять другъ друга. Но есть еще порохъ въ пороховницахъ. И за свободу въ Россіи еще поборются!

Коммунистическая экономика.

1.

Общій ходъ развитія.

Въ отличіе отъ другихъ областей политики, экономическая политика коммунистической власти представляетъ собой рядъ сплошныхъ неудачъ, изръдка прерываемыхъ с л у ч а й н ы м и, крохотными успъхами. Хозяйственная жизнь стояла всъ эти четыре года подъ знакомъ регресса, разложенія, обнищанія. Со ступеньки на ступеньку опускался уровень жизни народной массы. Въ 1918 году было хуже, чъмъ въ 1917; въ 1919 — чъмъ въ 1918; въ 1920 — чъмъ въ 1919; и въ 1921 — хуже чъмъ въ 1920 г. Послъднее — несмотря на то, что война закончилась осенью 1920 г., а 1921 годъ протекалъ ужъ не въ военной обстановкъ.

Россія жила эти годы либо продуктами товарнаго, ненаціонализированнаго, крестьянскаго хозяйства, либо запасами прошлаго. Промышленность давала все время ничтожные, постоянно падающіе итоги производства. Поэтому ея «подъемы» и «кризисы» связаны были всегда съ этими старыми запасами. Способомъ увеличить запасы являлось только присоединеніе новыхъ областей, и поэтому военные успѣхи вели за собой временный «промышленный подъемъ», который однако довольно скоро смѣнялся новымъ кризисомъ. особенно ярко бросалось въ глаза, напр., во 2-ой половинъ 1920 г., когда вся офиціальная печать неустанно хвалилась «успѣхами на трудовомъ фронтъ» и приводила гордыя цифры объ улучшеній транспорта, открытій вновь закрытыхъ прежде заводовъ и т. д. Между тъмъ, дъло было въ томъ, что военное возсоединеніе Баку весной 1920 г. «возсоединило» совътскій транспортъ и промышленность съ сотнями милліоновъ пудовъ «до-коммунистической» нефти, т.-е. добытой въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Поставленная въ Россію, эта нефть открыла большія возможности, и во 2-ой половинъ 1920 г. нъсколько оживила индустрію и транспортъ. Но производство нефти стало быстро сокращаться, и

черезъ полъ-года Россія вновь стояла передъ топливнымъ кризисомъ, который вызвалъ всеобщій промышленный кризисъ. А лѣтомъ 1921 г. добыча и доставка нефти, подчиняясь законамъ коммунистическаго хозяйства, уже пали до ничтожныхъ размѣровъ. Точно такъ же было дѣло при недавнихъ «успѣхахъ» текстильной промышленности. Она падала изъ года въ годъ. Но соединеніе съ Туркестаномъ дало въ 1920 г. возможность подвезти хлопокъ изъ Средней Азіи. Цифры хлопчато-бумажнаго производства поднялись вверхъ. Но прошло съ полъ года — и новый «кризисъ» смѣнилъ собой кратковременный подъемъ.

Черезъ кризисы и подъемы проходитъ красной нитью основная тенденція: регрессъ является закономъ коммунистическаго хозяйства въ Россіи. Это первая, основная черта этого «способа производства».

Вторая черта — всеобщее поравненіе. Это душа коммунистическаго хозяйства, высшій принципъ экономической политики. Онъ вызвалъ 1) тенденцію къ поравненію заработныхъ платъ, от крыто господствовавшую въ первое полугодіе, а въ прикрытой формъ (равный паекъ + ничтожная тарифная ставка) проводимую вплоть до весны 1921 г. (т.-е. до момента отказа отъ коммунистической системы хозяйства). Онъ вызвалъ во-2) арестъ банковскихъ вкладовъ и конфискацію сейфовъ и пр. 3) Онъ привелъ къ націонализаціи промышленности. 4) Онъ вызвалъ въ деревнъ войну противъ «излишковъ», ликвидацію «кулачества», т.-е. состоятельныхъ слоевъ крестьянства; конфискацію «излишковъ» скота и инвентаря; 5) ликвидацію свободной торговли в с ѣ м и продук. тами. Но это поравненіе привело вездъ къ умерщвленію стимула личной заинтересованности и вызвало, наряду съ другими причинами, великій голодъ 1921 года.

На ближайшихъ страницахъ я разсмотрю подробнѣе основные элементы коммунистическаго хозяйства, его развитіе, разложеніе и перспективы. Но такъ какъ экономическая политика коммунизма развилась постепенно, реформируя и разрушая экономическую политику предыдущей эпохи, то придется коснуться и этого періода въ немногихъ словахъ.

Въ первую эпоху революціи, съ марта по октябрь 1917 г., идеологія активныхъ дъятелей гласила о буржуазной революцін. Даже лъвая оппозиція въ тотъ періодъ не заговаривала еще серьезно о немедленномъ соціализмѣ. Но впервые освободившись отъ до-капиталистическихъ оковъ, буржуазное хозяйство было связано военными цъпями. Не прошло и мъсяца послъ революціоннаго переворота, какъ отмънено было право торговли хлѣбомъ, — этимъ товаромъ, составляющимъ по цѣнности почти половину всего производства Россіи. Затѣмъ карточная система и твердыя цёны на цёлый рядъ другихъ товаровъ ограничили привычныя формы товарооборота. Прежніе органы, заводскія сов'єщанія, перестроенныя заново, проявляли гораздо болъе глубокое вмъшательство, чъмъ до тъхъ поръ. Для нъкоторыхъ отраслей хозяйства созданы были новые регулирующіе органы. Но вмѣшательство въ сферу частнаго хозяйства шло еще гораздо дальше, чъмъ предписывало законодательство. Въ борьбъ съ капиталомъ окръпло самочинное вмѣшательство рабочихъ въ видѣ «рабочаго контроля», закономъ не признаннаго. Наконецъ, совъты, не будучи признаны закономъ какъ органъ экономической политики, со своей стороны пытались воздъйствовать на экономику.

Это было нигде невиданное еще капиталистическое хозяйство. Впервые вылупившись изъ феодальной скорлупы, оно оказалось въ тискахъ военнаго положенія, и регулированіе его — законное и незаконное — сводило до минимума право частной собственности. Но это было неизбѣжно. Больше того: при бѣшеномъ темпѣ экономическаго регресса въ 1917 г. неизбѣжно и необходимо было вмѣшательство еще болѣе глубокое, чѣмъ предполагало правительство въ своей экономической политикѣ. Изъ этихъ противорѣчій отчасти и произошелъ октябрьскій переворотъ.

Весь дальнъйшій четырехлътній періодъ, періодъ совътской власти, проходитъ подъ знакомъ торжества потребителей. Изъ двухъ тенденцій военнаго хозяйства «потребительская» одерживаетъ полную побъду надъ «производительской». И вмъстъ съ тъмъ наступаютъ всъ неизбъжныя послъдствія этого. Капиталистическое производство умираетъ или упразд-

няется, мелко-товарное производство влачитъ жалкое существованіе, и всѣ силы государственнаго организма направлены на пріобрѣтеніе и распредѣленіе товаровъ¹).

Но и для совътской экономической политики есть все-же предълы, дальше которыхъ она не ръшается идти. За болъе узкія или болъе широкія рамки государственнаго вмъшательства продолжается борьба во весь этотъ четырехлътній періодъ. Колебаніе «влъво», т.-е. углубленіе экономической революціи, смъняется колебаніемъ «вправо», на путь компромисса съ товарнымъ хозяйствомъ. И наоборотъ.

Развитіе идетъ слѣдующимъ образомъ. Съ октября 1917 г. до марта 1918 г. происходитъ грандіозная экономическая катастрофа, сопровождаемая нажимомъ Германіи. Она завершается Брестскимъ миромъ. Въ этотъ періодъ націонализаціи и реквизиціи производятся всѣми, кому не лѣнь. Они еще имѣютъ свѣжестъ новизны, и ни одинъ опытъ еще не научилъ осторожности въ этомъ опасномъ дѣлѣ. «Властъ на мѣстахъ» разцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ, и мѣстныя націонализаціи, конфискаціи и контрибуціи довершаютъ общероссійскую политику.

Съ марта 1918 г. начинается «передышка», которая продолжается однако не болье трехъ мъсяцевъ. Армія быстро демобилизуется, военные расходы падаютъ до ничтожныхъ размъровъ, печатаніе бумажныхъ денегъ перестаетъ ежемъсячно возрастать. Вмъстъ съ тъмъ, въ кругахъ экономическихъ политиковъ коммунизма начинаются колебанія. Идутъ переговоры съ Мешерскимъ о металлургическомъ трестъ капиталистическаго типа, а Ленинъ доказываетъ въ «Правдъ» 2), что довольно ужъ предпріятій взято государствомъ «въ свои руки»; надо пріостановить ходъ націонали-

¹⁾ Въ одной стать въ "Правдъ" въ 1919 г. Ленинъ открыто заявилъ, что онъ стоитъ за "потребительскій коммунизмъ", т. е. за спасеніе милліоновъ рабочихъ отъ голодной смерти въ моментъ хозяйственной катастрофы. Но если экономическая политика Ленина, спасая рабочихъ, въ то же время сокращала возможный въ данныхъ условіяхъ размахъ производства, то спасеніе какъ двъ капли воды похоже на гибель.

[&]quot;) № от 27 апреля 1918 г.

зации и заняться разумной организаціей того, что ужъ имъется. На партійныхъ собраніяхъ Ленинъ доказываетъ, что раньше, чъмъ говорить о соціализмѣ, слѣдуетъ расширить сферу государственнаго капитализма и т. п. 1).

Эти попытки затормозить націонализацію продолжались недолго. Въ началъ лъта 1918 г. начинается чехо-словацкое движеніе, возобновляется война, и въ то же время голодъ въ городахъ совътской Россіи достигаетъ неслыханныхъ размъровъ. Выдача хлъба населенію почти совершенно прекращается, а возстанія крестьянъ и волненія среди рабочихъ пріобрътаютъ массовый характеръ. Поэтому въ періодъ между іюнемъ и ноябремъ 1918 г. совершается поворотъ «влѣво» какъ въ общей политикъ, («красный терроръ»), такъ и въ политик в экономической. Это періодъ массовых в націонализацій, комитетовъ бъдноты и упраздненія частной торговли. Лишь на 3-4 недъли онъ смягчается «полуторапудничествомъ», которое впрочемъ очень быстро упраздняется. Завершается этотъ періодъ наиболье далеко идущей изъ всвхъ соціализирующихъ мѣръ, т. е. наиболѣе противорѣчащей принципамъ разумнаго огосударствленія — декретомъ о націонализаціи торговли.

Новый поворотъ происходитъ въ декабръ 1918 г. Къ этому времени выясняются результаты пораженія Германіи, начинается очищеніе Украины, освобожденіе западныхъ областей отъ оккупаціи, а опасность на восточномъ фронтъ кажется уничтоженной. Смягченіе внутренняго режима (легализація соціалистическихъ партій) сопровождается смягченіемъ «соціализирующихъ» тенденцій. Періодъ между декабремъ и маемъ 1919 г. — это время ставки на среднее крестьянство, упраздненія комбъдовъ и чрезвычайнаго налога, облегченія условій для кустарнаго и мелкаго хызяйства.

Въ апрѣлѣ-маѣ 1919 г. вновь сгущаются тучи. Сначала наступленіе Колчака, а затѣмъ Деникина опять поглошаютъ все вниманіе. Союзники, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отказываются отъ сношеній съ совѣтской Россіей, а Польша

¹⁾ См. Осинскій, строительство соціализма стр. 24-25.

начинаетъ военный походъ. Поворотъ «вправо» пріостанавливается лътомъ 1919 г.

Послѣ столькихъ колебаній каждый новый поворотъ совершается все съ меньшимъ энтузіазмомъ; и послѣ столькихъ опытовъ, каждое новое полѣвеніе совершается все осторожнѣе, безъ слишкомъ крикливыхъ фразъ и безъ особенныхъ надеждъ.

Въ общемъ этотъ періодъ между концомъ 1919 г. и мартомъ 1921 г., около 15 мѣсяцевъ, не даетъ ничего новаго въ сферѣ экономической политики. Коммунистическое хозяйство достигаетъ своего «апогея». Оно дѣлается какъ будто «устойчивымъ». Новыхъ радикальныхъ поворотовъ не происходитъ. Игра въ «субботники» и «милитаризація» не вносятъ ничего принципіально новаго. «Трудовыя арміи» отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть, и война съ Польшей лѣтомъ 1920 г. даетъ поводъ ихъ безшумно ликвидировать. Но нажимъ на крестьянство усиливается во-первыхъ системой трудовой повинности, во-вторыхъ новой выдумкой, «плановымъ засьвомъ», который изобрѣтенъ былъ въ результатѣ большого неурожая 1920 г. Но и онъ оказывается безсильнымъ и безплоднымъ.

Въ мартѣ 1921 г., наконецъ, новый и радикальный поворотъ къ капитализму. Онъ начинается съ декрета о «продналогѣ», т. е. о свободѣ торговли хлѣбомъ. Далѣе слѣдуетъ разръшеніе свободы торговли почти всѣми остальными продуктами. Потомъ разрѣшеніе накоплять денежные капиталы въ любомъ размѣрѣ. Лѣтомъ 1921 г. декреты о сдачѣ въ аренду промышленныхъ предпріятій, т. е. о фактической денаціонализаціи части промышленности. Наконецъ, возвращеніе къ системѣ «платности», т. е. упраздненіе безплатныхъ услугъ со стороны государства, напр., оплата квартиръ, освѣщенія, желѣзнодорожныхъ перевозокъ, почты и телеграфа и т. д.

Авторомъ новой политики является Ленинъ, который утверждаетъ въ 1921 году, что «капитализмъ есть зло по отношенію къ соціализму, капитализмъ есть благо по отношенію къ средневъковью, по отношенію къ мелкому производству,

по отношенію къ связанному съ распыленностью мелкихъ производителей бюрократизму. Поскольку мы не въ силахъ осуществить непосредственный переходъ отъ мелкаго производства къ соціализму, постольку капитализмъ неизбѣженъ, въ извѣстной мѣрѣ, какъ стихійный продуктъ мелкаго производства и обмѣна, и постольку мы должны использовать капитализмъ».

Этотъ процессъ денаціонализаціи хозяйства еще только начался. Но съ нимъ связана уже полная ликвидація всей идеологіи коммунизма и идейный разбродъ совершенно безпримърныхъ размъровъ.

2.

Промышленность.

Между февралемъ и октябремъ 1917 г. программа Временнаго Правительства по отношенію къ промышленности гласила: регулированіе и контроль. Но въ то же время, какъ политическія учрежденія стараго режима должны были идти на сломъ, его экономическіе органы (особыя совъщанія, главные комитеты, земскій и городской союзъ и т. п.) должны были быть лишь реформированы, въ особенности по своему составу.

Однако, въ первые мъсяцы своего существованія, правительство лишь нехотя вступало и на этотъ путь. За ту или иную экономическую политику разгоралась борьба между совътскими и правительственными организаціями. Если промышленной опорой стараго режима служила октябристская тяжелая индустрія Петрограда и Харькова, то Временное Правительство черпало силы изъ ткацкой промышленности московскаго района. Коноваловъ, Бурышкинъ, Рябушинскій смънили Крестовникова и Дитмара. Но текстильная индустрія, по самому существу своему, гораздо меньше поддается регулированію и единообразному управленію, чъмъ металлургія и угольная промышленность. Текстильная промышленность во всъхъ странахъ остается оплотомъ манчестерства и Неудивительно поэтому, что текссвободной торговли. торговая буржуазія, господствующая тильная И

либеральныхъ кругахъ, не понимала военной необходимости и лишь подъ давленіемъ совътскихъ организацій вступала, да и то нехотя и неръщительно, на путь «планомърнаго регулированія». Послъ долгихъ настояній совътскихъ организацій правительство создало Главный Экономическій Комитетъ, задачей котораго являлось «планомърное регулированіе». Но и этотъ Комитетъ ничъмъ себя не проявилъ и влачилъ призрачное существованіе.

Для вопроса о методахъ соціализаціи очень интересно отмѣтить, что уже тогда предпріятія нерѣдко начинали давать убытокъ и такихъ случаевъ было уже немало лѣтомъ 1917 г. Въ этихъ случаяхъ, естественно, возникало у предпринимателей стремленіе распродать сырье и запасъ готовыхъ продуктовъ, прекратить невыгодное производство и «дожидаться лучшихъ временъ». Въ такой обстановкѣ, конечно, трудно бывало возложить на промышленность новыя обязанности и сдерживать разваливающееся зданіе тонкой ниточкой регулированія. Мѣра репрессіи оставалась одна: націонализація. И Временному Правительству пришлось вступить на этотъ путь. Особенно много шуму надѣлалъ секвестръ большого московскаго завода Гужона.

Правительство смотръло на такого рода націонализацію какъ на временную И репрессивную принимаемую лишь рѣдкихъ ВЪ самыхъ И исклю-Совътскія партіи, чительныхъ случаяхъ. ВЪ томъ числь и большевики, требовали болье энергичнаго примѣненія этой мѣры, но и они смотрѣли на нее, какъ на чисто-репрессивную. Въ 1917 г., ни до, ни послъ 25 октября, никто изъ большевиковъ не требовалъ еще всеобщей націонализаціи. Никто не смотрѣлъ тогда на конфискаціи и секвестры, какъ на методъ преодолънія капитализма. Программъ «государственнаго регулированія» большевики противоставляли не націонализацію, а рабочій контроль въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Рабочій контроль, какъ главная мъра экономической политики для русской индустріи, впервые формулируется съ полной ясностью на первой конференціи фабрично - заводскихъ комитетовъ Петербурга, 30 мая 1917 г. Въ резолюціи, предложенной большевиками, говорилось:

«Путь къ спасенію отъ катастрофы лежитъ только въ установленіи дѣйствительно рабочаго контроля надъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо во-1) чтобы во всѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ, было обезпечено большинство за рабочими организаціями, профессіональными союзами, Совѣтами Рабочихъ Депутатовъ и центромъ заводскихъ комитетовъ — не менѣе ¾ всѣхъ голосовъ при обязательномъ привлеченіи къ участію какъ не отошедшихъ отъ дѣла предпринимателей, такъ и технически-научно образованнаго персонала; во-2) чтобы фабричные и заводскіе комитеты, а равно и профессіональные союзы получили право участвовать въ контролѣ надъ каждымъ предпріятіемъ, съ открытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя».

Резолюція эта была принята 297 голосами изъ 362 присутствовавшихъ делегатовъ, при общемъ числѣ делегатовъ 499. Это показываетъ, что требованіе рабочаго контроля тогда было очень популярно въ рабочей средѣ. И это вполнѣ понятно. Рабочія массы, сдѣлавшіяся жертвой соціальной катастрофы, ежедневно наблюдавшія и переживавшія закрытіе заводовъ и сокрашеніе работъ, искали корней и причинъ своихъ бѣдствій въ злой волѣ буржуазіи, которая-де «сговорилась» и рѣшила «взять за горло» пролетаріатъ: нѣчто вродѣ грандіознаго всероссійскаго локаута. Но если сокрашеніе индустріи есть локаутъ, то и бороться съ нимъ надо какъ съ локаутомъ: «фронту буржуазіи» противопоставить «фронтъ пролетаріата».

«Сабогажъ» буржуазіи, — воть тотъ діагнозъ, который менѣе сознательные элементы рабочаго класса поставили больному хозяйству Россіи. Но если въ этомъ болѣзнь, то лѣченіе требуетъ простого средства: рабочаго контроля. «Прижать буржуазію», «пригнуть ее къ землѣ», сократить права и привилегіи капитала, «подчинить промышленность

народнымъ интересамъ» — вотъ идеологія, которая выросла тогда на почвѣ неимовѣрной разрухи.

Рабочій контроль и тогда ужъ, въ періодъ коалиціонной власти, сдълался методомъ экономической политики, хотя и не былъ признанъ властью. Государство признавало право распоряженія промышленностью только за частнымъ предпринимателемъ и за государственными органами. менве, рабочій контроль пріобрвль тогда огромное значеніе. Въ «революціонномъ порядкъ» онъ осуществленъ былъ на множествъ фабрикъ и заводовъ. На той же конференціи, гдъ впервые была формулирована программа рабочаго контроля, рядъ делегатовъ докладывалъ, что контроль со стороны фабрично-заводскихъ комитетовъ уже фактически проведенъ. Въ лицъ заводскихъ комитетовъ рабочая масса нашла себъ органы, которые на дълъ контролировали всю работу предпріятій. Безъ ихъ согласія невозможно было ни вывезти продуктъ, сырье, топливо, ни получить заказы и въ особенности невозможно было разсчитать ненужныхъ рабочихъ.

На дълъ рабочій контроль былъ тъмъ сильнье, вмъшательство въ хозяйственную жизнь предпріятія было тъмъ глубже, чъмъ хуже обстояли дъла въ данномъ предпріятіи, чъмъ грознъе становилось положение рабочихъ и чъмъ болъе злостнымъ казался поэтому буржуазный саботажъ. Но вмъшательство рабочихъ не спасало, конечно, предпріятія отъ паденія. Рабочіе органы начинали разсылать своихъ представителей во всъ концы Россіи закупать тъ или иные необходимые элементы производства. Далъе, они являлись въ министерства и департаменты съ просъбами о заказахъ и субсидіяхъ и нерѣдко вступали при этомъ въ ожесточенную борьбу съ такими же представителями другихъ промышленныхъ предпріятій. Но въ 99 случаяхъ изъ 100 все это ни къ чему не приводило, да и не могло привести. Тогда органы контроля приходили къ тъмъ же выводамъ, къ которымъ передъ тъмъ пришелъ ужъ хозяинъ предпріятія: необходимо сократить его размъры или совершенно закрыть его. Теперь это былъ ужъ не «злостный саботажъ», а роковая необходимость, удостовъренная своими собственными представителями. И единственное, о чемъ теперь шла ръчь, была норма оплаты увольняемыхъ рабочихъ: уплата не за двъ недъли впередъ, а за 2-3 мъсяца была общимъ правиломъ. Такъ «рабочій контроль» былъ на дълъ методомъ ликвидаціи военной промышленности, приспособленнымъ къ уровню сознанія отсталыхъ рабочихъ массъ.

Что «рабочій контроль», т. е. вмѣшательство заводскихъ комитетовъ въ ходъ производства нарушаетъ всякое государственное регулированіе, что это мѣра анархическая, разлагающая промышленность — эти аргументы признавались коммунистами несостоятельными до октябрьскаго переворота. Но когда въ ихъ рукахъ оказался и «государственный контроль» и рабочій контроль, они поняли несовмѣстимость этихъ методовъ регулированія промышленности. Тяжелымъ и медленнымъ опытомъ дошла совѣтская власть до убѣжденія, что распорядительныя права заводскихъ комитетовъ должны быть сведены къ минимуму. Поэтому «рабочій контроль» переживаетъ кризисъ въ первое полугодіе совѣтской власти, а съ лѣта 1918 г. уже теряетъ всякое обаяніе.

Если въ тотъ періодъ, когда большевизмъ былъ оппозиціей, краеугольнымъ камнемъ промышленной программы его былъ рабочій контроль, то основнымъ элементомъ экономической политики правительствующаго коммунизма сдѣлалась націонализація.

Подобно рабочему контролю, націонализація выросла изъ стихійнаго процесса, а не изъ теоріи; она пришла сама собой, и власти оставалось лишь зарегистрировать ее въ своей программѣ. Большевизмъ и здѣсь, какъ и въ рабочемъ контролѣ, вынужденъ былъ приспособить теорію марксизма къ такой экономической политикѣ, которая выросла изъ стихійнаго движенія сѣрыхъ, голодныхъ людей въ эпоху военнаго хозяйства.

Въ первые мѣсяцы послѣ октябрьского переворота націонализаціи производились по тѣмъ же мотивамъ, что и въ послѣдній періодъ коалиціоннаго правительства; разница была

лишь въ количествъ націонализацій. Мотивомъ была репрессія за неисполненіе того или иного предписанія. Особенно часто націонализація производилась за неподчиненіе декрету о рабочемъ контролъ. Это относится, главнымъ образомъ, къ «законной» націонализаціи, т. е., къ такой, которая производилась декретами Совета Народныхъ Комиссаровъ. Въ этихъ распоряженіяхъ новаго правительства мы находимъ неоднократно «конфискацію всего имущества» того или иного предпріятія. Но дълается это не съ цълью, — какъ говорилось позднъе, — «планомърной организаціи народнаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ», а только «вслъдствіе неподчиненія» такому-то декрету, т. е. какъ мъра наказанія, а не какъ принципъ экономической политики.

Однако, лишь ничтожная часть націонализацій перваго періода совътской власти была произведена этимъ законнымъ путемъ. Огромное большинство случаевъ экспропріаціи старыхъ владъльцевъ совершалось по постановленію различныхъ мъстныхъ властей: совътовъ, экономическихъ отдъловъ, профессіональныхъ союзовъ, заводскихъ комитетовъ й т. д. Мотивы, вызвавшіе націонализацію, были, конечно, очень различны въ этихъ случаяхъ. Но и здѣсь не трудно подмѣтить правильность въ ходѣ націонализаціи. Чѣмъ хуже положеніе данной отрасли хозяйства, чёмъ ближе она къ закрытію, чёмъ больше грозитъ безработица, тёмъ сильнёе тяга къ націонализаціи. Націонализація, какъ прежде рабочій контроль, была для рабочихъ методомъ застраховать себя отъ бъдствій промышленнаго развала, анархической демобилизаціи военной индустріи и массовой безработицы. случайно поэтому, что изъ 513 предпріятій, націонализированныхъ до іюня 1918 г., 218 предпріятій приходятся на группу «металлъ», т. е. на оборонную промышленность. прибавить сюда 18 электротехническихъ предпріятій и 42 химическихъ, то эти 278 предпріятій дадутъ 55 % всёхъ предпріятій, подвергнутыхъ націонализаціи и безусловно не меньше 75 % всъхъ рабочихъ, занятыхъ въ націонализированныхъ предпріятіяхъ. Въ отличіе отъ этой группы военной

индустріи, текстильная промышленность даетъ всего 26 случаевъ націонализаціи, полиграфическая — 20 и т. под.

Первый періодъ націонализаціи продолжается между декабремъ 1917 г. и мартомъ 1918 г. За эти четыре мъсяца зарегистрировано 129 націонализацій і). Напротивъ того: въ апрълъ — 1, въ маъ — 7. Въ этихъ цифрахъ проявляется тотъ поворотъ въ экономической политикъ, который начинаетъ обозначаться послѣ заключенія брестскаго мира и о которомъ была уже ръчь въ предыдущей главъ. Однако, новая политка продолжается недолго, и въ іюнъ начинается новый поворотъ въ сторону массовой націонализаціи. Совътъ Народныхъ Комиссаровъ издаетъ 28 іюня 1918 г. декретъ о всеобщей націонализаціи. По этому декрету націонализація распространена на всѣ акціонерныя предпріятія съ капиталомъ свыше 1 милліона рублей, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и съ капиталомъ свыше 200 или 500 тысячъ. Однако, въ моментъ изданія декрета еще не предполагалось осуществить на дълъ всю эту націонализацію, и 3-ій отдъль декрета гласиль: «впредь до особаго распоряженія Высшаго Совъта Народнаго Хозяйства, по каждому отдъльному предпріятію, предпріятія, объявленныя, согласно настоящему декрету достояніемъ Р. С. Ф. С. Р., признаются находящимися въ безвозмездномъ арендномъ пользованіи прежнихъ владъльцевъ; правленія и бывшіе собственники финансируютъ ихъ на прежнихъ основаніяхъ, а равно получаютъ съ нихъ доходы на прежнихъ основаніяхъ». Такимъ образомъ, декретъ, непосредственно не вносилъ никакихъ измъненій въ общій строй промышленной жизни. Но послъдствія его были слъдующія: во-первыхъ, онъ служилъ программой для дальнѣйшей націонализаціи. Теперь она была ужъ не репрессіей противъ отдѣльныхъ буржуа, а общей мърой по отношенію ко всему капитализму. Весь вопросъ былъ въ томъ, какимъ темпомъ пойдетъ фактическая націонализація на основаніи этого декре-Во-вторыхъ, послъ изданія этого декрета невозможно

¹⁾ По отношенію къ 224 случаямъ націонализаціи 1917 и 1918 г. мъсяцъ не установленъ.

уже съ цифрами въ рукахъ прослъдить расширеніе сферы государственнаго хозяйства.

На бумагѣ — все крупное и отчасти среднее производство было государственнымъ послѣ 28 іюня 1918 г. На дѣлѣ націонализація подвигалась скорѣе или медленнѣе въ зависимости отъ общаго состоянія данной отрасли.

Въ теченіе второй половины 1918 г., въ особенности, между іюлемъ и ноябремъ фактическая націонализація шла впередъ ускореннымъ темпомъ. Къ концу 1918 г. почти всѣ сколько - нибудь значительныя предпріятія въ русской промышленности, частныя ли или акціонерныя, оказались въ рукахъ государства, причемъ прежніе владѣльцы ихъ оставались на прежнихъ мѣстахъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Націонализація захватила, однако, не только группы, перечисленныя въ декретѣ отъ 28 іюня, но и множество мелкихъ, подчасъ мельчайшихъ предпріятій.

Такимъ образомъ, въ 1918 г. націонализація была завершена, и въ дальнъйшемъ, даже при желаніи, ничего не оставалось больше дёлать. Вмёстё съ тёмъ вопросъ объ организаціи управленія государственной промышленностью все больше дълался центральнымъ вопросомъ хозяйственной жизни. Предпріятія, переходящіе въ руки государства, должны передаваться въ руки «Главковъ» и «Центровъ», управляющихъ каждый своей отраслью промышленности. Способъ созданія такихъ органовъ былъ различный. Въ большинствъ случаевъ Высшій Совътъ Народнаго Хозяйства, которому Главки и Центры подчинены, устанавливалъ составъ высшей «коллегіи» каждаго такого органа по принципу представительства всёхъ заинтересованныхъ общественныхъ группъ профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ, техническаго персонала, совътовъ р. д., продовольственныхъ организацій и т. п.

Такъ поступали въ большинствъ случаевъ. Въ иныхъ случаяхъ, однако, президіумъ В. С. Н. Х. самъ назначалъ опредъленныхъ лицъ въ руководящіе органы; такъ создался напримъръ, отдълъ металла, горнозаводскій и нъкоторые другіе.

Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 6

Спорнымъ вопросомъ оставался вопросъ о роли буржуазіи въ организаціи соціализма. Стремленіе избавиться отъ буржуазіи наталкивалось на ея производительныя функціи: безъ нея обойтись было трудно. Поэтому, во всѣхъ Главкахъ и Центрахъ, создаваемыхъ въ первые мѣсяцы совѣтской власти, представителямъ капитала отводится еще видное мѣсто наряду съ представителями рабочихъ, кооперативныхъ и другихъ организацій.

Вмъстъ съ тъмъ Ленинъ выступаетъ публично противъ тенденціи совершенно устранить буржуазію отъ всякой хозяйственной работы. Онъ пытается найти компромиссъ въ формъ «использованія спеціалистовъ». Буржуа — это люди со спеціальными знаніями; надо использовать эти знанія, отбросивъ «буржуазность», т. е. право на эксплуатацію. Онъ говоритъ: если совътской республикъ нужны 1 000 первоклассныхъ ученыхъ и спеціалистовъ для руководства народнымъ трудомъ, то можно платить имъ громадныя деньги, -хотя бы по 25 тыс. руб. въ мъсяцъ, или даже вдвое, вчетверо больше 1). Эти 100 милліоновъ окупятся, ибо «наша отсталость заставляетъ насъ терять милліарды». Ленинъ не понималъ тогда, что бывшіе капиталисты, приглашенные на службу въ качествъ спеціалистовъ, теряютъ свою энергію и настойчивость и превращаются въ «совътскихъ служащихъ», новый типъ чиновниковъ, привлекшій къ себъ вниманіе лишь въ концъ 1918 г. Надежды на «спеціадистовъ» тогда не оправдались; но вопросъ о нихъ поднимался, все снова и снова въ теченіе всего дальнъйшаго періода.

Между тѣмъ, подъ давленіемъ общаго «полѣвѣнія» правительственнаго курса, и составъ Главковъ и Центровъ сталъ мѣняться: изъ нихъ стали исключать буржуазію. Это растянулось почти на полгода, но къ концу 1918 года процессъ «очищенія» былъ завершенъ.

Но одновременно съ этимъ, общій принципъ построенія хозяйственныхъ органовъ на выборномъ началѣ сталъ отмирать. Это было естественнымъ результатомъ всей полити-

 $^{^{1}}$) Это говорилось въ апрълъ 1918 г., когда средній мъсячный заработокъ составляль 400-600 р.

ческой обстановки. Чъмъ больше падала самодъятельность народныхъ массъ, тѣмъ болѣе фальшиво стали звучать уставы, по которымъ на съъздахъ избираются постоянные хозяйственные органы, а эти органы выбираютъ изъ себя «президіумъ», работу котораго они призваны контролировать. На дълъ одинъ только президіумъ и существуетъ, а прочіе совъты, совъщанія и съъзды остаются дорого стоющей декораціей. Поскольку оппозиція нетерпима, нътъ смысла въ парламентаризмъ. По этой простой причинъ и Ц. И. К., и мъстные совъты не функціонируютъ, по этой же причинъ въ Высшемъ Совътъ Народнаго Хозяйства функціонируетъ одинъ лишь президіумъ, а такъ называемый «пленумъ» не созывается. И по той же причинъ во главъ «Центровъ и Главковъ» стояли президіумы и коллегіи, совершенно порвавшіе съ избирателями. Весь этотъ огромный аппаратъ, съ сотнями тысячъ служащихъ, со своими особыми навыками, обычаями, проблемами, радостями и огорченіями, превратился въ затвердѣвшій организмъ, обособившійся отъ породившаго его народнаго движенія и развившійся въ тяжело-работающую бюрократическую машину.

Этотъ бюрократизмъ сдѣлался затѣмъ одной изъ новыхъ проблемъ экономической политики. Но попытки бороться съ нимъ носили подчасъ наивный, подчасъ невѣжественный Издаются распоряженія съ требованіемъ аккуратнаго исполненія служебныхъ обязанностей и съ угрозами революціоннымъ трибуналомъ; идетъ борьба съ канцелярской волокитой, поощреніемъ телефонограммъ вмѣсто писемъ; въ газетахъ предлагаются все новые проекты «упрощеннаго дѣлопроизводства»; особенно скомпрометировавшія себя учрежденія разформировываются, и вмѣсто нихъ создаются новыя; здъсь сливаются два учрежденія воедино для предупрежденія «параллелизма»; тамъ одинъ органъ раздѣляется на-двое, для «борьбы съ громоздкостью». И т. д. Но ни у кого не хватаетъ ръшимости взглянуть въ корень вещей и понять, что бюрократизмъ не можетъ быть изжитъ, когда государство взяло на себя задачу управлять чуть ли не половиной всего производства Россіи. И, вопреки всѣмъ стараніямъ, новыя учрежденія плодятся, и съ ними бюрократизмъ не сокращается, а, наоборотъ, растетъ 1).

Въ первые мѣсяцы 1919 года происходитъ поворотъ «вправо»; къ этому приспособляется и экономическая политика. Лискуссія о «Великомъ Сѣверномъ Пути» не имѣла, правда, никакихъ реальныхъ послъдствій, но интересна съ принципіальной стороны. Ръчь шла о томъ, чтобъ предоставить норвежской фирм в Ганневикъ и Ко, концессію на разработку лѣсовъ, постройку заводовъ и желѣзной дороги на очень большой площади нашаго съвера. Трудность разрѣшить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія коммунизма состояла въ томъ, что съ одной стороны силами одной Россіи долго еще не удастся оборудовать все то, за что взялись бы иностранцы; съ другой стороны — концессія эта — безусловно капиталистическое предпріятіе. Отвергнуть его — значить сознательно уменьшить благосостояніе Россіи. Принять его значитъ допустить крупно-капиталистическую эксплоатацію пролетаріата.

Побъда на этотъ разъ осталась за правыми. Это было въ періодъ «весны», въ первые мѣсяцы 1919 года, когда международное положеніе сложилось благопріятно для совѣтской власти, и Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ желалъ показать внѣшнему міру, какія преимущества дастъ миръ съ Россіей. Поэтому онъ принялъ постановленіе о допустимости сѣверной концессіи. Въ Москвѣ открылась контора Великаго Сѣвернаго пути. Уже было приглашено множество служащихъ, разработаны проекты, — какъ снова произошелъ поворотъ въ отношеніи союзниковъ къ Россіи; и повидимому въ связи съ этимъ ликвидирована была московская контора, а съ ней прекратилась и дискуссія. Начался новый изгибъ экономической политики влѣво.

¹⁾ Въ свое время это понималъ и Ленинъ. Такъ напр. 29 апр 1918 г. въ докладъ Ц. И. К. онъ говорилъ: "если бы мы захотъли теперь продолжать прежнимъ темпомъ экспропріировать капиталъ дальше, мы навърное потерпъли-бы пораженіе". Но въдь экспропріація шла послъ этого впередъ не прежнимъ, а болъе ускореннымъ темпомъ!

Но «весна» въ январѣ - апрѣлѣ проявилась еще въ нѣкоторыхъ мѣрахъ. Декретъ 26 апрѣля 1919 года о кустарной и мелкой промышленности и инструкція о его примѣненіи (отъ 26 іюля) установили значительную свободу существованія для мелкаго хозяйства.

Цълый рядъ другихъ уступокъ вынуждена была 1919 году дълать власть принципу частной иниціативы. Среди многихъ фактовъ этого рода необходимо указать на систему лъсныхъ заготовокъ. Топливный кризисъ, обострившійся уже въ 1918 году, заставиль органы власти относиться очень осторожно ко всякимъ націонализаторскимъ опытамъ въ этомъ дълъ. Каждый опытъ обходился слишкомъ дорого, чтобъ рисковать. Послъ ряда колебаній и реорганизацій, въ самомъ концъ 1918 года созданъ былъ Главный Лъсной Комитетъ, который съ самаго начала вступилъ на путь «использования частной иниціативы», т.е. сталъ допускать бывшихъ лъсопромышленниковъ не на совътскую службу, а въ качествъ подрядчиковъ. Большіе авансы и перспективы большихъ прибылей привлекли къ этому дѣлу солидныхъ и несолидныхъ буржуа, и лътомъ 1919 года на этой почвъ развивается капиталистическая горячка среди истосковавшейся буржуазіи. Но и тутъ совътской власти приходится выдерживать натискъ слѣва.

Въ юнтъ 1919 г. 2-ой Всероссійскій Сътвадъ деревообдточниковъ вынесъ порицаніе «Главлтскому»: «Отсутствіе государственнаго плана въ дтт льсного хозяйства ведетъ не только къ частичнымъ и распыленнымъ формамъ строительства къ печальнымъ опытамъ въ видт нынты шняго Главлтскома, но что хуже всего, затемняя принципы коммунистическаго строительства, допускаетъ къ эксплоатаціи лъсныхъ богатствъ частный капиталъ».

Можно сказать съ увъренностью, что атака «лъвыхъ» изъ союза деревообдълочниковъ прорвала бы «соглашательскій» фронтъ, если бъ лъсное дъло и заготовка топлива не играли первостепенной роли въ хозяйственной жизни и въ военномъ дълъ. Но на этотъ разъ власть осталась непреклонной.

Окончаніе войны съ Деникинымъ въ концѣ 1919 года отодвинуло на задній планъ вопросы гражданской войны, и борьбу съ хозяйственнымъ разложеніемъ сдѣлало вопросомъ основнымъ, важнѣйшимъ. Коммунистическая партія провозгласила лозунгъ «на хозяйственный фронтъ» и занялась ыгработкой плакатовъ, листовокъ, тезисовъ, конспектовъ, и писаніемъ безконечнаго числа статей, въ которыхъ доказывалось совершенно неопровержимо, что выходомъ изъ хозяйственнаго кризиса должно быть оживленіе хозяйства. Двинуться дальше этого оказалось трудновато. Что надо сдѣлать, чтобъ выйти изъ кризиса?

Объ отказѣ отъ «коммунизма» тогда еще не было рѣчи. Наоборотъ, военно-политическіе успѣхи вызывали иллюзію, будто «мы все можемъ». Надо лишь перенести на хозяйство тѣ методы, которые оказались столь успѣшными въ гражданской войнѣ. Этихъ методовъ два: съ одной стороны самопожертвованіе, героизмъ, съ другой — дисциплина и принужденіе.

Ленинъ выбралъ себъ болъе простую половину дъла и началъ агитацію за добровольный усиленный трудъ. Маленькая идейка «субботниковъ» превратилась у него въ грандіозной силы экономическій факторъ. Онъ видълъ пришествіе и с т и н н а г о коммунизма въ томъ, что сотня рабочихъ, послъ окончанія обязательныхъ часовъ труда, д о б р овольно освобождаетъ фабричный дворъ отъ накопившихся за цълые мъсяцы экскрементовъ и отбросовъ, или въ томъ, что изголодавшаяся толпа совътскихъ служащихъ разгружаетъ вагонъ мерзлой капусты. Ленинъ писалъ тогда:

«Коммунистическіе субботники — только начало, но начало необыкновеннаго значенія, это начало переворота, который труднѣе, важнѣе, радикальнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ сверженіе буржуазіи, ибо онъ означаетъ побѣду надъ собственной лѣнью, мелкобуржуазнымъ эгоизмомъ, надъ привычками, которыя проклятый капитализмъ оставилъ въ наслѣдство рабочимъ и крестьянамъ»...

«Именно коммунистическое строительство, которое стоитъ подъ знакомъ «коммунистическихъ субботниковъ» и осущест-

вляется въ нихъ, именно оно возбуждаетъ и укръпляетъ уваженіе и любовь крестьянъ къ пролетарскому государству. Эта работа, и лишь она одна способна убъдить крестьянина въ правотъ нашаго дъла, въ правотъ коммунизма. Она дълаетъ крестьянина нашимъ върнымъ союзникомъ, а это означаетъ, что она ведетъ къ полному преодолънію продовольственныхъ затрудненій, къ полному торжеству коммунизма надъ капитализмомъ въ вопросахъ производства и распредъленія продовольствія. Она ведетъ такимъ образомъ, къ ръшительному укръпленію коммунизма» 1).

Но этотъ продуктъ «искренняго порыва» не избѣжалъ судьбы другихъ коммунистическихъ начинаній. Достаточно было начальству благосклонно взглянуть на «великій починъ», и въ мигъ образовались центральныя и м'встныя комиссіи, всевозможныя бюро и ячейки, пошли циркуляры и директивы, и добровольный порывъ обросъ казеншиной и канцелярщиной. Чтобъ похвастать успѣхами, «субботники» дѣлались обязательными и для не-коммунистовъ, и какой-то центральный органъ для «субботниковъ» вскорѣ сталъ опубликовать цифры о развитіи «субботняго» труда. Оказалось, что въ Москвѣ, напр., въ субботникахъ участвовало:

въ	ноябръ	1919 i	٠.								4300	чел
Въ	декабръ		•		٠	•	٠				16600	12
ВЪ	январъ :	1920 г		٠							35 000	12
Въ	февралъ										41 500	17
	і дальше											
Въ	мартъ.										33 000	**
въ	апрѣлѣ				٠						27000	12

Такъ «субботники» превратились въ простое орудіе принудительнаго, общеобязательнаго удлиненія рабочаго дня. Производительность труда «субботниковъ» стала падать, начались дрязги о томъ, обязанъ ли тотъ или другой «отвътственный» работникъ участвовать въ субботникахъ, посыпались ходатайства объ освобожденіи отъ новой повин-

¹⁾ Ленинъ, Великій починъ. За неимъніемъ подъ рукой русскаго оригинала, цитирую по нъмецкому переводу.

ности, въ которую превратился «великій починъ». И послѣ громовыхъ успѣховъ «субботники» тихо умерли въ 1920 году и ихъ отецъ о нихъ больше не вспоминаетъ... Итоги ихъ были равны нулю.

Троцкій принялся поэтому за разработку проектовъ совершенно иного рода. Онъ ръшилъ перенести изъ войны въ гражданскую жизнь — не героизмъ, а принужденіе. Если народъ мало работаетъ, плохо работаетъ и не то дълаетъ, что надо, -- очевидно надо заставить его работать. Другихъ импульсовъ къ труду правов рный коммунистъ не долженъ знать. Все дъло состоитъ въ томъ, чтобъ ввести всеобшую трудовую повинность на манеръ воинской повинности. Каждый человъкъ, въ городъ ли или въ деревнъ, долженъ быть «на учетъ». Для выполненія тъхъ или иныхъ работъ эти военно-учетно-хозяйственные органы мобилизуютъ населеніе, заставляютъ его подъ угрозой всёхъ возможныхъ репрессій, выполнять ту работу, которая имъ предписана, а затъмъ уплачиваютъ имъ или же не уплачиваютъ, смотря по состоянію государственныхъ запасовъ. При этомъ Троцкій вспомнилъ, что «трудовая повинность» какъ разъ въ той формъ, въ какой онъ ее проповъдовалъ, относится къ арсеналу основныхъ принциповъ коммунизма (онъ пытался доказать даже, что она вытекаетъ изъ принциповъ соціализма) ибо «не трудящійся да не ъстъ». Что же касается всъмъ извъстной низкой производительности принудительнаго рабскаго труда, то Троцкій утверждалъ, что это «еще не доказано» для «новой эпохи». Но въ Россіи большинство населенія — крестьяне, а среди рабочихъ коммунисты составляютъ меньшинство. Поэтому при выполненіи трудовой повинности коммунисты являются активными иниціаторами, за ними послушно должна слъдовать рабочая масса, а крестьянство, подгоняемое плеткой, будетъ выполнять вст предписанныя работы 1).

^{&#}x27;) Эта въра вътсилу государственной регламентаціи и, поэтому, во всесиліе бюрократіи граничить подчась съ кретинизмомъ. Вотъ что говориль Троцкій въ Московскомъ Совъть по вопросу о трудовой повинности: "Комиссія по трудовой повинности пришла къ убъжденію, что долженъ быть созданъ особый органъ — Главный

Если отвлечься отъ этой идеологической шелухи, то нетрудно понять экономическую подоплеку этой системы. Въ прежнихъ условіяхъ государство собирало налоги съ крестьянства, затѣмъ покупало у крестьянъ на эти деньги тѣ или иные продукты ихъ труда или уплачивало имъ за ихъ трудъ собранными съ нихъ же налогами. Теперь налоги исчезли, и государству нечѣмъ было платить. Но работа населенія, напр., рубка дровъ, починка дорогъ и проч., необходима государству такъ же, какъ продукты труда — хлѣбъ, мясо и проч. Если послѣдніе попросту отбирались («разверстка»), то для первыхъ приходилось ввести трудовую повинность.

Такимъ образомъ, крестьянская трудовая повинность есть форма уплаты налоговъ натурой. Больше ли крестьянамъ приходилось платить при этой новой системѣ, чѣмъ до войны? Тяжелѣе ли была имъ натуральная повинность, чѣмъ до-военные налоги (прямые и косвенные)? Я думаю, что нѣтъ. Вѣдь въ концѣ концовъ въ распоряженіе государства поступали отъ крестьянъ такія ничтожныя количества работы и товаровъ, что только государство, возведшее нищету въ норму, могло прожить съ такими запасами. Правда, и крестьянское хозяйство сильно пострадало. Но если принять и это во вниманіе, тяжесть налоговъ не больше, чѣмъ до войны.

За то форма новой системы налоговъ и натуральныхъ повинностей — настолько плоха и несправедлива, что она естественно вызывала возмущеніе и подчасъ возстанія со стороны крестьянъ. Если крестьянская семья должна уплатить 5 руб. налоговъ, она, выбиваясь иной разъ изъ послѣднихъ силъ и лишая себя необходимаго, уплачивала изъ вырученныхъ за

Комитетъ по трудовой повинности, который долженъ быть подчиненъ аппарату обороны ... Совътъ обороны долженъ превратиться въ Совътъ Труда и Обороны ... Руководство промышленностью должно остаться всецъло въ рукахъ Высшаго Совъта Народнаго Хозяйства. Кемитетъ по Трудовой Повинности долженъ состоять изъ представителей комиссаріата труда, т. е. его отдъла по учету и распредъленію рабочей силы, профессіональныхъ союзовъ, комиссаріата внутреннихъ дълъ, и комиссаріата по военнымъ дъламъ". Эту пріятную забаву — жонглированіе въдомствами - можно продолжать, кенечно, безъ конца. Но плохо дъло, если такими "методами" кто-нибудь думаетъ что-нибудь улучшить!

хлѣбъ денегъ необходимую сумму. Она знала, что въ точно такомъ же положеніи находится и сосъдъ, и сосъдній увздъ, и дальняя губернія. Денежный налогъ даже худшій — общеобязателенъ и постольку равном вренъ. Теперь, при систем в «трудовой повинности» д в ло обстояло иначе. В в одном в увздв есть лвса и желвзная дорога. Въ другомъ ихъ нвтъ. Поэтому въ первомъ увздв крестьянъ выгоняютъ рубить лъсъ; во второмъ они отъ этого свободны. Кого выбрать и назначить въ «нарядъ» — зависитъ отъ органовъ власти, и это открываетъ просторъ безграничному произволу. Въ какія недъли выполнять трудовую повинность—тоже не зависить отъ каждаго отдъльнаго крестьянина, и нарядъ нарушаетъ его хозяйственные планы. Наконецъ, разница и въ производительности труда. Уплачивая денежный налогъ изъ общей хозяйственной выручки, крестьянинъ въ своей работъ сознаетъ, что онъ работаетъ «на себя». Теперь работа «на себя» и «на казну» раздълены въ пространствъ и во времени. Онъ можетъ превосходно работать на себя, а въ работъ «на казну» проявлять минимумъ энергіи.

всъхъ отношеніяхъ система трудовой повинности стоитъ ниже «свободнаго труда». Неудивительно, что она дала совершенно мизерные результаты въ экономическомъ смыслѣ и потерпѣла банкротство уже въ 1920 году. Но въ другихъ отношеніяхъ она дала блестящіе успѣхи; именно въ сферъ бюрократизма. Въдь надо было «организовать трудъ». Въ Москвъ былъ созданъ Главкомтрудъ, въ губерніяхъ Губкомтруды, затъмъ соотвътствующіе органы и уполномоченныя лица въ уъздахъ, волостяхъ и т. д. Чрезвычайныя комиссіи должны были слъдить за тъмъ, чтобъ никто не уклонялся и наказывать уклонявшихся. Для этого надо было расширить ихъ «аппаратъ». Комиссаріатъ продовольствія долженъ былъ выдавать хоть сколько-нибудь продуктовъ для оплаты «трудповинности». Для этого и ему нужно было увеличить свою машину. Словомъ для «въдомствъ» новое поприще... Къ этому свелись всъ результаты «трудовой повинности».

Но «милитаризація», введенная Троцкимъ, не ограничилась трудовой повинностью. Вторую главу милитаризаціи составляли «трудовыя армін». Какъ и въ вопросахъ трудовой повинности, рѣчь шла, разумъется, о простъйшихъ видахъ труда, не требующихъ никакой подготовки: рубка лѣса, прокладка дорогъ, перетаскиваніе тяжестей, нагрузка и разгрузка поъздовъ и т. под. Красноармейцы дълались рядовыми рабочими, военное начальство — надсмотршиками. Но какъ ни просто казалось это преврашеніе, — оно тоже не дало положительныхъ результатовъ. Оказалось, во-первыхъ, что производительность «трудармій» стоитъ очень низко, -- много ниже, чъмъ если бъ демобилизовать воиновъ и дать имъ возможность работать гдъ и какъ сни пожелаютъ. Оказалось, во-вторыхъ, что не хватаетъ орудій труда, необходимыхъ даже для самыхъ простыхъ работъ: пилъ, топоровъ, тельгъ, лошадей и пр. И въ-третьихъ, наконецъ, оказалось, что военная организація сама по себъ совершенно не приспособлена къ хозяйственнымъ цълямъ. Такъ, обслуживание военной единицы требуетъ невъроятно много силъ. Каждый отрядъ долженъ былъ сохранить при себъ и всю ту бюрократію, которая выполняетъ не боевыя функціи, а хозяйственныя, канцелярскія и проч. Оказалось, что эти функціи отнимаютъ отъ 30-40% состава! Этотъ мертвый грузъ, который не можетъ быть значительно сокращенъ въ военной единицЪ, понижаль общую среднюю производительность труда и дълалъ трударміи совершенно нераціональными. Поэтому, черезъ нъсколько мъсяцевъ послъ ихъ зарожденія, они были молчаливо упразднены, и война съ Польшей оказалась очень кстати, чтобь ихъ ликвидировать навсегда. Они тоже ничего не дали, — а хозяйственное разложеніе быстро развивалось.

Третій элементъ милитаризаціи составляли новые распорядки на заводахъ. Опыты поднятія трудовой дисциплины при помощи методовъ убѣжденія, товарищескихъ судовъ, союзнаго вліянія ни къ чему не привели. Рѣшено было поставить все «на военную ногу». На важнѣйшіе заводы были назначены комиссары, также и на желѣзныя дороги, и власть ихъ была неограниченная. Они стояли не только надъ всей

рабочей массой, но и надъ рабочимъ комитетомъ и надъ дирекціей. Они распоряжались продовольствіемъ, транспортомъ, денежными средствами и, конечно, мѣрами репрессіи. Сотрудничество съ че-ка было основнымъ принципомъ для нихъ. Они подчасъ вызывали жестокое возмущеніе среди рабочихъ и даже стачки; но они подавляли ихъ безпощадно. Ихъ усердіе было громадно, страхъ они передъ собой вызвали безграничный, и «пафосъ дистанціи» отдѣляющей начальство отъ простыхъ смертныхъ, они, по образцу Троцкаго, внушали людской толпѣ при помощи экстренныхъ поѣздовъ, автомобилей, револьверовъ и прочихъ аттрибутовъ «твердой власти». Но все оказалось напрасно, и хозяйственныхъ успѣховъ ни промышленность, ни транспортъ не обнаружили.

За то обнаружилась глубокая разница во взглядахъ «военныхъ» и «штатскихъ» въ особенности «профессіоналистовъ». Какъ ни оторваны правленія профессіональныхъ союзовъ отъ рабочей массы, какъ ни трусливы и безпомощны они предъ «сильной властью», но давленіе на рабочую массу со стороны «милитаристовъ» было слишкомъ велико. Центральные органы профессіональныхъ союзовъ пытались возстать противъ милитаризаціи и отстоять нѣкоторыя элементарныя права рабочихъ передъ начальствомъ, въ особенности — вновь назначаемымъ начальствомъ. Но имъ это совершенно не удалось. Ихъ въ мигъ скрутили «партійной дисциплиной», и ихъ безхарактерная оппозиція должна была—о, иронія судьбы! — превратиться передъ рабочей массой въ защиту новой коммунистической политики.

Нѣсколько рѣшительнѣе «профессіоналисты» осмѣлились заговорить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, когда зашла рѣчь ужъ не о правахъ рабочей массы, а о собственныхъ правахъ «профессіональной» бюрократіи, т. е. служащихъ профессіональныхъ союзовъ. Это было въ связи съ дискуссіей о коллегіальности и единоначаліи. Я упоминалъ ооъ этомъ въ другомъ мѣстѣ (см. гл. IV), и суть дѣла здѣсь не стану повторять. Но борьба «профессіоналистовъ» съ прочей бюрократіей окончилась, разумѣется, ихъ пораженіемъ. Восторжествовало единоначаліе, на сторону котораго

всталъ и Ленинъ ¹). Побѣдило единоначаліе потому, что въ немъ видѣли спасительное средство противъ «многоговоренія» и «расхлябанности». Его отожествляли съ принципомъ строгой личной отвѣтственности и пунктуальнымъ выполненіемъ каждымъ служащимъ своихъ обязанностей. Партійный съѣздъ коммунистовъ весной 1920 г., въ горячую пору «милитаризаціи хозяйства», всецѣло подтвердилъ и одобрилъ политику «единоначалія». Коллегіальность была упразднена въ послѣдующіе мѣсяцы, и къ концу 1920 г. изъ 2 483 предпріятій, о которыхъ говорится въ отчетѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства 8-му съѣзду совѣтовъ, 2 183 управлялись единолично, и лишь 300 продолжали систему коллегіальнаго управленія.

Но «единоначаліе» было, подобно прочимъ проектамъ, попыткой рѣшить экономическіе вопросы такъ называемымъ организаціоннымъ путемъ, т. е. при помощи перестановки, перегруппировки руководящаго персонала. Это была бюрократическая реформа, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и о на ничего не дала. О благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ ея нигдѣ ничего не говорилось. Ее забыли, лишь только провели ее.

¹⁾ Ленинъ столь же быль проникнуть тогда в рой во всеспасающую силу "военныхъ методовъ", какъ и Троцкій. Не больше полутора лѣть прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ленинъ говорилъ на Всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ Народнаго Хозяйства: "Опытъ, который совѣтская власть собрала въ военной области, нельзя разсматривать какъ опытъ въ одной лишь этой области. Строеніе нашей арміи могло только потому дать хорошіе результаты, что оно соотвѣтствовало общему духу нашего совѣтскаго строительства на основѣ соотношенія соціальныхъ силъ"... Этотъ опытъ долженъ быть продуманъ и использованъ. Созданіе арміи происходило такимъ образомъ, что исходили вначалѣ изъ случайной коллегіи и переходили постепенно къ системѣ работы. Во всякой области совѣтской работы можно найти небольшое число сознательныхъ пролетаріевъ, большое число менѣе развитыхъ рабочихъ и въ качествѣ основы для всего этого — громадную массу крестьянства съ его склонностью къ свободной торговлѣ и спекуляціи, которую меньшевики, эсеры и безпартійные на зывають "свободой", но которую ты считаемъ наслѣдствомъ капитализма. Вотъ обстановка, въ которой приходится работать, и которая требуетъ особыхъ методовъ работы."

Я упоминалъ уже, что присоединение Азербейджана и Туркестана къ сферъ экономическаго господства Москвы, облегчили положеніе транспорта и текстильной промышленности во второй половинъ 1920 г. Къ этому присоединились успъхи въ дълъ выкачиванія хлъба, — успъхи, истинное значеніе которыхъ для сельскаго хозяйства могло сказаться лишь много позже — лътомъ слъдующаго года. Но и это не очень замътное облегчение оказалось кратковременнымъ. Въ ноябръ окончилась война съ Врангелемъ и Польшей. Но вмъсто новаго и быстраго хозяйственнаго подъема въ январъ 1921 г. начался топливный кризисъ (въ связи съ исчерпаніемъ запасовъ нефти), который, какъ всегда, немедленно превратился въ общій кризисъ промышленности и транспорта. Съ этого момента начинается новая, самая тяжелая полоса въ хозяйственной жизни Россіи. Десятки заводовъ стали закрываться. Отопленіе домовъ было опять очень сокращено. Доставка продовольствія въ города и для арміи быстро понизилась. Вольныя цёны стали подниматься съ необычайной быстротой Пайки начали сокращаться—и въ результатъ кризиса вспыхнуло кронштадтское возстаніе, которое завершило собой исторію стараго, классическаго русскаго коммунизма.

3.

Новый курсъ въ промышленности и итоги.

То, что было послѣ кронштадтскаго возстанія, это кризисъ коммунизма. Буквально въ нѣсколько дней вся старая теорія и практика были брошены въ сорный ящикъ. Не осталось ужъ ни міровой революціи, ни коммунистическаго хозяйства, ни поравненія, ни безплатнаго снабженія. Осталась только власть коммунистической партіи.

Коммунистическій кризисъ, который сейчасъ (ноябрь 1921 г.) въ полномъ разгарѣ, проходитъ подъ лозунгомъ «назадъ къ капитализму». Поскольку онъ касается промышленности, — а только о ней рѣчь въ настоящей главѣ, — главнымъ продуктомъ его является декретъ 10-го іюля 1921 г. объ арендѣ промышленныхъ предпріятій. Для успокоенія со-

въсти лъвыхъ или наивныхъ большевиковъ, собственность на націонализированныя предпріятія остается въ рукахъ государства. Но во всемъ остальномъ, — арендаторъ является частнымъ хозяиномъ и имъетъ право на прибыли въ любомъ разм врв. Неприкосновенность его прибылей ему обезпечивается. Сдача предпріятій въ аренду производится, согласно декрету, Высшимъ Совътомъ Народнаго Хозяйства или губернскими органами. Но «они, имъя возможность дъйствовать по своему разумънію, прилагаютъ всъ усилія, чтобъ привлечь капиталъ въ максимальныхъ размѣрахъ, и В. С. Н. Х. разсылаетъ на мъста инструкторовъ съ напутствіемъ президіума — сдать въ аренду все, что только можно, лишь бы избавиться отъ кормежки рабочихъ. Сдерживающимъ отъ сдачи всей россійской промышленности на откупъ прежнимъ и новымъ владъльцамъ, является то обстоятельство, что арендаторы-то пока не спъшатъ. А тъ, которые берутъ (фактически с в о и заводы), въ первую очередь занимаются не организаціей производства, а ремонтомъ, исправленіемъ и возобновленіемъ завода, разумѣется за казенный счетъ, ну, а смъта, которая предусматриваетъ предвидънные и непредвидънные расходы - вполнъ пока обезпечиваетъ и самихъ арендаторовъ, и рабочихъ, занятыхъ въ ремонтъ, и разръшаетъ тарифную проблему для всъхъ совътскихъ служащихъ, которые причастны къ сдающему въ аренду учрежденію» 1).

Капиталъ боится идти навстръчу большевистской власти, даже когда она несетъ ему выгоды. Въ этомъ узлъ скрыто то противоръчіе, которое ръшаетъ судьбу коммунистической власти...

Основными элементами «новаго курса» въ промышленности являются: во-первыхъ, сдача въ аренду частнымъ лицамъ, во-вторыхъ, концессіи иностранцамъ, въ-третьихъ, «коммерческій принципъ» въ государственныхъ предпріятіяхъ, и въ-чегвертыхъ, новыя системы заработной платы.

Но если вы захотъли бы выяснить въ цифрахъ успъхи «новаго курса», вы стояли бы передъ непреодолимыми трудно-

^{1) &}quot;Соціалистическій Вѣсттикъ", № 14-15. Письмо изъ Москвы.

стями. Офиціальная статистика даетъ очень различные отвъты на ваши вопросы. Съ одной стороны передъ вами таблица, дающая громадный итогъ: 4 200 арендованныхъ пред пріятій! 1).

Районы	Всего слано въ сл аренду.	Пищевой W пром. q.	Химич	По обр. д.ч кив. прод.	По обр. О дерева	Метал. В	1	Полигр. В	По обр. Ф.
Съверный районъ Пріуральскій районъ Сибирь Центр. пром. районъ "черноз. " Западный районъ Поволжье Юго-Востокъ Украина Туркестанъ	неопр. 118 88 св. 200 50 неопр. 1123 св. 300	неопр. 111 44 св. 100 33 неопр. "98 2 000 1	10 2 6 14 · 2 13 9 1 48 2	неопр. 5 11 1 9 19 30 65 1	9 ————————————————————————————————————	13 1 16 8 9 4 3 50 1	3 1 2 16 - 6 3 - 1 3	- - 7 - - 3	2 1 6 13 3 1 2
Итого	св. 4 200	св. 2 500	142	св. 143	св. 82	99	29	10	46

«Пищевая промышленность» получила львиную долю — 2 500 изъ общаго числа 4 200. Но эти «пищевыя предпріятія» — но что иное, какъ ничтожныя по размърамъ мельницы, находившіяся и безъ того въ частномъ владъніи. Остальныя отрасли даютъ небольшія цифры.

Съ другой стороны офиціозный «Новый Міръ» сообщаетъ 3-яго января, что по одной Украинъ сдано въ аренду 6000 предпріятій, изъ нихъ 4482 «пищевыхъ».

Но въ полномъ противорѣчіи съ этими цифрами стоятъ другія, столь же офиціальныя сообщенія. Такъ, «Извѣстія», № 204, пишутъ:

«Въ 7 губерніяхъ изъ 15 не сдано ни одного предпріятія, а въ остальныхъ 8 сдано всего 69 на самыхъ разнообразныхъ, а иногда безобразныхъ условіяхъ, по принципу «кто во что

^{1) &}quot;Эконом. Ж., 10 ноября 1921 г.

гораздъ». Достаточно припомнить, что по даннымъ 1912 года у насъ имълось 17 350 предпріятій, чтобы понять какъ неосторожно послъ сдачи въ аренду 59 предпріятій утверждать, что работа идетъ по всему фронту новой хозяйственной политики».

«Экономическая Жизнь» долгое время, вплоть до осени 1921 года, жаловалась, что въ Петроградъ вообще сдача въ аренду не производится. И даже въ Москвъ, гдъ и промышленности больше, и «новый курсъ» кръпче, сдано было до 2 ноября 1921 года всего 138 предпріятій. Успъхи съ этой стороны невелики.

Но и объ этихъ заведеніяхъ пресса отзывается не всегда оптимистически. «Возможно, что часть арендаторовъ не справится со взятыми на себя обязательствами», — говорится въ отчетъ московскаго губернскаго экономическаго совъщанія. Тревожныя ноты звучатъ со всъхъ сторонъ. И это неудивительно. Ибо такъ называемый «солидный капиталъ», въ томъ числъ и иностранный, опасается идти въ Россію, и по большей части очень подозрительный элементъ берется за аренду. Съ другой стороны, въ программу «новаго курса» входитъ только сдача мелкихъ предпріятій въ аренду, крупныя же должны и впредь остаться «основой соціалистическаго производства». Поэтому, мелкія колбасныя мастерскія, изготовленіе сельтерской воды или мыла остаются доменой частнаго хозяйства, а вся промышленность и понынъ остается государственной.

Насколько неразумно и нераціонально сохраненіе всей или большей части крупной промышленности въ рукахъ государства, нетрудно понять, если вспомнить все, что говорится и пишется о нашей бюрократіи. В бдь государственная промышленность остается въ рукахъ этой самой бюрократіи -эгоистичной, подкупной, дъломъ мало интересующейся. «Личная заинтересованность» казенныхъ дирекцій въ успъхъ производства отнюдь не гарантируетъ его развитіе. Что же касается общей постановки діла на заводахъ, то факты по-Toung St. Mars. казываютъ, что прогулы и неявка на работу особенно велики какъ разъ на самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ.

Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 7

Объ этомъ очень важномъ и характерномъ явленіи «Экономическая Жизнь» сообщаетъ:

«Изученіе числа дней работы и прогуловъ на 1 рабочаго въ зависимости отъ размъра предпріятія показываетъ, что съ увеличеніемъ размъра предпріятія уменьшается число дней фактической работы. Дъйствительно, по полученнымъ даннымъ:

На 1 рабочаго приходится дней фактической работы въ предпріятіяхъ, имѣющихъ:

	19	919'ro	д.	1920 год.						
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Anptan	Май	Іюнь	
До 50 рабочихъ 50 — 500 " 500 и болѣе раб.	22,4 19,8 17,7	19,4 17,6 15,3	20,9 19,7 16,5	15,1 14,6 14,6	17,6 16,9 14,8	19,8 18,9 16,3	17,2 14,9 15,4	20,0 18,3 16,9	20,9 20,2 19,4	

т.-е. чъмъ крупнъе предпріятіе, тъмъ меньше въ немъ число дней фактической работы рабочихъ».

Государство оказывается, въ русскихъ условіяхъ, не въ силахъ поставить работу раціонально въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Между тѣмъ, ихъ-то именно оно и хочетъ оставить въ своихъ рукахъ! Ибо на 2400 сданныхъ въ аренду предпріятій не больше одной 1/4 % приходится на крупные1)!

Неудивительно поэтому, что успѣхи «новаго курса» весьма относительные. Разумѣется, кой-въ-чемъ можетъ наступить улучшеніе, и газеты спѣшатъ сообщить объ увеличенномъ производствѣ на томъ или иномъ заводѣ. Разумѣется, если ввести «коммерческій принципъ» вмѣсто дѣлежки, если думать больше о доходахъ, если и дей но респрощаться съ утопіями, — отъ этого кое-что можетъ придти въ порядокъ. Но большихъ успѣховъ нѣтъ, и дѣйствительный процессъ возстановленія народнаго хозяйства

^{1) &}quot;Экон. Ж.", 10 ноября 1921 г.

еще не начался. И вся промышленность попрежнему представляеть картину полнаго развала.

Этотъ потрясающій развалъ промышленности, о которомъ всѣ знаютъ лишь въ общихъ чертахъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ¹).

«Національный доходъ», т.-е. цѣнность годичнаго производства, составлявшая (по преуменьшенному подсчету Преображенскаго, см. «Трудъ», 2 ноября 1921 г.) 11 милліардовъзолотыхъ рублей до войны, упалъ сейчасъ до 4 милліардовъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ упалъ вдвое, въ промышленности въ пять разъ.

Число предпріятій, націонализированных тосударствомъ, составляло 4½ тысячи. Ровно столько же предпріятій оставалось въ частномъ владѣніи. Но число рабочихъ на первыхъ — около 800 000, на вторыхъ — менѣе 100 000. Это доказываетъ, что въ частномъ владѣніи остались только самыя мелкія предпріятія, и что вся промышленность фактически націонализирована. Въ то же время число рабочихъ понизилось въ громадной степени, и не достигаетъ даже 1 милліона при 150 милл. населенія.

По сравненію съ до-военной производительностью промышленности, производительность 1920 г. (за первую половину) составляла:

ну	COCTABI	IMA	d.								⁰/₀ къ мирному производству
1.	Краски	, л	акъ	И	т.	п.					2,2 %
2.	Бумага	И	кар	то	нъ						15,2 %
3.	Резина	(и	здѣл	iя)						٠	1,7 %
4.	Стекло	ВС	яко	e							13 %
5.	Спички										16 %
6.	Табакъ	и	мах	cop	ка						17,7 %
7.	Спиртъ	,									10 %
8.	Сахаръ	СТ	ь Ун	ςp.							9 %
9.	Сырой	кр	ахма	алт	,						15,6 %

^{&#}x27;) На основаніи: В. Милютинъ. Народное хозяйство совътской Россіи. — Докладъ В. С. Н Х 8-му съъзду совътовъ. — Ларинъ и Крицманъ. Очеркъ хозяйственной жизни сов. Россіи. — Russische Korrespondenz, №№ 10, 19-20. — "Экономическая Жизнь", върсобенности обзоръ 1920 года.

						% къмиј произво	рно <i>м</i> дсте
10.	Уголь съ Укр. и Сибирью					25	%
11.	Нефть (Кавк. и Эм.)					33	%
12.	Мътдь (добыча)				менъе	50	%
13.	Марганецъ (съ Укр.)						
14.	Свинецъ съ Кавк., Сиб					_	
15.	Цинкъ съ Кавк					_	
16.	Платина					33	%
17.	Золото съ Сиб					12	%
	Колчеданъ (сърный)				менѣе	40	%
	Магнезитъ					25	%
20.	Хромист. желъзнякъ				около	30	%
	Желѣзн. руда (безъ Крыма)					12	%
22.	Чугунъ съ Укр					2,4	%
23.	Желъзо и сталь съ Укр					4 :	%
24.	Хлопокъ (чист. волокно Ту	урк.	.)			20	%
25.	Хлбум. ф-ки (пряжа) .					3,3	%
26.	Ленъ (площ. посѣва)					50	%
27.	Льнян. ф-ки (пряжа)					33	%
28.	Сърная кислота					11,4	%
29.	Каліевы соли съ Кавказа.					_	
30.	Азотная кислота					_	
31.	Растительное масло съ Ук	p.,	без	ь	Кавк.,		
	Дона, Сиб					4,3 9	%
32.	Химическая пр. (включая №	№ 2	28, 2	9,	31, 37)	10,49	%
33.	Цементъ портл. съ Укр., Каз	вк.					
34.	Деревообдъл. заводы			,		30 9	%
3 5 .	Мука (промышл. мельницы)					18 9	%
36.	Минерал. удобренія					_	
37.	Смолокуреніе (всѣ продукт	. Рі)	без	ь	Бѣло-		
	руссіи					75 9	6
38.	Мыло и свъчи			١.		-,-	6
39.	Карандаши					1,2 %	6

Только смолокуреніе (самое мелкое, ненаціонализированное производство) даетъ ³/₄ до-военнаго производства, да еще крестьянскіе посѣвы льна даютъ приличную цифру. Въ остальномъ производство пало до совершенно ничтож-

ныхъ размъровъ. Цифры эти относятся, правда, къ первой половинъ 1920 года; но въ дальнъйшемъ положеніе почти не улучшилось.

Добыча угля въ Донецкомъ бассейнъ составляла

ВЪ	1913	году	1540	милл.	пуд
»	1916	»	1751	»	»
>>	1919	»	330	>>	»
»	1920	»	276	»	»

Добыча понизилась въ шесть разъ, между тѣмъ какъ число рабочихъ сократилось лишь на 40 %. Это даетъ совершенно неслыханное пониженіе производительности труда — съ 700 пудовъ до 200 на одного рабочаго. 1921 годъ дастъ повидимому цифру среднюю между 1920 и 1921 гг.

Добыча нефти выражалась въ слъдующихъ цифрахъ:

ВЪ	1913	году	554,9	милл.	пуд.
>>	1919	>>	268,9	»	»
»	1920	»	233,1	».	»

Пониженіе только на 60 %. Но надо имѣть въ виду, что только съ апрѣля — мая совѣтская власть заняла Баку. Въ 1921 г. добыча — около 140 милл. п.

Добыча жел взной руды составила въ 1920 г. 9,47 милл. пуд. — вмъсто 400—500 милл. п. до-военнаго производства, т.-е. 2,25 %. Что касается 1921 г., то тутъ «намъчается полный упадокъ (т.-е. еще ниже 2 %) металлургическаго производства, этой базы всъхъ остальныхъ отраслей народнаго хозяйства» (Оффиціальный отчетъ отдъла металла).

Въ области текстильной промышленности картина такая: посъвы хлопка сократились въ 5½ разъ, т.-е. составляютъ 17% до-военныхъ. Изъ 237 націонализированныхъ фабрикъ работало въ 1920 г. 77. Остальныя стояли. Изъ 6,9 милл. веретенъ работало 484 тыс. Выработано было:

				пряж	СИ	су	ровь	RI
ВЪ	1910	году	20	милл	. пуд.	17 1	милл	. пуд.
»	1919	»	1,1	»	»	1,1	»	»
»	1920	»	0,8	>>	»	0,7	>>	>>

Производительность рабочаго понизилась въ 8 разъ.

Въ области соляной промышленности — нормальная добыча 122 милл. п., въ 1920 г. 20 милл. п., т.-е. 17 %. Производительность труда рабочаго пала съ 6320 до 2800 п.

Въ крахмальной индустріи до войны перерабатывалось ежегодно 60 милл. пуд. картофеля. Въ 1920 г. — 5 милл. пуд.

Въ винокуренной промышленности паденіе со 139 милл. ведеръ до 3 милл.

Въ табачной промышленности понижение съ 21 милл. штукъ до 9½ милл.

Въ м ѣ х о в о й промышленности производительность 1920 г. составляла, по отдъльнымъ сортамъ, отъ 4½ до 38% до-военнаго производства.

Производство спичекъ:

въ	1916	т.	3060	тыс.	ящиковъ,	при	_	рабочих
»	1917	»	1614	»	»	»	10 513	»
>>	1919	»	1008	»	»	»	11 635	»
>>	1920	>>	632	»	»	>>	11 273	»

Такимъ образомъ, производительность труда каждаго рабочаго пала со 154 ящиковъ въ 1917 г. до 56 въ 1920 г.

Производство кислотъ:

			сѣрная	КИСЛ	тота	соляна	ая ки	слота
въ	1913	Γ.	11 970	тыс.	пуд.	4021	тыс.	пуд.
ВЪ	1920	Γ.	1 529	»	»	972	»	»

Върезиновой промышленности до-военное производство галошъ составляло 27 милл. паръ, въ 1920 г. — 10 тыс.!

Мы видѣли, какъ пала производительность труда каждаго рабочаго. Между тѣмъ, продолжительность рабочаго дня составляла:

ВЪ	1916	Γ.	10,1	час.	въ	день
>>	1918	»	8,0	»	>>	»
»	1919	»	8,3	»	»	»
>>	1920	»	8,6	>>	>>	>>

Число праздниковъ было также сильно сокращено. За то неявка рабочихъ на работу, составлявшая до войны въ сред-

немъ 16½ дней въ году, поднялась до 35½ дней, — по даннымъ Ларина. По другимъ, болѣе точнымъ и болѣе правдоподобнымъ даннымъ Струмилина («Экономическая Жизнь», 9 октября 1920 г.) рабочій годъ промышленнаго рабочаго состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

Характеръ использ	ованія	До рево-	Послѣ ре-	Измѣ	
жарактеры пенольо	Obdina	люціи	волюціи	Въ дняхъ	Въ ⁰/₀
Простой	• • • •	— 7,4 16,6	53 19 52	+ 53 + 11,6 + 35,6	157 214
	Итого	24	124	+ 100	416
Отдыхъ		93 248	55 186	- 38 - 62	41 25
	Всего	364	365	-	_

«Какъ видимъ, несмотря на крупное сокращеніе праздниковъ послѣ революціи, рабочій годъ фабричнаго въ связи съ увеличеніемъ заболѣваній, прогуловъ и простоевъ сократился на 62 дня или на 25 %.»

Въ заключеніе нѣсколько цифръ о численности пролетаріата. Тотъ-же Струмилинъ подсчиталъ, что число рабочихъ и служащихъ измѣнилось въ первые два года совѣтской власти слѣдующимъ образомъ:

	Начало 1917 г.	Начало 1919 г въ тысячахт	отъ1917г.
Сельское хозяйство	1400	33	2
Обрабатывающая промышл, .	2019	1360	67
Добывающая промышл	29	?	?
Строительная промышл	2048	1360	66
Транспорт	980	568	58
Домашніе служ. (прислуга и пр.)	1200	84	7
Служащіе въ государств. учр.	800	708	87
Прочіе	700	198	28
Итого	7328	3010	41 %

Такимъ образомъ, уже въ началѣ 1919 года число наемныхъ рабочихъ и служащихъ пало до 40 % прежней численности. Но въ дальнѣйшемъ произошли еще существенныя измѣненія. Численность фабричнаго пролетаріата продолжала быстро падать. Число-же служащихъ въ государственныхъ и городскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ быстро возростало и достигло въ 1920 г. цифры 2 милл, Число рабочихъ — той базы, на которой и для которой строился соціализмъ, пало ниже 1 милл., какъ мы видѣли. Если къ фабричному пролетаріату прибавить желѣзнодорожный и некоторыя другія небольшія группы, то общая численность составитъ 2—2¼ милл.

Перепись 1920 года обнаружила этотъ процессъ въ очень рельефномъ видъ. Оказывается, что за время, протекшее между сельско-хозяйственной переписью 1916/17 г. и переписью 1920 г.

сельское населеніе увеличилось на	3,5 %
населеніе 40 губернскихъ городовъ сокра-	
тилось на	32,8 %
населеніе прочихъ городовъ (свыше 15 000 жи-	
телей) сократилось на	29,8 %

Городское населеніе сократилось на ¼ уже къ осени 1920 года. Оно продолжало сокращаться и дальше. Но судьба самыхъ большихъ городовъ была при этомъ самая плачевная:

na rebitan.		1917 г.	1920 г.	Сокращеніе въ %
Петроградъ		1 456 819	705 908	— 51,5
Москва		1 854 426	1 028 218	— 44,5

Въ тѣхъ-же, а подчасъ и въ большихъ размѣрахъ сократилось количество рабочихъ. Если сравнить состояніе въ концѣ 1918 года — когда уже число рабочихъ очень сильно сократилось, съ 1920 г., то новое пониженіе составляетъ по 30 губ. Великороссіи 31 %. Въ Москвѣ съ августа 1918 г. до іюня 1920 сокращеніе составляетъ 40,8 %.

Итакъ, коммунизмъ ликвидировалъ не только промышленность, но и индустріальный проледаріатъ.

Сельское хозяйство.

Революція разрѣшила аграрный вопросъ. Но разрѣшила его не системой экономической политики, не законами и декретами, а такъ сказать вопреки экономической политикъ, совершенно независимо отъ сознательнаго вмѣшательства государства. Поэтому аграрная политика всъхъ революціонныхъ партій и революціонныхъ правительствъ есть сборникъ пожеланій, характерныхъ для партій и правительствъ. Но устроеніе деревни пошло своими особыми путями.

Въ первый періодъ революціи (февраль—октябрь 1917 г.) общепризнаннымъ являєтся слѣдующій принципъ: аграрный вопросъ будетъ разрѣшенъ Учредительнымъ Собраніемъ. И цѣлью аграрной политики, въ періодъ до Учредительнаго Собранія, было лишь сохраненіе земельнаго фонда, борьба противъ сепаратныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами. Особымъ закономъ воспрещены были всякія земельныя сдѣлки, и вся энергія направлена была на подготовку законопроектовъ для Учредительнаго Собранія.

Но до тѣхъ поръ, пока помѣщичьи земли оставались въ рукахъ ихъ старыхъ владѣльцевъ, революціонныя партіи совершенно справедливо считали, что о прочности революціи не можетъ быть и рѣчи. Поэтому уже 1-й Съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Д. въ іюнѣ 1917 г. требуетъ организаціи волостныхъ земельныхъ комитетовъ для завѣдыванія земельнымъ фондомъ. Требованіе передачи всѣхъ крупныхъ владѣній въ руки земельныхъ комитетовъ точно такъ же вскорѣ объединяетъ всѣ революціонныя партіи. Однако, коалиціонное правительство не встало и не могло встать на этотъ путь. Представители имущихъ классовъ, въ лицѣ либеральныхъ партій, очень энергично сопротивлялись такому радикальному рѣшенію аграрнаго вопроса. И къ моменту октябрьскаго переворота было ужъ совершенно ясно, что революціонное рѣшеніе

аграрнаго вопроса несовмъстимо съ характеромъ существовавшей власти.

Октябрьскій переворотъ поэтому соотвѣтствовалъ желаніямъ и интересамъ очень значительныхъ крестьянскихъ слоевъ, и въ первое полугодіе своего существованія совѣтская власть опиралась въ очень значительной степени на деревенскую массу. Для деревни совѣтская власть была цѣнна не своими земельными декретами, мимо которыхъ дѣйствительность спокойно проходила, а той свободой въ захватѣ и распредѣленіи помѣщичьей земли и помѣщичьяго имущества, которая открывалась съ момента изгнанія изъ деревни прежнихъ господъ.

Первый декретъ о землѣ — этотъ наиболѣе революціонный актъ за всю эпоху революціи, — изданъ былъ 26 октября 1917 г. Съѣздомъ Совѣтовъ и состоялъ всего изъчетырехъ пунктовъ. Первый пунктъ гласилъ: «Помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно безъ всякаго выкупа». 2-ой пунктъ передавалъ весь земельный фондъ въруки земельныхъ комитетовъ. 3-ій — требовалъ порядка при конфискаціи помѣщичьихъ владѣній и грозилъ карами за порчу имущества.

Уже этотъ 3-ій пунктъ былъ утопіей. Еще большей утопіей была вся послѣдующая законодательная «соціализація». Согласно послѣдующимъ декретамъ, право на надѣленіе изъ земельнаго фонда имѣли лишь малоземельные крестьяне и рабочіе; уравнительное распредѣленіе земель должно быль быть проведено не только среди односельчанъ, но и среди деревень одной волости, и между волостями уѣзда. Наемный трудъ не долженъ былъ допускаться. И т. п.

Эти пункты заключались уже въ «положеніи о земельныхъ комитетахъ» отъ 13 декабря 1917 г., и были подробнѣе развиты «основнымъ закономъ о землѣ» отъ 19 февраля 1918 г. Эта утопія достигаетъ своего апогея въ «законѣ о соціализаціи земли», первый пунктъ котораго гласилъ: «Всякое право собственности на землю, нѣдра, лѣса и воды на протяженіи Р. С. Ф. С. Р. отмѣняется». Отмѣняется, слѣ-

довательно, и крестьянская собственность. Это быль послѣдній отзвукъ народническихъ идеологій, захватившихъ и большевиковъ. Но событія шли своимъ путемъ.

Къ веснъ 1918 года огромная часть бывшихъ частновладъльческихъ земель уже была подълена между крестьянами; къ нимъ же перешелъ и скотъ, и инвентарь, и даже домашняя утварь. Но при этомъ въ началъ мало сообразовались съ «потребительно - трудовой нормой». Первоначальное пріобрътеніе крестьянами новой земли было неръдко пропорціонально ихъ прежнему благосостоянію. Особенно выиграла при этомъ, разумъется, группа наиболъе богатыхъ крестьянъ.

Но въ дальнъйшемъ положеніе измѣнилось. Борьба съ «кулаками», предписанная извнѣ, и обнищаніе деревни вызывали вновь и вновь вопросъ о распредѣленіи и перераспредѣленіи всей земли, какъ старой, такъ и вновь пріобрѣтенной. Со строгостью, доходящей до мелочности, стремились соблюсти справедливость при постоянныхъ передѣлахъ, и единственной областью, гдѣ коммунистическое «равенство» оказалось примѣненнымъ на дѣлѣ, оказалось распредѣленіе земель внутри каждой деревни. Громадныя различія въ обезпеченіи землей разныхъ районовъ этимъ устранены не были, конечно, да и вообще едва ли могли быть устранены.

Эта энергія передѣловъ въ свою очередь вредила сельскому хозяйству. Необезпеченность владѣнія, неувѣренность въ томъ, что земля долго будетъ принадежать ея нынѣшнему владѣльцу, естественно понижала качество обработки и размѣры посѣвовъ. Даже коммунистическое правительство вынуждено было вступить въ борьбу съ этими новыми нравами крестьянскаго коммунизма въ защиту нѣкоторой прочности собственности. Декретъ 30 апрѣля 1920 г. запрещалъ передѣлы безъ согласія земельныхъ государственныхъ органовъ, и допускалъ передѣлы (съ согласія этихъ органовъ) только черезъ 9 лѣтъ послѣ послѣдняго передѣла. Но и этотъ декретъ не убилъ энергію передѣловъ, и черезъ годъ, 21 марта 1921 г. появляется новый декретъ, въ которомъ говорится:

«Вопреки декрету о передѣлахъ земли (отъ 30 апрѣля 1920 г.), запрещающему частые и безпорядочные передѣлы, до сихъ поръ не прекратились новые передѣлы, по иниціативѣ отдѣльныхъ группъ крестьянъ и вслѣдствіе недостаточнаго соблюденія упомянутаго декрета земельными органами, и не вездѣ владѣльцамъ обезпечено прочное пользованіе своимъ земельнымъ участкомъ... Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ, признавая недопустимымъ такое положеніе, когда крестьяне не пользуются прочнымъ правомъ владѣнія земельными участками для обработки ихъ и въ виду того, что результатомъ такого положенія дѣлъ является плохая обработка и удобреніе, чѣмъ понижается производительность земли, и неувѣренность владѣльца, что онъ будетъ вознагражденъ за затрату труда, — постановляетъ:

1. Точное и неуклонное выполненіе декрета о передѣлахъ земли отъ 30 апрѣля 1920 г., запрещающаго общинные передѣлы до истеченія 9-лѣтняго срока съ момента послѣдняго передѣла и безъ разрѣшенія уѣздныхъ земельныхъ отдѣловъ, а также частные передѣлы безъ разрѣшенія волостныхъ земельныхъ отдѣловъ».

Такимъ образомъ крестьянство представляетъ собой, въ результатъ революціоннаго процесса, болъе однородную массу «середняковъ», чъмъ наканунъ революціи. Почти исчезли полосы. «Богатъи» были ликвидированы экспропріаціями и конфискаціями. Безземельные и малоземельные поднялись вверхъ при передълахъ. И статистика рисуетъ слъдующую картину.

Въ Великороссіи (32 губерніи) до революціи (1905 г.) крестьянскіе надѣлы составляли 76 % ¹) всей земли; послѣ революціи — 96,8 %. На Украинѣ до революціи крестьянскіе надѣлы составляли 55,4 % ¹); послѣ революціи крестьяне владѣли ужъ 96 %. Распредѣленіе всѣхъ земель среди крестьянъ послѣ революціи было слѣдующее:

¹⁾ Дъйствительный размъръ крестьянскаго владънія былъ до революціи нъсколько выше, т. к. крестьяне владъли еще землей, прикупленной и пр., сверхъ надъловъ.

				°/o	х с	3 я	йс	ТВ	ъ			
Губерніи	Бе	зъ	Съ посѣвомъ									
Туберии	пос	ѣва	Д 2 л	ec.	Отъ 2 до О		Отъ 10		Отъ 16	10до п.		п.
	1917	1919 года	1917	1919	1917 года	1919	1917 года	1919 года	1917 года	1919	1917 года	1919
Manuarana												
Московская Владимирская	23,4 12.9		55,2 36.9	56,3	19,7 42.8						0,1	
Петербургская	15,7			71,0						-		
Новгородская	20,6		28,2		46,2					-	0,1	-
Вологодская	8,9		47,2		42,0					76		_
Рязанская . Пензенская	10, 1 7,7			44,5 24,6							0,8	
Смоленская	8,5		17,9		57,5							
Екатеринбургс-												
кая	11,1	7,6	20.2	22,8 16,3	43,0	49,4	10,5	15,7	6,9 8,3	3,8 3,3	2,3	
Вятская	3,3	1,9	0,1	10,3	50,8	00,3	21,0	10,9	0,3	_ ა,ა	1,1	0,4

По поводу этой таблицы аграрный статистикъ Хрущева правильно замъчаетъ:

«Матеріалъ переписей 1917 и 1919 г.г. показываетъ для всъхъ безъ исключенія губ. Р. С. Ф. С. Р., что число безпосъвныхъ, то-есть безхозяйственныхъ дворовъ очень сильно сократилось въ 1919 году по сравненію съ 1917 годомъ, Дъйствительно, все увеличеніе падаетъ на группы мелкихъ и среднепосъвщиковъ, тогда какъ группы крупнопосъвщиковъ почти исчезли, а очень крупныхъ посъвщиковъ (свыше 25 десятинъ) совсъмъ не стало.

Самый фактъ стиранія крайнихъ группъ, а слѣдовательно и противоположности интересовъ привелъ въ большее соотвѣтствіе также и всѣ другіе элементы крестьянскихъ хозяйствъ — размѣръ семьи, численность скота — съ размѣромъ посѣвной площади».

Или вотъ, напримъръ, очень характерныя цифры по Новгородской губерніи:

Въ %% общаго числа хозяйствъ:

				1917 г.	1919 г.	1920 г.
Безъ	посѣвовъ	,		20.6	18,0	0
Безъ	лошадей			26,0	24,2_	3,9
Безъ	коровъ			19,6	18,1	3,1

Съ передълами земли наступило еще одно очень важное измъненіе: исчезъ сельско-хозяйственный пролетаріагъ. Численность его до войны оцънивалась различно, отъ 1 до 2 ½ милліоновъ. Теперь его совершенно или почти совершенно не осталось. «Изъ двухъ душъ, — пишетъ коммунистическій экономистъ Ларинъ, — всегда боровшихся въ душъ земледъльческаго рабочаго, въ общемъ и цъломъ пока побъдила та, которая звала его къ устройству собственнаго мелкаго хозяйства, а не къ организаціи крупныхъ государственныхъ предпріятій». Такимъ образомъ, русская деревня, — а сейчасъ % Россіи деревня — представляетъ сплошную массу нивеллированнаго, собственническаго крестьянства.

Земля перешла къ крестьянамъ, и съ весны 1918 г. интересы крестьянской массы, уже пріобрѣвшей землю, и совътской власти, остающейся властью городовъ, начинаютъ расходиться.

Здѣсь особенно серьезную роль сыгралъ продовольственный вопросъ и организація комбѣдовъ о которыхъ рѣчь была уже выше, и которые пытались активно вмѣшиваться и въ систему землеустроенія. Совѣтская власть, ставя ставку на «бѣдняка», приступаетъ къ организаціи «коммунъ» и совѣтскихъ хозяйствъ.

15 августа 1918 г. издается декретъ о «коммунахъ», который тоже не остается голой буквой. Мъстныя власти отводятъ объединеніямъ крестьянъ и рабочихъ цълыя имънія, оставшіяся неподъленными между крестьянами, и оказываютъ коммунамъ исключительное вниманіе. Ихъ усердіе заходитъ очень часто такъ далеко, что они начинаютъ отбирать у крестьянъ бывшія помъщичьи земли для удовлетворенія «коммунистовъ»; отбираютъ у крестьянъ скотъ «безъ всякаго выкупа» и передаютъ коммунамъ; инвентарь пріобрътается неръдко тъмъ же упрощеннымъ путемъ. Но и этого мало. Большія денежныя субсидіи выдаются коммунамъ; при общемъ недостаткъ въ желъзныхъ изделіяхъ и сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ имъющійся запасы передаются коммунамъ. Словомъ, коммуны ставятся въ совершенно исключительное, привилегированное положеніе. Это положеніе со-

храняютъ онъ и послъ того, какъ центральная власть, вернувшись весной 1919 года къ «ставкъ на середняка», предписала прекратить отобраніе у крестьянъ земли въ пользу коммунъ и насильственное насажденіе послъднихъ.

Коммуна по существу своему не заключаетъ въ себъ ничего соціалистическаго. При благопріятныхъ условіяхъ развитія она неизб'яжно превращается въ товарищество, гдъ каждый участникъ имъетъ опредъленную долю доходъ; гдъ примъняется подчасъ имуществъ и ВЪ право продажи трудъ; гдѣ своей доли наемный принадлежитъ каждому общемъ хозяйствъ участнику. При такомъ взглядъ на коммуны онъ являются лишь методомъ превращенія 700 000-800 000 малоимущихъ крестьянъ - полупролетаріевъ въ среднихъ, состоятельныхъ хозяевъ. Такъ оно безъ сомнънія и въ будущемъ, если коммуны не будутъ какими-ни-Но ликвидированы вообще. руководябудь силами себъ иную, щіе органы совътской власти поставили совершенно утопическую задачу: «конечной цѣлью, коммунъ является преобразованіе сельскаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ. Для достиженія этой цъли коммуны должны вести непримиримую борьбу съ капиталомъ вплоть до вооруженнаго отпора всѣмъ контръ-революціоннымъ попыткамъ пом'вщиковъ, капиталистовъ и кулаковъ и твердо стоять на стражъ правъ и интересовъ пролетаріата и деревенской бъдноты, дъйствуя въ полномъ согласіи съ органами совътской власти, какъ неразрывная часть совътовъ». (Декретъ отъ 15 августа 1918 г.). Поэтому въ уставы коммунъ внесены явно-утопическіе пункты, вродъ запрещенія пользоваться наемнымъ трудомъ; при выходъ изъ коммуны участникъ получаетъ лишь свое платье, бълье и т. под., и теряетъ всѣ права на имущество коммуны; весь доходъ коммуны «идетъ на улучшеніе хозяйства и культурно-просвѣтительныя цѣли» и т. под. Все это очень искусственно, надумано, и все это если и пріемлется коммунарами, то лишь потому, что съ этимъ связаны очень ощутительныя выгоды государственнаго покровительства.

«Совътскія хозяйства» въ отличіе отъ коммунъ представляютъ «хлъбныя фабрики» для городовъ. Созданіе ихъ имъло цълью ослабить зависимость городовъ отъ крестьянскаго хлъба и производить хлъбъ въ собственныхъ имъніяхъ; другая цъль состояла въ созданіи образцовыхъ хозяйствъ, поучающихъ крестьянъ раціональнымъ методамъ сельскаго хозяйства... Утопическій элементъ гораздо слабъе въ «совътскихъ хозяйствахъ», чъмъ въ коммунахъ. «Совътскія хозяйства» нанимаютъ рабочихъ, уплачиваютъ имъ заработную плату, а продуктъ труда сдаютъ согласно декрету государственнымъ органамъ. Снабженные съ другой стороны, наилучшими орудіями, они могли бы, казалось, исполнять свою педагогическую роль.

Однако, на дѣлѣ совътскія хозяйства постигла участь еще худшая, чёмъ коммуны. Такъ какъ для начала работъ въ хозяйствахъ часто не хватало скота или орудій, власти прибъгали къ реквизиціи ихъ у окрестныхъ крестьянъ. Возстановивъ, такимъ образомъ, крестьянство противъ новыхъ совътскихъ имъній, организаторы новыхъ хозяйствъ оказались не въ силахъ (и при создавшихся условіяхъ никакая власть не была бы въ силахъ) поставить въ нихъ не только образцовое, но сколько-нибудь разумное хозяйство. Почти всъ совътскія хозяйства влачатъ жалкое существованіе. Излишки, передаваемые ими государству, совершенно ничтожны. За скотомъ уходъ настолько плохъ, что онъ гибнетъ. Словомъ, государство оказалось не въ силахъ организовать свое сельскохозяйственное производство въ сколько-нибудь значительныхъ размърахъ. Банкротство государственнаго сельскаго хозяйства проявляется въ томъ, что эти огромныя имънія, занимающія милліоны десятинъ, почти ничего не даютъ государству, и лишь съ трудомъ могутъ прокормить своихъ собственныхъ рабочихъ. Въ 40 губерніяхъ Россіи (кром' Украины) имъется около 4 000 совътскихъ хозяйствъ съ 2 1/4 милл. десятинъ земли. Всего же, если принять во внимание и Сибирь, и Донъ, и Украину, они занимаютъ 5 - 7 милл. десятинъ, которыя «могли бы прокормить — по мнънію совътскаго офиціоза — 20 милл. трудящихся въ городахъ». Между тъмъ,

аграрные органы считаютъ большимъ успѣхомъ своимъ, что въ 1920 г. производство совѣтскихъ хозяйствъ оказалось достаточнымъ для прокормленія своего собственнаго населенія! Что же касается скота, то его удается прокормить лишь потому, что его осталось очень мало.

Коммуны и совътскія хозяйства, противопоставленныя крестьянству, только усилили отрицательное отношеніе послъдняго къ политикъ совътской власти, и конфликтъ сдълался настолько серьезнымъ, что весной 1919 года коммунистическая партія вынуждена была вернуться на путь «союза со среднимъ крестьянствомъ».

Послѣ упраздненія комбѣдовъ запрещено было отбітрать земли у крестьянъ; сложенъ былъ чрезвычайный налогъ со средняго крестьянства; натуральный налогъ былъ фактически похороненъ. Однако, большой рѣшительности въ этой политикѣ власть не проявила, и не пошла дальше полумѣръ. Она продолжала и дальше субсидировать деньгами и — это важнѣе всего — орудіями лишь коммуны и совѣтскія хозяйства; она продолжала насаждать послѣднія, несмотря на ихъ явное банкротство. Въ области продовольственной политики «ставка на середняка» не привела, однако, къ повышеню хлѣбныхъ цѣнъ. И наконецъ, въ области общей политики — о «раздѣлѣ власти съ крестьянствомъ» никто и не помышлялъ.

Между тѣмъ, характеръ аграрнаго переворота въ огромной степени понижалъ производство и «товарность» хлѣба, т. е. долю сельско-хозяйственнаго производства, поступающую на рынокъ. До революціи на рынокъ поступало около 1,2 милліарда пудовъ хлѣба, изъ нихъ около половины уходило за границу. Но этотъ хлѣбъ поступалъ на рынокъ главнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ имѣній, крестьяне продавали сравнительно немного. Раздѣлъ помѣщичьихъ имѣній вызвалъ раньше всего увеличеніе крестьянскаго потребленія, съ другой стороны большая часть прежнихъ помѣщичьихъ имѣній не была обработана. Поскольку крестьяне раньше продавали хлѣбъ, къ этому вынуждали ихъ нерѣдко высокіе налоги и винная монополія. Теперь продажа водки прекра-Далинъ. Послѣ войнъ и революцій. 8

тилась, налоги были упразднены, и этихъ стимуловъ къ продажъ хлъба больше не было. Поэтому, въ революціонные годы 1918—1921 масса хлъба, поступавшая изъ деревни всъми путями (реквизиція, разверстка, нелегальная продажа) составляла вмъсто 1,2 милліарда не больше 400—500 милл. пудов.

Новая система аграрныхъ отношеній не могла не вызвать недобданія въ городахъ. Но при благопріятныхъ политическихъ условіяхъ недохватка скоро исчезла бы. Революція создала блестящія условія для подъема крестьянскаго хозяйства, а высокія цѣны на міровомъ рынкѣ могли бы служить побудительнымъ мотивомъ для быстраго развитія, расширенія посѣвной площади, улучшенія обработки земли и повышенія урожайности. Вмѣсто этого годы коммунистическаго режима сдѣлались годами сильнаго сельско-хозяйственнаго регресса. Въ этомъ отношеніи начало было положено массовыми реквизиціями 1918 года; затѣмъ огромный ударъ производству нанесли комитеты бѣдноты и борьба съ кулачествомъ.

Съ тъхъ поръ, какъ въ 1918 году кулакомъ былъ провозглашенъ всякій самостоятельный крестьянинъ, съ тъхъ поръ, какъ за «кулачество» грозили непрерывныя реквизиціи, налоги, арестъ, а подчасъ и разстрълъ — боязнь прослыть «кулакомъ» заставила всъхъ крестьянъ сократить свое хозяйство до потребительской нормы. городахъ объектомъ репрессій и конфискацій были капиталисты. Въ деревнъ капиталистовъ не было, и поравнительная тенденція выражалась здёсь въ томъ, что земля и скотъ вновь и вновь дълились между односельчанами. Естественно, никто не торопился съять много больше того, что ему необходимо. Что же касается скота, то постоянно грозящая реквизиція «излишней» сверхъ средней нормы головы скота побуждала заблаговременно ръзать скотъ на мясо. Поэтому и наличность скота сократилась очень значительно, и одно это ужъ уменьшало возможности расширенія запашки.

Въ 1919 году провозглашенъ былъ «курсъ на середняка». Но это принесло мало облегченія. Правда, комитеты бъдноты больше не существовали въ Великороссіи (на Украинѣ они были сохранены еще долгое время). Но произволъ властей и массовыя реквизиціи продолжали царить съ прежней силой, вызывая возмущенія и возстанія, сдѣлавшіяся съ 1918 года нормальнымъ, привычнымъ аккомпаниментомъ къ московскимъ декретамъ.

Такимъ образомъ, о прогрессѣ земледѣлія не могло быть и рѣчи. Не только изъ-за гражданской войны и не столько изъ за отсутствія необходимыхъ орудій труда, — сколько вслѣдствіе всей политической и экономической системы. И цифры оффиціальной статистики рисуютъ потрясающую картину запустѣнія и разложенія.

Конецъ 1920 года принесъ новинку въ земельной политикъ коммунизма. Такъ какъ неурожай 1920 года обнаружилъ процессъ ужасающаго регресса сельскаго хозяйства, то были придуманы «новыя» мъры, простыя какъ и все геніальное. Если крестьянинъ мало съетъ, надо заставить его съять больше! Если крестьянинъ поздно пашетъ, надо заставить его пахать раньше! Если крестьянинъ светъ не ленъ и коноплю, а рожь и просо, надо предписать ему, что и въ какомъ количествъ засъять! Словомъ, надо создать новые государ ственные органы для организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Въ каждомъ губернскомъ и увздномъ городв создать «посвыкомъ» (посъвной комитетъ), въ деревняхъ — «комитеты содъйствія»; въ Москвъ надо выработать планъ сельско-хозяйственнаго производства и указать черезътубернскія, увздныя и волостныя инстанціи каждому мужичку, сколько и что засъять.

Это была самая фантастическая идея изъ всѣхъ изобрѣтеній большевизма. Съ большимъ трудомъ можно въ Россіи регулировать крупную индустрію. Почти невозможно регулировать мелкую промышленность. Но русское сельское хозяйство! 15 милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ каждое имѣетъ свои индивидуальныя черты (количество скота, земли и проч.)! Ихъ надо «взять на учетъ» и затѣмъ слѣдить, чтобъ каждое изъ нихъ своевременно получило предписаніе и выполнило его. Нужна громадная армія

новыхъ чиновниковъ, новая бюрократическая машина — и усилія ея не могутъ ни къ чему привести.

Но это было послъднее прибъжище коммунизма. Альтернативой его была лишь свобода торговли, т. е. аппеляція къ буржуазнымъ инстинктамъ крестьянина, стимулированіе его производства надеждами на высокія цъны. Это было ясно и самимъ коммунистамъ, и главный авторъ «планового засъва» Осинскій писалъ:

«Мы ни въ коемъ случав не можемъ взять курсъ на «крвпкое» индивидуальное (попросту говоря — кулацкое) хозяйство». Курсъ же на «середняка», на потребительско-трудовое хозяйство неизмвненъ для рабоче-крестьянской власти.

«Находятся товарищи, которые предлагаютъ замѣнить продовольственную монополію продовольственнымъ налогомъ. Пусть государство беретъ не излишки, а только опредѣленную порцію каждаго рода продуктовъ. Если крестьянинъ произведетъ что либо сверхъ заранѣе объявленной ставки налога — это остается въ его свободномъ распоряженіи. Тогда у него явится стимулъ, побужденіе больше производить, поддерживать и развивать свое хозяйство.

«На что, однако, используетъ крестьянинъ эти излишки и что означаетъ «свободное распоряженіе»? Если онъ используетъ излишки на расширеніе своего потребленія или на разведеніе большого количества скота, то, во-первыхъ, такой стимулъ ограниченъ извъстными предълами и, во-вторыхъ, вполнъ укладывается въ систему государственной монополіи. Если же онъ используетъ излишки на покупку скота, инвентаря, наемъ рабочей силы, «подпольную» аренду земли, то, во-первыхъ, это означаетъ курсъ на кулака, а, во-вторыхъ, курсъ на возстановленіе хотя бы частью «свободной торговли», т. е. на крушеніе государственной принудительной заготовки въ любой ея формъ».

«Карлъ Каутскій и наши россійскіе меньшевики съ злорадствомъ предсказывали, что рабочая революція въ Россіи спотыкнется о мелко-буржуазный характеръ крестьянскаго хозяйства, которое будетъ основой для возстановленія капитализма. Они не «предвидъли» вліянія сельско-хозяйственнаго кризиса и соціалистическаго переворота въ городъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и деревня наряду съ городомъ станетъ незыблемой опорой совѣтской власти, соціализма и коммунистической партіи».

Поэтому Осинскій, отвергая товарное хозяйство, находитъ спасеніе въ «милитаризаціи»:

«Центръ работы соціалистическаго строительства — въ массовомъ принудительномъ вмѣшательствѣ государства. Оно начинается съ борьбы противъ недосѣва. Предъявляется требованіе засѣять обязательно весь яровой (или озимый) клинъ своими средствами и своими сѣменами.

На будущій годъ къ этому первому пласту можетъ уже добавиться слѣдующій: примитивныя указанія, чѣмъ именно засѣвать (скажемъ, напримѣръ, овсомъ, а не въ обходъ разверстки другими кормовыми средствами), и какъ обрабатывать землю (регулированіе обязательными постановленіями времени первой вспашки, повторенія ея, обязательной вывозки, навоза и проч.).

Слъдующій пластъ — взятіе на учетъ и мобилизація людей, лошадей и инвентаря, какъ для организованнаго выполненія предшествующихъ требованій, такъ и для переброски туда, гдъ не хватаетъ рабочихъ рукъ и средствъ производства.

Далѣе идетъ полное регулированіе сѣвооборота, затѣмъ превращеніе индивидуальныхъ полосъ въ общественное поле съ общественной запашкой».

Однако, въ спасительную силу этой фантазіи върили недолго. Требовалось не особенно много догадливости, чтобъ предсказать полную неудачу этой худшей изъ всъхъ бюрократическихъ затъй — подчинить крестьянство городу при помощи «хозяйственныхъ плановъ». И Ленинъ тутъ же дополняетъ проекты Осинскаго другой идеей — электрофикаціей. Онъ хочетъ подчинить деревню другимъ путемъ: создать государственные центры электрической энергіи, и, предоставляя пользованіе ею крестьянамъ, поставить крестьянамъ въ экономическую, а не только бюрократи-

ческую зависимость отъ городовъ, т. е. сочетать подъемъ крестьянскаго хозяйства (на почвъ электрофикаціи) съ ростомъ городской индустріи (т. е. производствомъ электрической энергіи). Проектъ электрофикаціи Россіи далъ, какъ полагается, поводъ для множества газетныхъ статей и новыхъ чиновничьихъ гнъздъ. Но идея эта, въ русскихъ условіяхъ была не менъе фантастична, чъмъ «плановой засъвъ». И если изръдка, тамъ и сямъ строятся сейчасъ электрическія станціи, то это происходитъ лишь потому, что изчезъ керосинъ, какъ средство освъщенія въ деревнъ. Планы Ленина опять таки ничего реальнаго не давали.

Поэтому, не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ пришлось опять мѣнять политику. Альтернативой «планового засѣва» была свобода торговли. «Плановой засѣвъ» еще не испытанъ былъ ни разу, а свобода торговли была ужъ провозглашена въ дополнене къ нему. Съ весны 1921 года отмѣняется хлѣбная монополія и вводится свобода торговли всѣми сельско-хозяйственными продуктами, чтобъ побудить крестьянина высокими цѣнами больше сѣять. Незачѣмъ прибавлять, что это знаменуетъ собой полный отказъ отъ коммунизма. Гораздо важнѣе отмѣтить, что одна эта мѣра — какъ она ни радикальна для большевистскаго правительства — отнюдь еще не въ силахъ измѣнить положеніе къ лучшему. И исторія зло отвѣтила на большевист скую свободу торговли страшнымъ голодомъ 1921 года.

Цифровые итоги всей этой политики таковы:

Посъвная площадь у крестьянъ сократилась съ 1917 до 1920 г. на 27 %, т. е. почти на треть. Но это лишь часть потерь земледълія. Если къ этому прибавить сокращеніе посъвной площади въ первые годы войны (около 6 %) и уменьшенные посъвы на бывшихъ помѣщичьихъ земляхъ, то общее сокращеніе, по сравненію съ до-военнымъ временемъ со ставитъ 44 % въ 1920 г., а въ 1921 г. около 48 %. Но не всѣ посъвы пострадали одинаково. Особенно сильно пострадали интенсивныя культуры. Посъвы промышленныхъ растеній сократились особенно сильно. Изъ 100 десятинъ посъва приходилось:

Годы	ржи и пшеницы	овса и ячменя	льна и конопли
1917	54,0	31,3	4,5
1919	54,4	29,1	3,7
1920	59,3	26,2	2,0

Къ сокращенію посъвовъ присоединяется и паденіе производительности земледълія. Десятина посъва давала

ВЪ	190913	гг.	, 49	пуд.
»	1914—18	»		>>
>>	1918	>>	44	>>
>>	1919	>>	43	>>

Въ 1921 г. урожайность пала, по неточнымъ даннымъ до 33—35 пудовъ. Поэтому-же такъ ръзко понизилась заготовка сырья для промышленности:

(Въ милліонахъ пудовъ).

Названіе видовъ сырья	1919 г.	1920 г. (за 6 мѣс.)
1. Ленъ	5,5 милл. пуд.	1,4 милл. пуд.
2. Шерсть	2 , ,	1000
3. Пенька	2 " "	438 тыс. пуд.
4. Хлопокъ	6,5 " "	2,5 " "
5. Кожа	5,4 " шт.	1,3 мил.шт.
6. Щетина	-	45 тыс. пуд.
7. Масличныя стмена.	(Сез.1918- 1919 г.г.) бмилл.пуд.	(1919— 1920 г.г.) 3,5 мил. пуд.
8. Свекла для свекло- сах. заводовъ	35 " "	·
9. Мѣхъ	_	2,2 милл. шт.
10. Табакъ	1,6 " "	1,1 " пуд.

Наконецъ, что касается скотоводства, то сокращение его идетъ почти тѣмъ-же темпомъ. По сравнению съ 1917 годомъ число головъ скота (по 13 губерніямъ, о которыхъ имѣются

свъдънія) сократилось: рабочаго скота на 19 %, коровъ — 5,6 %, овецъ на 42 %, свиней на 45 %. За зиму 1920—21 г. скотоводство вновь сократилось не менъе, чъмъ на 10 %. Если сравнить съ состояніемъ скотоводства до войны, то уменьшеніе превышаетъ ½. Въ московской губерніи за одну зиму 1920—21 г. рабочій скотъ уменьшился на 40 %, а свиноводство даже на 80 %.

Такимъ образомъ, сельское хозяйство, построенное все время на индивидуалистическихъ началахъ, пострадало меньше чъмъ націонализированная промышленность. Но и оно, кормившее раньше Россію и вывозившее «излишки» заграницу, пало до такой степени, что голодъ сдълался нормальнымъ явленіемъ.

И въ результатъ — огромный неурожай 1920 г. и безпримърный голодъ 1921 г. Ихъ дъйствительной причиной является, конечно, не засуха, на которую ссылается передъ всъмъ міромъ большевистское правительство, а оскуд в ніе русскаго земледвлія благодаря большевистскому утопизму. Засухи имъютъ мъсто не въ одной Россіи, но ихъ результатомъ является только меньшій урожай, а не голодъ. Засухи имъли мъсто не разъ въ Россіи, но всегда было возможно излишками хлъба одного района покрыть нехватку въ другомъ. Но теперь, когда все крестьянство строитъ свое хозяйство, какъ хозяйство потребительское, натуральное или полу-натуральное, малъйшее вліяніе внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій выводитъ его изъ равновъсія. Засуха ствуетъ какъ капля, переполнившая полный сосудъ, какъ легкій толчокъ, котораго достаточно, чтобъ опрокинуть коллосъ, стоящій на глиняныхъ ногахъ. И съ 1921 года хлъбъ начинаетъ ввозиться въ Россію. Если не измънятся политическія условія, нътъ надежды на большое улучшеніе въ земледълін, и Россія будетъ и въ будушемъ осуждена на пропитаніе милостыней Запада и Америки.

Торговля и снабженіе.

Отсутствіе товаровъ на рынкѣ, т. е. несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ, раньше всего требуетъ вмѣшательства въ сферу распредѣленія. Еще задолго до того, какъ воюющее государство дѣлаетъ рѣшительные шаги въ области регулированія производства, оно начинаетъ энергично вмѣшиваться въ распредѣленіе товаровъ. Такъ было во всѣхъ воюющихъ странахъ, такъ случилось, конечно, и въ Россіи. Лишь впослѣдствіи, когда обнаруживается невозможность управлять распредѣленіемъ безъ контроля надъ производствомъ, дѣлаются рѣшительные шаги въ сферѣ индустріи.

И въ этомъ сказывается все различіе между организаціей нагоднаго хозяйства въ военную эпоху и подлиннымъ соціализмомъ. Соціалистическая реформа должна ставить себѣ. цѣлью постепенное подчиненіе государству тѣхъ отраслей хозяйства, въ которыхъ централизація достигла наибольшаго развитія, и въ которых мелкое производство совершенно или почти исчезло. Но въ такомъ состояніи находятся лишь очень немногія отрасли промышленности. Что же касается торговли, то здѣсь, какъ извѣстно, концентрація зашла еще очень недалеко, и мелкая торговля вездѣ играетъ еще преобладающую роль. Между тѣмъ государству пришлось во время войны начать какъ разъ съ торговли, наложивъ на нее множество ограниченій и подчинить ее въ концѣ концовь всецѣло государству.

Нормальнымъ состояніемъ капиталистическаго общества является изобиліе товаровъ. Предложеніе превышаетъ спросъ, и производитель долженъ искать сбыта. Въ военныхъ условіяхъ спросъ превышаетъ предложеніе. Не продавецъ ищетъ покупателя, а покупатель ищетъ продавца. Въ этомъ случать распредтленіе товаровъ, т. е. торговля, превращается въ «снабженіе»: въ торговлть распредтленіе разсматривается съ точки зртнія активности продавца; въ «снабженіи» активность проявляетъ потребитель. Поэтому во время войны снабженіе, вытъсняя постепенно торговлю, составляетъ форму распредтленія товаровъ.

Политика военнаго хозяйства въ сферѣ распредъленія сводится къ четыремъ основнымъ мѣрамъ: твердыя цѣны, монополія крупной торговли, нормированіе распредѣленія, и монополія мелкой торговли. Вся исторія государственнаго вмѣшательства сводится къ этимъ четыремъ мѣрамъ; и вмѣшательство тѣмъ серьезнѣе и тѣмъ глубже, чѣмъ большее количество изъ этихъ мѣръ осуществляется. Когда всѣ онѣ вводятся въ дѣйствіе, и когда онѣ распространяются на значительное большиство товаровъ, тогда всякая частная торговля — по крайней мѣрѣ легальная — исчезаетъ и уступаетъ мѣсто государственному снабженію.

До-революціонное правительство провело уже нѣсколько серьезныхъ мѣръ въ области торговли. Самой крупной изъ нихъ было установленіе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ. Сперва эти цѣны были обязательны лишь при казенныхъ покупкахъ. Но въ ноябрѣ 1916 г. твердыя цѣны сдѣлались общеобязательными. — Институтъ «уполномоченныхъ» былъ зародышемъ нынѣшихъ большихъ продовольственныхъ организацій. А распоряженіе желѣзными дорогами давало правительству орудіе для регулірованія распредѣленія.

Что-же касается равномърнаго распредъленія товаровъ среди населенія, т.-е. карточной системы, то лишь зачатки ея имълись до революціи. Възобщегосударственномъ масштабъ введены были лишь карточки на сахаръ; въ отдъльныхъ городахъ карточки на хлъбъ. Этимъ, если я не ошибаюсь, ограничилась вся карточная система.

Первой крупной революціонной реформой въ сферѣ распредѣленія была хлѣбная монополія, провозглашенная декретомъ 25-го марта 1917 года. Это было дополненіемъ къ общеобязательнымъ твердымъ цѣнамъ. Какъ Германія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ введенія твердыхъ цѣнъ пришла къ государственной монополіи, такъ и Россія должна была придти къ тому-же. Въ революціонной обстановкѣ не оказалось ужъ и тѣхъ политическихъ силъ, которыя могли бы этому сопротивляться. Такимъ образомъ, хлѣбная торговля — эта важнѣйшая отрасль торговли въ Россіи — прекращаетъ свое существованіе въ мартѣ 1917 года.

Вслѣдъ за хлѣбной монополіей послѣдовало нормированіе потребленія, хлѣба, т.-е. введеніе карточной системы въ большинствѣ городовъ потребляющей полосы Россіи. Лица тяжелаго физическаго труда получали во многихъ мѣстахъ дополнительный паекъ.

Нѣкоторое время новая система давала очень благопріятные результаты. Крупные землевладѣльцы, опасаясь крестьянскаго движенія и безвозмездной реквизиціи всѣхъ запасовъ, торопились распродать ихъ. Поэтому закупка хлѣба шла очень удачно въ первые мѣсяцы революціи. Но съ іюня 1917 г. она начинаетъ падать. Крупные запасы проданы государству, а мелкое сельское хозяйство, т.-е. крестьяне, отнюдь не спѣшатъ продавать государству свои небольшіе излишки по твердымъ, т.-е. низкимъ цѣнамъ. Но начинаетъ уже появляться нелегальная торговля хлѣбомъ въ небольшихъ количествахъ, т.-е. зарождается мѣшечничество.

Снабженіе хлѣбомъ падаетъ изъ мъсяца въ мъсяцъ, и, чтобъ поддержать его, правительство рѣшается повысить вдвое твердыя цѣны. Этотъ актъ возбудилъ тогда сильныя страсти. На твердыя цѣны смотрѣли какъ на цѣны, ни въ коемъ случаѣ не подлежащія измѣненію. Удвоеніе ихъ въ сентябрѣ 1917 г. разсматривалось какъ нарушеніе принципа твердыхъ цѣнъ и какъ ненужная уступка интересамъ крупнаго землевладѣнія!

Новое министерство продовольствія, созданное при образоніи коалиціоннаго правительства, оказалось вскорть не въсилахъ бороться съ растущимъ голодомъ. Запасы хлтба сокращались. Снабженіе городовъ быстро падало. Снабженіе арміи пало ниже допустимаго минимума. Причину этого многіе искали въ недостаточно энергичномъ нажимт коалиціонной власти на землевладъльцевъ съ одной стороны, и спекулянтовъ съ другой. Это наивное объясненіе кризиса. сдълалось вскорт господствующимъ въ городскихъ и солдатскихъ массахъ и сыграло немалую роль въ исторіи октябрьскаго переворота.

Дороговизна хлъба, игравшая тогда такую выдающуюся роль въ большевистской агитаціи, заставила новую, совът-

скую власть начать съ хлъбныхъ цънъ. Однимъ изъ первыхъ программныхъ заявленій новаго правительства было объщаніе понизить хлъбныя цъны вдвое, т. е. вернуться къ старому уровню. Однако, этому объщанію не суждено было осуществиться. Переживъ тъ же иллюзіи, что и свергнутыя правительства, совътская власть убъдилась, что никакая цъна не можетъ быть твердой, когда кругомъ всъ цъны быстро растутъ; и вмъсто пониженія хлъбныхъ цънъ, ей пришлось впослъдствіи неоднократно повышать ихъ.

Вообще, принципы продовольственной политики совътской власти остались вначалъ въ сущности тъ же, что и у Временнаго Правительства: твердыя цъны и монополія хлъбной торговли. Только радикально измѣнились методы осуществленія этой политики и соціальное значеніе ея. До октябрьскаго переворота продолжало существовать крупное землевладвніе, которое и снабжало городскую Россію аграрными продуктами. Поэтому всѣ мѣры продовольственной политики, предпринятыя при старомъ режимъ и при Временномъ Правительствъ. въ особенности твердыя цъны, ударяли по крупному землевладънію, затрагивая крестьянство сравнительно слабо. такъ какъ число крупныхъ хозяйствъ, снабжавшихъ Россію сельскими продуктами, было невелико (по сравненію съ массой крестьянскихъ хозяйствъ), то продовольственная политика могла быть болъе или менъе успъшной: ибо регулировать сбыть нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крупныхъ хозяйствъ несравненно легче, чѣмъ милліоновъ мелкихъ. Услъдить за милліонами крестьянъ, за ихъ личнымъ потребленіемъ, излишками и за ихъ торговлей — явно непосильная задача; тъмъ болъе, что продовольственная политика въ создавшихся условіяхъ не могла не быть направленной противъ интересовъ крестьянства и не вызывать съ его стороны политическаго и хозяйственнаго отпора.

Поэтому до октябрьской революціи проведеніе твердыхъ цѣнъ и хлѣбной монополіи требовали, чтобъ не остаться пустымъ звукомъ, содѣйствія полиціи и суда. Въ періодъ совѣтской власти этого оказалось мало. Ёй необходимы были мѣры гораздо болѣе энергичнаго нажима и постояннаго на-

силія. Въ качествѣ такихъ подсобныхъ мѣръ служили вопервыхъ продовольственные отряды, и во-вторыхъ комитеты бѣдноты.

Мысль о продовольственныхъ отрядахъ, направляемыхъ рабочими въ деревню, стала впервые бродить въ Петербургъ весной 1918 года, когда продовольственное положеніе столицы чрезвычайно ухудшилось. Мысль эту подхватили и вожди. Ленинъ въ «Правдъ», а Троцкій въ публичныхъ выступленіяхъ стали затѣмъ проповѣдовать хльбомъ», осуществляемый непосредственно рабочимъ классомъ. И эта мысль, разумъется, осуществилась: вначалъ отряды отправлялись изъ одного Петербурга, впослъдствіи и изъ другихъ городовъ. Въ началъ никакой общей системы не существовало. Каждый отрядъ дъйствовалъ на свой страхъ и рискъ, часто прибъгая къ явному и грубому насилію пользуясь хлъбомъ въ свою пользу. Столкновенія съ крестьянствомъ, вспышки и бунты непосредственно слъдовали за слишкомъ явнымъ и откровеннымъ насиліемъ и множество крестьянскихъ возстаній, разразившихся льтомъ 1918 года, вызваны были въ немалой степени мърами продовольственной политики, въ частности продовольственными Позднъе однако, приблизительно съ осени 1918 г., продовольственные отряды были фактически подчинены общимъ продовольственнымъ органамъ и потеряли свою независимость. Но система эта очень развилась и расширилась, и вмъсто немногихъ отрядовъ появилась въ 1919 г. цълая «продовольственная армія», вербуемая уже не добровольно и не изъ однихъ только рабочихъ, а въ порядкъ общей мобилизаціи въ городахъ. Военныя столкновенія ея съ крестьянствомъ сдълались ръже; но присутствіе ея въ каждомъ увздъ дъйствовало такъ внушительно, что пускать въ ходъ военную силу приходилось лишь въ видъ исключенія.

Но первые 6—8 мѣсяцевъ продовольственной политики совътской власти представляли въ сущности отсутствіе всякой политики. Въ тотъ періодъ господствовала «власть на мѣстахъ», и циркуляры, распоряженія и декреты центральной власти часто игнорировались. Во многихъ мѣстахъ продо-

вольственные органы повышали твердыя цѣны для своего района, вводили свободную торговлю и даже запрещали нерѣдко вывозъ хлѣба изъ своей производящей губерніи въ центральную Россію. Поэтому написать исторію продовольственной политики совѣтской власти между октябремъ 1917 г. и іюнемъ 1918 г. означало-бы написать отдѣльно исторію продовольственныхъ мѣропріятій въ каждой отдѣльной губерніи, «продовольственной республикѣ», — мѣропріятій, другъ другу противорѣчащихъ и другъ друга исключающихъ.

Къ объективнымъ условіямъ, вызывавшимъ голодъ въ Россіи, присоединилось такимъ образомъ совершенное разрушеніе государственнаго механизма. Неудивительно поэтому, что продовольственные «планы», выработанные въ Москвъ, потеряли всякое реальное значеніе, и такъ наз. «процентъ выполненія» палъ въ апрълъ и маъ 1918 г. до 7, а въ іюнъ до 4½. Хлъбъ поступалъ въ потребляющія губерніи случайно, то изъ одной, то изъ другой губерніи, и только эти случайныя поступленія и распредълялись по нормамъ. Отсутствіе всякой возможности получать хлъбъ изъ «независимыхъ» производящихъ районовъ толкало совътскую власть на усиленную борьбу съ «буржуазіей» и «спекулянтами» въ Петербургъ, Москвъ и другихъ городахъ. Къ «буржуазіи» и «спекулянтамъ» причислялись, вполнъ естественно, всъ имъвшіе койкакіе запасы продовольствія; и на реквизицію этихъ-то запасовъ и направилась раньше всего энергія власти, почти лишенной возможности пріобрътать продовольствіе извиъ. Поэтому первый годъ совътской продовольственной политики ознаменовался не столько новыми законодательными актами, сколько продовольственными обысками, реквизиціонными отрядами, захватами продовольственныхъ и т. под.

Борьбу эту со спекулянтами и «укрывателями» долженъ былъ вести «продовольственный диктаторъ»: таковъ былъ планъ, положенный въ основу декрета отъ 13 мая 1918 г. Такъ какъ голодъ объясняется политикой городской и деревенской буржуазіи, то для ръшительной борьбы съ ними,

народный комиссаръ продовольствія получаетъ диктаторскія полномочія вплоть до права примѣнять вооруженную силу и «подвергать аресту должностныхъ лицъ и служащихъ всѣхъ вѣдомствъ и общественныхъ организацій, въ случаѣ дезорганизующаго вмѣшательства ихъ въ распоряженія народнаго комиссара». Но наряду съ борьбой противъ городской и сельской буржуазіи, диктатура должна была пополнить еще одну задачу: подчинить всѣ мѣстные продовольственные органы общему руководству центральной власти. Народный комиссаръ продовольствія получилъ право «требовать безоговорочнаго и немедленнаго исполненія распоряженій народнаго комиссара»; «распускать или реорганизовать продовольственные органы на мѣстахъ» и т. под.

Вторая задача — централизація продовольственнаго дъла была до н'вкоторой степени выполнена послъ долгаго періода борьбы съ містными властями. Наобороть, первая задача продовольственной диктатуры, т. е. отобраніе всѣхъ хлъбныхъ излишковъ въ городъ и въ деревнъ, осталась неръшенной. Что касается городовъ, то обыски и борьба со спекулянтами дали совершенно мизерные результаты. Отъ этой міры вскорі отказались. Тімь сильніе направилась энергія продовольственныхъ органовъ на деревню. видомъ «борьбы съ кулаками», укрывающими хлѣбные излишки, открытъ былъ крестовый походъ на деревню. 11 іюня опубликованъ былъ декретъ о сельскихъ комитетахъ бъдноты. Эти новые комитеты, надъленные большими полномочіями, и избираемые только неимущими элементами деревни, поставлены были рядомъ съ совътами крестьянскихъ депутатовъ Но въ совъты выбирала вся масса средняго крестьянства, обладавшаго хлъбомъ и боявшагося реквизицій; въ комбъды-же входили лишь «пролетарскіе и полупролетарскіе» элементы, которымъ не только не приходилось опасаться реквизицій, но которые и сами заинтересованы въ успъшныхъ реквизиціяхъ, получая изъ нихъ нъкоторую долю. Борьба между совътами и комбъдами, совершенно неизбъжная въ этихъ условіяхъ, очень скоро привела къ полному комбъдовъ и фактическому упраздненію соторжеству

вътовъ. Комбъды сдълались не только продовольственнымъ, но и универсальнымъ органовъ управленія въ деревнъ.

Весь періодъ съ іюня до ноября прошелъ подъ знакомъ борьбы съ «кулачествомъ», въ которое зачислены были всѣ обладатели хлѣба, т. е. все среднее крестьянство. «Дифференціація» крестьянства, еще очень слабая въ центральной Россіи, должна была форсироваться искусственными мѣрами, и комбѣды были органомъ для насильственнаго «разслоенія деревни», для перенесенія гражданской войны внутрь крестьянства. И если совершенно невыполненной оказалось продовольственная миссія комбѣдовъ, то зато имъ вполнѣ удалось обострить гражданскую войну, которая въ лѣтніе мѣсяцы 1918 г. приняла характеръ массовыхъ крестьянскихъ возстаній.

Безплодность комбѣдовъ въ продовольственномъ отношеніи съ одной стороны, и нѣкоторое смягченіе голода послѣ сравнительно хорошаго урожая — съ другой, создали новыя настроенія въ руководящихъ коммунистическихъ кругахъ, и осенью 1918 г. начинается поворотъ такъ сказать «вправо». Раньше всего для извлеченія хлѣба изъ деревни твердыя цѣны были повышены втрое. Во-вторыхъ, разрѣшено было рабочимъ и рабочимъ организаціямъ отправиться или отправить делегаціи за хлѣбомъ. И въ третьихъ, комитеты бѣдноты были упразднены.

Къ числу новыхъ методовъ продовольственной политики совътской власти принадлежитъ и т. наз. товарообмънъ. Реальное и здоровое ядро этой мъры состоитъ въ томъ, чтобъ платить крестьянамъ за хлъбъ не только бумажными деньгами, но и товарами; и такъ какъ, вслъдствіе сокращенія промышленнаго производства, нътъ возможности просто обмънивать хлъбъ на фабричныя издълія, то пришлось-бы частъ цъны хлъба уплачивать деньгами, а другую, меньшую частъ — товарами. При такой постановкъ дъла не было-бы въ ней ничего особенно новаго, и она была-бы вполнъ осуществима тъ ограниченномъ масштабъ. Но и здъсь утопія возобладала надъ реальными задачами продовольственной политики. На «товарообмънъ» стали смотръть не столько какъ на средство

соблазнить разсчетливаго крестьянина, сколько видёли въ немъ, т. е. товарообмънъ, рычагъ для преодолънія капитализма и всей денежной системы. И задачу распредъленія городскихъ издълій между крестьянами возложили не на покупателей хлѣба, т. е. продовольственныхъ агентовъ, а на мъстные органы власти, въ особенности комбъды, которые должны были имъть въ виду не только продовольственные интересы, но и обезпеченіе «бъдноты» необходимыми товарами. Получилась совершенная неразбериха. Крестьяне, поставлявшіе хлѣбъ, товаровъ въ обмѣнъ не получали. А ничтожное количество товаровъ, доходившее до деревни, оставалось въ рукахъ тъхъ элементовъ, которые хлъба продавать не могли. Если прибавить къ этому какую-то роковую дезорганизованность всего этого дъла, пропажу цълыхъ поъздовъ съ товарами, многомилліонныя кражи и грабежи; отсутствіе всякой бухгалтеріи и т. под., -то станетъ понятнымъ итогъ «товарообмъна»: отправка массы товаровъ въ провинцію, въ частности въ деревню, - и никакого полученія взамѣнъ ни хлѣба, ни даже денегъ.

1919 г. принесъ меньше новыхъ «поворотовъ» и радикальныхъ «пересмотровъ» прдовольственной политики, чъмъ его предшественникъ. Первые мъсяцы его еще приходятся на періодъ «смягченія политики», и поэтому ограниченіе предъловъ дъятельности Наркомпрода еще продолжалось. Вопросъ о томъ, какіе продукты относятся къ числу «нормированныхъ» и «ненормированныхъ» до этого не былъ разрѣшенъ, и потому достаточно было гдъ-либо обнаружить запасы какого-нибудь продовольственнаго продукта, а тъмъ болѣе торговлю имъ, чтобъ объявить ихъ владъльца спекулянтомъ, и т. дал. Поэтому февральскій декретъ 1919 г. установилъ, что къ числу «нормированныхъ» продуктовъ относятся лишь мука, крупа, сахаръ, чай, коровье мясо, сало и соль: условно также и масло. Что-же касается остальныхъ продовольственныхъ продуктовъ, то торговля ими признана своболной.

Съ мая—іюня 1919 г. курсъ продовольственной политики вновь начинаетъ «кръпчать». Компродъ начинаетъ все энердалинъ. Послъ войнъ и революцій. 9 гичнъе бороться противъ всякихъ продовольственныхъ смягченій, и когда въ августъ, послъ урожая, масса рабочихъ, воспользовалась правомъ отпусковъ и хлынула въ деревню за хлъбомъ, компродъ забилъ такую тревогу, что «отпустничество» было прекращено еще скоръе, чъмъ «полуторапудничество» за годъ передъ тъмъ.

Въ 1919 и въ 1920 г. крупныхъ реформъ въ продовольственной области не происходитъ. Вводятся новые пайки, старые отмѣняются; одно продовольственное учрежденіе разформировывается, другое создается; десятки ихъ сливаются, раздѣляются, переименовываются. Болѣе важными явленіями въ этотъ періодъ — до марта 1921 года — являются два.

Во-первыхъ отобраніе излишковъ у крестьянъ замъняется «разверсткой». Это значитъ, что крестьянинъ не обязанъ больше сдавать всѣ свои «излишки» (кромѣ необходимаго ему по нормамъ пропитанія). Вмъсто этого въ Москвъ устанавливается количество потребнаго государству количество хлъба, оно распредъляется по губерніямъ, затъмъ по уъздамъ, волостямъ и, наконецъ, по крестьянскимъ хозяйствамъ. Сдавшій разверстку крестьянинъ не обязанъ (въ теоріи!) сдавать еще что-либо, хотя-бы у него остались большіе излишки. Но только въ теоріи. На практикъ случалось не разъ, что вслъдъ за выполненіемъ разверстки приходилось крестьянамъ сдавать вновь и вновь. Съ другой стороны, права продавать свой хлъбъ, послъ выполненія разверстки, крестьяне не имъли. Но такъ какъ въ то же время производительность сельскаго хозяйства все время падала, то «разверсткой» выколачивалось изъ крестьянъ подчасъ много больше, чъмъ пришлось бы взять, если бъ ограничиться одними излишками.

Во-вторыхъ, уплата за хлѣбъ исчезла. 100 рублей за пудъ еще имѣли какое-то значеніе въ 1918, даже въ 1919 г. въ нѣкоторыхъ районахъ. Но далѣе твердыя цѣны не повышались, между тѣмъ бумажныя деньги обезцѣнивались, и сдача хлѣба превратилась фактически въ безвозмездную. Разверстка превратилась въ налогъ, который

однако не давалъ права свободно распоряжаться излишками.

По мъръ того, какъ создавалась новая армія и новая бюрократія, окръпъ механизмъ государственнаго принужденія, и поэтому съ конца 1918 года цифры заготовокъ начинаютъ расти. Въдь для этого нужна была только физическая, военная сила. Дъйствительно государству удалось заготовить хлъба, крупы и фуража:

въ	1916—17	году			540 милл.	пуд.
	1917—18				73 "	,,
	1918—19				108 "	,,
	1919—20		•	•	213 ,,	,,
,,	1920-21	37			3001) ,,	" (прибл.)

Цифры эти представляли неисчерпаемый источникъ гордости для коммунистическихъ вождей, и Ленинъ измърялъ этими цифрами успъхи коммунизма въ Россіи (см. его фельетонъ въ «Правдъ» въ октябръ 1919 г.). Вліянія этой политики на сельско-хозяйственное производство тогда не замъчали. Это увидъли лишь впослъдствіи, — въ моментъ кронштадтскаго возстанія.

Несмотря на усиленіе заготовокъ, продовольственное положеніе городовъ отнюдь не улучшалось. Отчасти заготовленные продукты шли на продовольствіе быстро растущей арміи; отчасти они замѣнили собой почти исчезнувшіе со свободнаго рынка продукты. Въ результатѣ питаніе городскаго населенія стояло въ послѣдніе годы приблизительно на одномъ, неизмѣнномъ уровнѣ — на уровнѣ недоть данія, граничащаго съ жестокимъ голодованій 1919 года (за неимѣніемъ подъ рукой болѣе новыхъ), но въ общемъ и цѣломъ характерныхъ и для дальнѣйшихъ двухъ лѣтъ. Если сравнить питаніе горожанъ въ настоящее время съ питаніемъ рабочихъ въ артеляхъ въ 1909—11 гг.

¹⁾ Увеличеніе въ 1920-21 г. приходится только на окраины (Сибирь, Кавказъ).
9*

(которое стоило тогда 18 коп. въ день!!), то картина получится слъдующая¹):

		Въ въ	артеляхъ 1909-11 гг.	Горожане в 1919 Отъ-до	г.	въ "/ ₀ "/ ₀ къ цифрѣ 1909-11 г.
Хлъба				1,140—1,610		51
Картофеля			0,48	0,560-1,780	1,110	230
Мяса и рыбы	ol .		0,44	0,2000,340	0,270	61
Масла постн.	иса	ала	0,13	0,0150,032	0,026	20
Итого н	сало	рій	2902	1267—1767	1538	53
Всего	,,		3458	1651—2151	1922	55

При этомъ, вопреки всъмъ усиліямъ коммунистическаго поравненія, рабочіе отнюдь не питались одинаково съ другими классами. Вотъ таблица, показывающая, какъ великъ дефицитъ въ пищъ по сравненію съ гигіенической нормой:

		Норма	Средн. колич въ пищъ горо жанъ вообще	- фи-	Средн. со- ставъ пищи рабочихъ	Де- фи- цитъ
Бълки.		105 гр.	76 rp.	28%	73 гр.	31%
Жиры		55 ,,	46 ,,	16%	41 ,,	25%
Углеводы		502 ,,	445 ,,	11%	454 ,,	10%
Калорій		3000 "	2560 "	15%	2542 ,,	15%

Эти неудачи въ поравненіи классовъ даже въ продовольственномъ отношеніи дѣлаются понятны, если вспомнить, что, несмотря на всевозможные успѣхи «заготовокъ», государство доставляло населенію меньше половины потребляемаго хлѣба. Остальную приходилось покупать, и тутъ рѣшительно сказывались классовыя различія. Снабженіе черезъ продовольственные органы составляло, по отношенію къ общему потребленію хлѣбныхъ продуктовъ:

ВЪ	мартъ-апрълъ	1919 г			45,8%
,,	іюлъ 1919 г.			:	30,1 %
21	декабръ 1919 г	гянваръ	1920 г.	-	36,7%

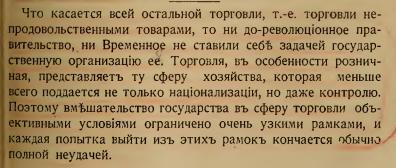
¹⁾ А. Лосицкій. Питаніе городского населенія.
2) Среднія для рабочаго и прочаго населенія (безъ сомнит. данныхъ).

Переходъ къ «новому курсу» весной 1921 года совпалъ съ моментомъ жестокаго продовольственнаго кризиса. «Новый курсъ» принесъ поэтому очень радикальныя измѣненія въ сферѣ распредѣленія: свободу торговли и продналогъ. 240 милл. пудовъ составляютъ сумму налоговъ; въ остальномъ крестьяне и всѣ прочіе граждане вправѣ продавать продовольствіе по вольнымъ, рыночнымъ цѣнамъ.

Торговля, разумѣется, немедленно развилась. И крестьяне и торговцы поторопились воспользоваться новыми правами. Но облегченія населенію отъ этого, разумѣется, не получилось. Для этого требуется увеличеніе производства — а до этого еще очень далеко. И голодъ 1921 года, по злой ироніи судьбы, — разразился какъ разъ въ году коммунистической «свободы торговли». Въ сентябре уже выясняется, что «продналогъ» дастъ, вмѣсто 240 милл. пуд., не болѣе 105 милл.!

Къ числу элементовъ «новаго курса» относится далѣе постепенная отмѣна всевозможныхъ пайковъ и возвращеніе къ системѣ денежной оплаты труда. Поскольку пайки рабочимъ сохраняются, они превращаются въ систему «коллективнаго снабженія», т.-е. въ своеобразную систему заработной платы. Увеличенныя выдачи семейнымъ отмѣняются. Все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ населеніе искать продовольствіе на вольномъ рынкѣ, и такимъ образомъ вновь презращаетъ «с н а б ж е н і е» въ торговлю.

Коммунистическая система снабженія вновь превращается въ капиталистическую.

Поэтому до октябрьскаго переворота стъснение срободы торговли хотя и происходило въ очень ощутительныхъ размврахъ, но не носило систематического характера Другими словами: государство объявляло монополію на тоть или иной товаръ — и изымало его темъ самымъ изъ сферы частной торговли; оно объявляло твердыя цёны на нёкоторые товары - и тъмъ очень стъсняло принципы свободнаго коммерческаго оборота; оно предоставляло транспортъ для перевозки однихъ товаровъ и отказывало въ перевозочныхъ средствахъ для другихъ товаровъ; оно запрещало ввозъ изъ-за границы предметовъ роскоши; оно предоставляло валюту для закупки однихъ заграничныхъ товаровъ и отказывало въ валютъ для закупки другихъ. И т. д. Словомъ, очень многими путями и способами государство ограничивало свободу торговли. Но всегда оно дълало это такъ сказать косвеннымъ путемъ, безъ прямой цѣли уничтожить частную торговлю и по большей части примъняя косвенные методы давленія, напр. валюту, предоставленіе вагоновъ и т. под.

Между тъмъ, наряду съ прежней системой торговли, стала развиваться спекуляція. Когда, еще до революціи, разразились первые скандалы биржевой спекуляціи и спекулятивныхъ сдълокъ съ сахаромъ, на это всъ склонны были смотръть, какъ на исключительные факты, съ которыми возможно бороться методами уголовной репрессіи. Но спекуляція росла и развивалась. Ее не пріостановили ни февральская революція, ни октябрьскій переворотъ. Послъ октября спекуляція сдълалась общимъ правиломъ въ сферъ торговли, совершенно вытъснивъ старую систему торговли. Если раньше основнымъ принципомъ въ торговлѣ былъ скорѣйшій сбытъ запасовъ, максимальное ускореніе оборотовъ капитала, средняя норма прибыли, регулируемая конкурренціей, то для новой формы торговли, для спекуляціи, главнымъ принципомъ служитъ выжиданіе роста цѣнъ, монополизація рынка и совершенно несоразмърныя прибыли. Причины такой трансформаціи торговли надо искать, разумѣется, не въ злой воль людей, а въ процессъ непрерывнаго обезивненія денегь сокращенія товарнаго производства. Спекуляція

есть та форма, которую неизбъжно принимаетъ торговля въ подобную эпоху.

Но наивное отношеніе къ «кровопійцамъ-спекулянтамъ» раздълила съ широкой народной массой и коммунистическая партія. Ея экономическая политика въ области торговли исчерпывается двумя принципами: борьбой со спекуляціей и государственной организаціей торговли.

Что касается борьбы со спекуляціей, то она понимается въ теченіе всего этого періода самымъ примитивнымъ образомъ: конфискація товара, арестъ, тюрьма, а иногда и смертная казнь. Мъстныя чрезвычайныя комиссіи, вслъдъ за всероссійской, развиваютъ громадную энергію по этой части и, вылавливая меньше 1/1000 всёхъ спекулянтовъ, увёрены въ томъ, что онъ этимъ приносятъ сколько-нибудь чувствительное облегчение. Что-же касается государственной организаціи торговли, то сперва она производилась постепенно, безъ декрета о монополизаціи всѣхъ видовъ торговли въ рукахъ государства. Здъсь не было единаго общаго принципа, и въ теченіе перваго года совътской власти каждый городской исполкомъ регулировалъ мъстную торговлю по-своему, иногда допуская относительную свободу, а иногда и закрывая всъ частныя лавки и лавчонки. Наростающее въ коммунистическихъ сферахъ настроеніе выразилось, наконецъ, въ ноябрьскомъ декретъ (1918 года) о націонализаціи торговли, декретъ, который передавалъ все дъло распредъленія товаровъ въ руки все того-же архи-бюрократическаго компрода. Особый органъ «Главпродуктъ» долженъ въдать распредъленіемъ всѣхъ товаровь по всей Россіи; мѣстные органы, ему подчиненные, «Горпродукты», в в даютъ распред вленіемъ продуктовъ въ своихъ районахъ. Всъ магазины и лавки, торгующіе опредъленными товарами (на дълъ это были не меньше 95 % всёхъ сортовъ товаровъ и всёхъ частныхъ магазиновъ) превращаются въ распредълительные пункты, а товары ихъ націонализируются или муниципализируются.

Немедленно вслѣдъ за изданіемъ этого декрета о націонализаціи торговли совершенно замерла всякая торговля въ легальныхъ формахъ. Всѣ торговыя предпріятія были за-

Mederal Va

крыты. И Главпродуктъ, и всъ мъстные Горпродукты совершенно неспособны были справиться съ возложенной на нихъ задачей и начали съ того, чтобъ «учитывать» товаръ, разцънивать его, устанавливать нормы распредъленія. Населеніе осталось совершенно безъ промышленныхъ издълій. Въ то же время органы распредъленія неръдко дълались подходящей сферой для работы наиболъ отчаянныхъ спекулянтовъ и превратились во многихъ мъстахъ въ клоаки, дышащія взяткой и систематическимъ казнокрадствомъ.

Въ дальнъйшемъ, ничего новаго въ сферъ торговли послъ этого декрета не произошло — вплоть до весны 1921 года. Политика осталась и въ дальнъйшемъ въ принципъ та же. Но печальный итогъ націонализаціи торговли заставилъ власти все-же пойти на нъкоторыя уступки. Такъ, торговля «ненормированными» продовольственными продуктами, признанная декретомъ свободной, допущена была въ лавкахъ; множество кафэ, закрытыхъ въ самый «суровый» періодъ муниципализаціи, открылись въ новыхъ мъстахъ подъ новыми именами; торговля «кустарными» издъліями въ нъсколько мъсяцевъ приняла широчайшіе размъры, и, отпугивая покупателя высокими цънами, манила его лаконической надписью: «продажа безъ карточекъ».

Изъ всѣхъ областей экономической политики совътской власти больше всего неудачъ и пораженій принесла муниципализированная и націонализированная торговля. И это фіаско запечатлѣно въ исторіи Сухаревской площади въ Москвѣ, этой крупнѣйшей биржи въ совѣтской Россіи, царствѣ совершенно свободной торговли, ничѣмъ неограниченной спекуляціи, и милліонныхъ прибылей въ эпоху всеобщаго поравненія.

Съ весны 1921 года, въ связи съ новымъ курсомъ, вновь оживаетъ частная торговля. На этотъ разъ оживаетъ рѣшительно и быстро. Открываются закрытыя лавки, безъ стѣсненія произходятъ базары, и мѣстныя власти, не безъ колебаній и подъ давленіемъ изъ Москвы, идутъ навстрѣчу «каритализму». Но капиталъ здѣсь только тоговый и спекулятивный. Большіе успѣхи, которые дѣлаетъ торговля, никого

не удовлетворяютъ, ибо она даетъ мало импульсовъ производству, и поэтому служитъ потребностямъ и прихотямъ одной только соціальной верхушки — совътской буржуазіи и тъхъ-же спекулянтовъ.

Но и тутъ «новый курсъ» шествуетъ впередъ лишь очень медленно и неръшительно. Первоначально, послъ провозглашенія принциповъ «новой экономической политики», свобода торговли еще не входила въ число этихъ принциповъ. Предполагалось, при отступленіи отъ коммунизма, «задержаться». на позиціи «товарообмъна», т. е. безъ помощи денегъ и торговцевъ обмѣнивать продукты одного производства на продукты другого. Для этого предназначены были кооперативы, которые съ этой цълью должны были получить большую степень самостоятельности. Переходъ къ системъ натуральныхъ налоговъ долженъ былъ увеличить рессурсы кооперативовъ и оживить натуральный товарообмънъ. Однако, изъ всего этого ничего не получилось. Кооперативы какъ были въ послъдній годъ, такъ и остались бюрократическими учрежденіями и являли собой наглядный образець того, какъ мало можетъ государство справиться со своими экономическими задачами.

Какъ-бы въ доказательство полнаго банкротства государства-хозяйственника «Извъстія» сообщили 15-го ноября 1921 года почти невъроятные факты:

«Порча прибывающихъ въ Москву продовольственныхъ грузовъ достигла прямо-таки чудовищныхъ размъровъ. Такъ, въ іюнѣ испорченное мясо составляло 99,1 проц. отъ общаго количества, доставленнаго на моск. холодильники. Копченостей въ іюнѣ испорчено 91,7 проц. И это только по одной Москвѣ, гдѣ все же имѣются дѣйствующіе холодильники. Но и въ Москвѣ общій процентъ яицъ, испорченныхъ до такой степени, что ихъ даже химическій отдѣлъ не можетъ использовать, достигаетъ 33 проц. Въ Сибири пропало въ 1920 г. 20 000 пуд. масла и 60 проц. всѣхъ заготовленныхъ яицъ», а «на Ряз.-Уральской жел. дорогѣ въ іюлѣ нынѣшняго года пропало рыбы на 28.000,000 000 рубл., т. е. погибъ весь транспортъ рыбы».

Отъ «непосредственнаго товарообмѣна» пришлось поэтому очень скоро отказаться и сдѣлать еще одинъ шагъ назадъ, конечно не безъ сопротивленія кой-какихъ вѣдомствъ, въ особенности бюрократическаго Компрода. Объ этомъ разсказываетъ Калининъ въ «Извѣстіяхъ» отъ 16 сентября:

«Наркомпродъ требуетъ лишь одной операціи: «товаръ—съмена», «товаръ—продовольствіе», а саратовцы усложнили эту формулу: «товаръ—деньги, деньги—съмена»; «товаръ—деньги, деньги—продовольствіе», за что получили внушеніе отъ тов. Фрумкина: дескать, не мудрите, а дълайте такъ, какъ вамъ указываютъ старшіе. Губисполкомъ совмъстно съ губкомомъ настойчиво просилъ меня поставить этотъ вопросъ въ центръ и ръшить его въ духъ саратовцевъ».

Конечно, побъдили «саратовцы», и деньги торжествуютъ Разгулъ свободной торговли достигъ уже сейчасъ такихъ размъровъ, что она на дълъ остается менъе контролированной государствомъ, чъмъ вълюбой европейской буржуазной странъ, гдъ дъйствуютъ полицейскія и соціальнополитическія ограниченія вольной торговли.

6. Внъшняя торговля.

Внъшняя торговля была, естественно, больше связана съ событіями международной политики, чъмъ всъ другія области экономической жизни. И нътъ поэтому ничего проще, какъ изобразить ея исторію схематически: войны, которыя вела совътская Россія, въ связи съ блокадой уничтожаютъ ея внъшнюю торговлю. Затъмъ блокада снимается, безобновляется горговля, и она растетъ изъ мъсяца въ мъсяцъ.

Между тъмъ эта схема очень далека отъ дъйствительности, если къ дъйствительности приглядъться внимательно. Внъшняя торговля изчезаетъ сразу послъ октябрьскаго переворота. Она падаетъ до такихъ мизерныхъ размъровъ, которые практически равны нулю. Причина лежитъ раньше, всего въ той политикъ по отношенію къ товарамъ и банкамъ, которая уничтожала всякое право собственности, — а безъ

него внѣшняя торговля возможна лишь какъ государственная торговля. Но о торговлѣ русскаго совѣтскаго государственная ства съ другими странами тогда еще не могло быть и рѣчи. Поэтому политика коммунизма означала въ тотъ періодъ полную ликвидацію всякой внѣшней торговли.

Годы блокады, 1918—1920, пошли на то, чтобъ построить «аппаратъ» монопольной государственной торговли. Торговля въ дъйствительности имъла мъсто въ пограничныхъ пунктахъ, какъ мелкая контрабандная торговля, подчасъ съ разръшенія или по прямому указанію изъ Москвы. Но когда въ началъ 1920 г. блокада была снята, открылись новыя перспективы для внъшней торговли. Съ апръля 1920 г. она существуетъ — въ газетныхъ замъткахъ, статьяхъ, декретахъ и цифровыхъ таблицахъ. Въ какихъ размърахъ существуетъ она на дълъ? Если сравнить ввозъ Россіи въ 1921 г. съ довоеннымъ ввозомъ, то получится слъдующая картина (за 9 мъсяцевъ):

	Въ среднемъ
	1909 - 1913 гг. Въ 1921 году
1. Жизненные припасы и жи-	
вотныя	. 87 000 тыс. пуд. 12 333 тыс. пуд — ////
2. Животные продукты и из-	
дълія	
3. Лъсной товаръ	. 58 000 , , 757 , , ,
4. Керамическіе матеріалы	
5. Топливо, смолы	. 363 000 " - 11 598 - 1
6. Химическіе продукты	. 24 000 , , 471 , ,
7. Руды, металлы	
8. Писчебумажные товары.	
9. Волокнистые матеріалы	
10. Предметы одъянія и пр.	. 200 , , 67 , ,
	19

Весь ввозъ 1921 года (9 мѣсяцевъ) составляетъ 35½ милл. пудовъ. До войны — 686 милліоновъ. И это въ 1921 году, послѣ того, какъ внѣшняя торговля сдѣлала огромные успѣхи — вѣдь весь ввозъ 1920 года составлялъ лишь 5 милліоновъ пудовъ, а 1919 годъ — лишь ½ милліона.

Но нездоровое состояніе внѣшней торговли проявляется не столько въ ничтожныхъ размѣрахъ товарообмѣна, сколько въ соотношеніи ввоза и вывоза. Вѣдь имѣя нѣкоторый запасъ золота, можно безъ особыхъ трудностей создать большой «ввозъ». Но покуда этому ввозу не соотвътствуетъ сколько-нибудь значительный вывозъ, — подлинной тор-говли, товарообмъна не существуетъ.

За 9 м * сяцев * 1921 года весь вывоз * Россіи достиг * милл. пудов * . При ввоз * в * 35 милл. это составляет * 1 / * ! Другими словами, существует * ввоз * , почти без * вывоза

Первоначальные проекты коммунистического правительства въ вопросъ о томъ, что закупать, были довольно разумны. Они состояли въ томъ чтобъ на имъющіяся небольшія средства покупать заграницей не предметы непосредственнаго потребленія — какъ бы велика ни была нужда въ нихъ, — а паровозы, машины, косы и т.п., т.е. орудія производства. Торговля должна была сдълаться орудіемъ возрожденія народнаго хозяйства. Но это были утопіи. Не былъ принятъ во вниманіе роковой и неизб'єжный развалъ всего хозяйства, неизбъжный голодъ, который долженъ былъ перевернуть вверхъ дномъ всъ хозяйственные планы, и сдълать внъшнюю торговлю средствомъ накормить голодныхъ людей тъми продуктами, которые такъ легко было производить въ Россіи. Въ 1920 г. предметы продовольствія составляли лишь 25 % всего ввоза; лѣтомъ 1921 года этотъ процентъ быстро повышается и достигаетъ въ іюль 70 %, въ сентябр в — 49 % Другими словами, «подъемъ» внъшней торвсего ввоза. говли вызывается голодомъ, заставляющимъ правительство, въ нарушение своихъ плановъ, закупать жизненные припасы или ввозить безплатные грузы американской администраціи помощи (также включенные въ вышеприведенныя цифры). Разумный совътскій протекціонизмъ потерпѣлъ крушеніе.

Существуетъ ввозъ, вывоза нѣтъ. Ввозъ оплачивается золотомъ. Это означаетъ, что совѣтская Россія и въ этой области своего хозяйства проѣдаетъ старые запасы. Золото, накопленное до войны, она превращаетъ въ картофель, съмена и печатную бумагу. Это превращеніе очень пріятно для продавцовъ, умѣющихъ подсунуть иной

разъ совершенную дрянь. Но съ точки зрънія народнаго хозяйства Россіи важенъ источникъ цънности покупаемыхъ и ввозимыхъ товаровъ. Этимъ источникомъ является досовътскій трудъ, старые запасы овеществленнаго възолотъ груда.

Такъ государственная монополія всей внѣшней торговли дѣлается препятствіемъ къ внѣшней торговлѣ. Самая темная точка въ этой системѣ — неспособность къ вывозу. Какъ ни ничтожны сейчасъ экономическіе рессурсы Россіи, но среди милліоновъ населенія нашлось бы и сейчасъ много частныхъ лицъ, производительныхъ кооперативовъ, крестьянскихъ товариществъ и т. д., которые сумѣли бы развить товарный вывозъ. Низкій уровень русской валюты могъ бы поощрить вывозъ, а слѣдовательно и производство, множества товаровъ. Но царство утопіи, которое уступаетъ постепенно мѣсто реализму въ другихъ сферахъ хозяйства, еще господствуетъ въ области внѣшней торговли.

Однако, одной отмѣны монополіи было бы совершенно недостаточно, ибо основные корни внѣшне-торговаго застоя находятся столько же въ экономической, сколько и въполитической почвѣ. Безъ усиленія внутренняго производства невозможно усиленіе торговли. Но ростъ производства имѣетъ предпосылкой, какъ мы видѣли, измѣненія въ общей политикѣ, а не только въ экономической политикъ.

Поэтому — покуда существуютъ одни лишь зачатки внѣшней тоговли.

7. Кредитъ и Финансы.

Кредитъ, а въ особенности государственные финансы, лишь отражали общія условія хозяйственной жазни, о которыхъ шла ръчь въ предыдущихъ главахъ. И поэ ому кредитная и финансовая политика была естественнымъ дополненіемъ и развитіемъ общей хозяйственной политики.

Въ сферѣ кредита большихъ измѣненій не произошло въ первый періодъ революціи. Розовыя надежды, окрылявшія

буржуазные круги въ первые мѣсяцы послѣ февраля, вызвали громадное грюндерство и биржевую горячку. Центромъ грюндерства и биржевого ажіотажа сдѣлались, разумѣется, банки, и прибыли ихъ, — если-бъ не дальнѣйшія событія — достиглибы неслыханной высоты.

Но чъмъ дальше, тъмъ больше дълалось ясно, что наступаютъ вновь тревожныя времена. Лътомъ 1917 года стало исчезать довъріе къ прочности кредита и кредитныхъ учрежденій, и текущимъ счетамъ стали предпочитать наличныя деньги, въ особенности иностранную валюту. Пассивныя операціи банковъ стали быстро сокращаться, активныя стали расти. Такое положеніе дъла неизбъжно кончилось-бы можетъ-быть коммерческимъ банкротствомъ, если-бъ не октябрьскій переворотъ, который декретировалъ такъ сказать «банкротство свыше».

Декретъ 17-го декабря 1917 года упразднилъ всъ частные банки и объединилъ ихъ въ «Народный Банкъ Р. Ф. С. Р.» Съ этого момента совершенно замираетъ всякій кредитъ. Новый Народный Банкъ меньше всего являлся и является кредитнымъ учрежденіемъ Пассивныя операціи его ограничиваются полученіемъ свѣженапечатанныхъ денегъ отъ государственной экспедиціи; въ активныхъ операціяхъ хотя и значилось «кредитованіе», но оно меньше всего носило характеръ кредита: это былъ лишь методъ покрытія дефицитовъ всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій изъ государственныхъ средствъ. Поэтому декретъ о націонализаціи банковъ былъ по существу ликвидаціей кредита. Кооперативный «Московскій Народный Банкъ», оставленный внъ націонализаціи упомянутымъ декретомъ былъ несмотря на печальный опытъ всеобщей націонализаціи банковъ, упраздненъ ровно годъ спустя.

Государственные финансы военнаго и революціоннаго времени складываются изъ трехъ элементовъ: займовъ, налоговъ и бумажныхъ денегъ. Борьба съ бумажно-денежнымъ наводненіемъ требуетъ усиленнаго поступленія изъ двухъ другихъ источниковъ: займовъ и налоговъ. Первое правительство революціи, придя къ власти, нашло пустую кассу

и вынуждено было начать свою финансовую политику съ разръшенія выпустить новыхъ два милліарда рублей кредитными билетами. На это смотръли тогда, какъ на исключительную мъру, и всъ были убъждены, что нъсколькихъ мъсяцевъ революціонной политики будетъ достаточно, чтобъ покончить съ этимъ финансовымъ зломъ. Никто не предполагалъ, что «повышеніе эмиссіоннаго права» — первый финансовый актъ революцій — сдълается символомъ всей финансовой политики революціи.

Въ области налоговъ коалиціонному правительству принадлежитъ увеличеніе ставокъ подоходнаго налога и введеніе дополнительнаго (тоже подоходнаго) налога, которые, дъйствуя совмъстно, вводили самыя высокія налоговыя ставки, гдъ-либо и когда-либо существовавшія. Для высшихъ категорій доходовъ (свыше 1 милліона) налоги составляли 80%. По подсчетамъ нъкоторыхъ газетъ, всъ прямые налоги на промышленныя предпріятія и доходы ихъ могли достигать въ иныхъ случаяхъ 95%.

Однако, прямое обложеніе дало очень мало. Требовалась, во-первыхъ, большая предварительная работа самооцънки плательщиковъ, которая требовала большого времени. вторыхъ, высота налоговъ вызвала среди имущихъ классовъ своего рода «налоговую стачку»: не только доходы указывались низкіе, но и уплата налоговъ задерживалась, отсрочивалась и т. д. Между тъмъ прямые налоги, хотя и являются принудительными, все-же требуютъ добровольной уплаты: И когда разшатанъ весь государственный аппаратъ, а плательщики платить не желаютъ, съ ними ничего невозможно подълать. Оставались, наконецъ, косвенные налоги. Здъсь революціоннымъ партіямъ пришлось пойти на очень большія отступленія отъ своихъ программъ, требовавшихъ отмѣны косвенныхъ налоговъ. Объ отмънъ не могло быть и ръчи. Но особенность косвенныхъ налоговъ состоитъ въ томъ, что въ періоды выпуска бумажныхъ денегъ они быстро теряютъ свое значение. Косвенные налоги представляютъ почти всегда, въ отличіе отъ налоговъ прямыхъ, фиксированную сумму, получаемую государствомъ съ каждой единицы облагаемаго

товара. Но эта фиксированная сумма дѣлается по своей реальной цѣнности тѣмъ меньше, чѣмъ выше подымаются товарныя цѣны. Поэтому, несмотря на усилія финансовыхъ вѣдомствъ всѣхъ воюющихъ странъ, значеніе косвенныхъ налоговъ въ доходныхъ бюджетахъ падало во время войны, и для поддержанія равновѣсія приходилось непрерывно измышлять новые налоги и повышать старыя ставки. Такъ и у насъ, въ послѣдній періодъ коалиціоннаго правительства разработаны были проэкты новыхъ фискальныхъ монополій и косвенныхъ налоговъ. Нѣкоторые изъ нихъ получили небольшое реальное значеніе уже въ періодъ совѣтской власти. Къ моменту октябрьскаго переворота количество бумажныхъ денегъ возросло съ 10 мрд. (1 марта 1917 г.) до 19½ мрд.

Въ финансовой политикъ совътской власти отсутствуетъ одинъ изъ элементовъ прежней финансовой системы: займы. Полное исчезновеніе кредита сдълало займы абсолютно невозможными. И такъ какъ совътская власть, исходя изъ своихъ принциповъ того времена, аннулировала всъ государственные займы декретомъ 28 января 1918 г., то о новыхъ займахъ не могло быть, конечно, и ръчи.

Оставались налоги и бумажныя деньги. Въ первое полугодіе новой власти большое развитіе получилъ новый и простъйшій видъ прямыхъ налоговъ на буржуазію: такъ наз. контрибуціи. Ръдкій городъ въ Россіи (кажется, одинъ только Петроградъ) прожилъ безъ контрибуціи. И система раскладки, и взиманіе, меньше всего походили на серьезную финансовую мъру. Они носили скоръе военный характеръ. Но итоги контрибуцій, наряду съ арестами и другими репрессіями, были въ финансовомъ отношеніи не велики.

Лътомъ 1918 г. контрибуціи прекращаются, но совътская власть еще не ръшается ограничиться старыми, буржуазными методами обложеніями. Она вводитъ новый «чрезвычайный революціонный 10-милліардный налогъ». Чрезвычайный налогъ представляетъ нъчто среднее между контрибуціей и обычнымъ налогомъ. Центральная власть ограничивается лишь разверсткой 10 милліардовъ между отдъльными губерніями, да еще указаніемъ, что рабочіе и служащіе съ

доходами ниже опредѣленной суммы обложенію не подлежатъ. Вся остальная работа возлагается на мѣстныя власти, вплоть до выбора признаковъ для раскладки налога. Естественно, что здѣсь открылось поле самому откровенному произволу, и конфликты изъ-за чрезвычайнаго налога принимали подчасъ очень бурныя формы. Приходилось подавлять бунты и возстанія; не мало случаевъ было смертной казни за неуплату налога.

Къ этому надо прибавить, что чрезвычайный налогъ былъ въ сущности налогомъ на крестьянство. Города не могли дать значительныхъ суммъ. Буржуазія къ этому времени уже разбѣжалась или пристроилась, и лишь кой-у-кого оставались текущіе счета въ банкахъ, закрытые распоряженіемъ властей. Въ уплату чрезвычайнаго налога во многихъ мѣстахъ «сбрили» текушіе счета частныхъ лицъ, но это ничего реальнаго казнѣ не дало. Рабочіе и служащіе почти всѣ были освобождены отъ уплаты этого налога. Оставалось крестьянство. И когда выяснилось, какъ крестьянство отнеслось къ чрезвычайному налогу, — пришлось отступить и особымъ декретомъ 9 апрѣля 1919 г. сложить налогъ съ «середняковъ». Тѣмъ самымъ онъ оылъ по существу ликвидированъ.

Въ 1919 году финансовое въдомство ръшило значительно усилить косвенное обложение при помощи «начислении»: издълія націонализированныхъ предпріятій должны продаваться по повышенной цѣнѣ, и излишекъ долженъ идти въ казну. Начисленія вводятся на множество предметовъ первой необходимости и представляютъ собой, по замыслу, необычайно развътвленную систему косвеннаго обложенія. Однако, финансовые итоги ихъ были совершенно ничтожны. За товары, продаваемые государственными органами, деньги въ центральную кассу почти не поступали. Наконецъ, въ іюнъ 1920 г. Центральный Исполнительный Комитетъ р Вшилъ отмвнить послъдніе изъ остававшихся еще въ силъ налоговъ, въ томъ числь и подоходный, а также отмънена была плата за проъздъ по жельзнымъ дорогамъ, за почтовую корреспонденцію. Это считали въ то время необходимымъ элементомъ Далинъ. Послъ войнъ и революцій.

соціалистическаго хозяйства. Но на дълъ это не имъло большаго значенія. Доходы давно уже понизились до ничтожныхъ размъровъ, и чъмъ дальше, тъмъ болъе бюджетъ превращался въ списокъ расходовъ, которымъ не противостояли никакіе доходы. Уже въ 1918 и въ 1919 гг. картина была слъдующая:

	1918 г.				1918 г.	1919 г.	
Расходы						14,939 милл.	34 279 милл.
Доходы						3 682 »	5 195 »
Доходы в	ъ %	δK	ър	acx	ода	амъ 25%	16%

Въ 1920 г. расходы сильно возрасли, достигнувъ сотенъ милліардовъ. Доходы же не только не возрасли, но ещепонизились. Они едва-ли покрыли и 2% расходовъ, т. е. практически совершенно исчезли.

Финансовымъ источникомъ жизни для совътской власти служитъ опять-таки печатный станокъ. Новыя фабрики бумажныхъ денегъ работаютъ въ провинціи; множество новыхъ образцовъ пущено въ оборотъ; а количество бумажныхъ денегъ, о которомъ финансовые органы не даютъ регулярных свъдъній, растетъ слъдующимъ образомъ. Всего выпущенс было денегъ:

на	1	января	1914	года				1	2	400	милл. ¹)
>>	1	марта	1917	»	٠.			١	9	950	»
30	25	октября	1917	>>				A	18	918	»
>>	1	января	1918	»				\	25	462	»
30	1	января	1919	>>					59	414	»
39	1	января	1920	>>				T _A	223	165	»
>>	1	января	1921	»			. V	1	178,	388	»
30	1	января	1922	»		OF		11,	000.	000	»

Къ началу 1922 г., такимъ образомъ, въ обращеніи находятся уже свыше 11 трилліоновъ рублей.

Marsonips

¹⁾ Въ томъ числѣ и металлъ въ обращеніи.

Эта таблица даетъ представление во-первыхъ о размърахъ дъйствительныхъ государственныхъ (въ томъ мъстныхъ, коммунальныхъ) росходовъ. Такъ какъ другихъ денежныхъ доходовъ почти cyществуетъ, кромъ «дохода» отъ печатнаго станка, государственный бюджетъ вполнъ совпадаетъ эмиссій. Злѣсь рами очень важно отмътить, этихъ громадныхъ расходовъ военные среди административные расходы вовсе не занимаютъ преобладающаго мъста. Такъ напр. по бюджету 1920 г. военные расходы составляли лишь 12,7% всего бюджета; и если на дълъ они оказались выше предположеній, то во всякомъ случаъ они едва-ли превысили 20%. Столько-же приблизительно составляютъ расходы по управленію. Главныя статьи расходовъ (которые равнозначащи дефицитамъ) приходятся на сферу «соціалистическаго» хозяйства, а именно расходы Высшаго Совета Народнаго Хозяйства (22,7% всего бюджета), Комиссаріата Продовольствія (16,8%), Путей Сообщенія (6,7%), Почтъ и Телеграфовъ (1,2%), и Земледълія (6,1%). Итого экономическая политика поглощала 53,5% всвхъ расходовъ. Такъ какъ въ 1920 г., напр., было выпущено почти 1000 милліардовъ рублей, то это означаетъ, что «соціализаціа» дала убытокъ въ одномъ лишь 1920 году въ 500 милліардовъ и сдълалась такимъ образомъ важнъйшимъ источникомъ обезцъненія рубля.

Во-вторыхъ, приведенная таблица указываетъ, какая масса товаровъ извлечена государствомъ изъ оборота путемъ по-купки. Если перевести бумажныя деньги на золотыя по текущему курсу, то окажется, по подсчетамъ Е. Преображенскаго, что эмиссіи равнялись:

Въ	1918 г.	33,9	милліард.	бум.	ден.	• 66	523	милл.	зол.
	1919	163,8	»	»	»		390	»	»
	1920	955,2	»	>>	»		200	»	»

Но государство изымало товары въ свою пользу и непосредственно, безъ помощи денегъ, т. е. при помощи «раз-10* верстки» и пр. Если прибавить эту массу товару къ закупленнымъ на рынкъ, то «расходный бюджетъ государства» пріобрътаетъ слъдующій видъ (въ милл. зол. руб.):

	1918-19 г.	1919-20 г.	1920-21 г.	
Принудительнымъ путемъ	127	253	451	
Путемъ эмиссій	523	390	200	
Bcero	650	643	651	

По сравненію съ милліардами до-военныхъ бюджетовъ это указываетъ на крайнее объдненіе государственнаго хозяйства, несмотря на громадное расширеніе его функцій. Эта дешевизна государственной машины есть ни что иное, какъ крайняя нищета государственныхъ служащихъ, рабочихъ и арміи.

Въ концѣ 1921 года рѣшено было перейти къ исчисленію бюджета въ золотыхъ рубляхъ. Бюджетъ былъ составленъ на 9 мѣсяцевъ и представилъ общую сумму въ 1340 милл. руб. золотомъ. Въ томъ числѣ натуральныя поступленія (продналогъ и. т. п.) — 340 милл., а эмиссія трилліоновъ бумажныхъ денегъ — 230 милл. золотомъ. Этотъ бюджетъ, несмотря на обремененіе массой новыхъ расходовъ, значительно ниже до-военнаго русскаго бюджета. Но такъ какъ въ то же время доходъ населенія (въ золотыхъ рубляхъ) упалъ на 50—60%, то очень нелегко окажется дѣйствительно собрать всю намѣченную сумму, и действительный государственный расходъ и доходъ окажется навѣрно много ниже 1½ милліарда. Въ бумажныхъ рубляхъ бюджетъ выражается безконечнымъ числомъ 22,000.000,000.000 рублей, но эта цифра ничего, конечно, не выражаетъ.

Ростъ цѣнъ — неизбѣжное послѣдствіе эмиссій — достигъ баснословныхъ размѣровъ. Уже къ началу 1921 года товары вздорожали въ среднемъ въ 20 000 разъ по сравненію съ до-военнымъ временемъ. Къ концу 1921 года эта цифра поднялась до 50—70 тысячъ. Обезцѣненіе рубля, правильно измѣряемое только сравненіемъ съ золотымъ рублемъ, шло слѣдующимъ образомъ:

1	іюля	1919	года				80	руб.	бум.
1	января	1920	»				800	»	>>
1	іюля	1920	>>				2 500	»	»
1	августа	1921	»			40,000	20 000	>>	>>
1	декабря	1921	»				80 000	»	»

Такимъ образомъ, зимою 1921-22 г. бумажный рубль стоилъ лишь ¹/₈₀ ₀₀₀ золотаго. Между тѣмъ, количество выпущенныхъ денегъ къ этому времени только въ 2 тысячи разъ превышало до-военное обращеніе. Такое болѣе сильное обезцѣненіе объясняется тѣмъ, что коммунистическое козяйство изымало изъ сферы свободнаго оборота цѣлую массу товаровъ, и растущая масса денегъ противостояла значительно сокращенной массѣ товаровъ. Поэтому вздорожаніе товаровъ шло быстрѣе, чѣмъ эмиссіи денегъ.

Съ другой стороны, лътомъ 1921 года «новый курсъ экономической политики» вернулъ въ товарный оборотъ много прежде изъятыхъ изъ него товаровъ. Поэтому ростъ цънъ пріостановился, и московская печать заговорила уже о «переломъ въ движеніи цънъ». Но всякому ясно, что это явленіе временное. Новая экономическая политика» заставляетъ государство усиленно обращаться къ вольному рынку, т. е. у с и л и т ь печатаніе бумажных в денегъ. Въ своемъ докладъ въ концъ сентября народный комиссаръ финансовъ заявляетъ: «при нашихъ первоначальныхъ разсчетахъ мы имѣли въ виду выпускъ въ 1921 году 7 трилліоновъ руб., а теперь намъ нужно имъть 22 трилліона изъ-за измъненія экономической и тарифной политики». О какомъ-же «переломъ» въ движеніи цънъ можно говорить? Очевидно, послъ короткаго перерыва цъны начнутъ подыматься еще быстръе, чъмъ до сихъ поръ.

То же явленіе мы видимъ, если сравнивать бюджеты. Несмотря на то, что товары вздорожали въ десятки тысячъ разъ, расходный бюджетъ составляетъ в с е г о нѣсколько тысячъ милліардовъ. Поэтому страннымъ можетъ показаться не быстрый ростъ бюджета, а наоборотъ, его болѣе медлен-

ный ростъ по сравненію съ ростомъ цѣнъ. Это опять-таки объясняется покрытіемъ части расходовъ при помощи «разверстки» и пр. методовъ принудительнаго изыманія товаровъ и реквизиціи труда.

До тѣхъ поръ, пока коммунистическая партія крѣпко держалась за коммунизмъ, громадныя сферы хозяйства оставались внѣ товарнаго обращенія. Но съ весны 1921 г. начинаетъ расширяться товарное хозяйство за счетъ государственно-коммунистическаго, и это неизбѣжно вызвываетъ обратное движеніе въ сферѣ денежнаго обращенія. Новая политика состоитъ въ возврашеніи къ принципамъ «капиталистическихъ» финансовъ: введеніе налоговъ, прекращеніе безплатнаго отпуска товаровъ, оплата почты и желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, оплата квартиръ, сокращеніе «разверстки» и превращеніе ее въ налогъ, и наконецъ образованіе Государственнаго Банка съ правомъ выдавать ссуды крохотнаго размѣра въ 10 милліардовъ, т. е. до 100 000 зол. руб. Цѣлью всего этого является старое, буржуазное «равновѣсіе бюджета».

Однако, предпосылкой оздоровленія бюджета оздоровленіе народнаго хозяйства. Но этого нътъ. И поэтому радикальныхъ улучшеній сферъ финансовъ ВЪ ожидать пока не приходится. Наоборотъ, возвратъ товарнаго, денежнаго хозяйства, развитіе системъ свободной торговли повышаютъ потребность государства такой неизбъжно вызовутъ леньгахъ И сравненію СЪ которымъ все эмиссіи, по покажется легкой забавой. Именно теперь приближается полнаго и окончательнаго обезцъненія бумажнаго рубля.

VIII.

Итоги революціи.

Изъ сотенъ перемѣнъ, произведенныхъ четырьмя годами революціи, однѣ являются мимолетными, другія прочными. Однѣ связаны только съ идеологіей эпохи — это величины «перемѣнныя». Другія составляютъ неотъемлимую сущность основного процесса революціи — это «постоянныя» величины для дальнейшаго развитія русской исторіи.

Я не считаю, конечно, постоянной величной соціализмъ въ Россіи. Онъ уже начинаетъ самъ себя отмънять, а дальнъйшее развитіе пойдетъ дальше въ томъ-же направленіи.

Я не считаю несомнънно постоянной и республику. Это вопросъ политической борьбы. Но кънеотъемлемы мъ пріобрътеніямъ русской политической жизни республика еще не принадлежитъ.

Наконецъ и политическія «свободы», которыми народъ пользовался около одного года, отнюдь еще не сдѣлались устоемъ новой Россіи. Мужицкая абсолютная монархія можетъ надолго покончить и съ республикой и со свободами.

Но каковы тъ измънения, съ которыми никакой новый режимъ не сможетъ покончить?

1. Отмѣна сословій.

Одно изъ основныхъ требованій революціи и одинъ изъ величайшихъ ея успъховъ.

Упраздненіе сословій — не только сословныхъ привилегій! — направлено цѣликомъ противъ дворянства. Всѣ остальныя сословія, въ томъ числѣ и духовное, играли въ Россіи такую жалкую роль, что имъ терять нечего. За то упраздненіе дворянства составляетъ громадный переворотъ.

Въ теченіе полутораста лѣтъ, прошедшихъ со временъ Екатерины, дворянство управляло Россіей. Весь государственный аппаратъ былъ въ рукахъ дворянства. Долгое время одно лишь дворянство имѣло право создавать свои корпоративныя организаціи. Одни лишь дворяне пользовались полной личной свободой, т. е. правомъ выбора службы и пр. Даже свобода отъ тѣлесныхъ наказаній была отличительной чертой дворянства. Наконецъ, какъ особая привилегія — свобода дворянъ отъ личныхъ податей. Нигдѣ въ мірѣ пропасть между «высшимъ сословіемъ» и безправной народной массой не была такъ глубока, какъ въ Россіи.

Въ послъдніе 50 льтъ эта пропасть начала, казалось, уменьшаться. 60-ые годы отчасти уничтожили, отчасти сократили дворянскія привилегіи, и все чаще приходилось власти прислушиваться къ голосу буржуазіи. Но власть оставалась въ старыхъ рукахъ, и поэтому послъднее полустолътіе было на дълъ процессомъ гніенія дворянскаго общества. Земли закладывались и распродавались. Со времени освобожденія крестьянъ до начала міровой войны дворянство растеряло половину своихъ земель. дворянскій и крестьянскій банки, созданные со спеціальной цълью помочь дворянству, ничего измънить не смогли. Передъ революціей Россія въ экономическомъ отношеніи отнюдь не была «феодальной», дворянской страной. Но въ политическомъ отношеніи дёло обстояло иначе. Вся власть попрежнему принадлежала дворянству. Изъ этого противоръчія и произошла революція. Она ръшила его тъмъ, что уничтожила сословный строй.

Если-бъ упраздненіе сословій было только предписано декретомъ, оно было-бы столь же непрочно, какъ и всѣ другія реформы. Но оно покоится на очень прочномъ фундаментѣ: экспропріаціи всего дворянскаго землевладѣнія. Дворянство уничтожено не только юридически, но и экономически. Оно разсыпалось и разпылилось и пріобщилось къ различнымъ другимъ соціальнымъ слоямъ. Одни грузятъ тяжести на волжскихъ пристаняхъ и, ругаясь не хуже каталей, гордятся своей диковинной силищей. Другіе пооткрывали овощныя и бакалейныя лавченки и со сказочной быстротой восприняли внѣшность и психологію лабазника. Третьи въ парикмахерахъ, вѣжливо изгибаютъ спину и принимаютъ «начаекъ». Четвертые, запыхавшись, бѣгаютъ курьерами по Москвѣ и разносятъ таинственные «пакеты». Пятые въ мелкихъ чиновникахъ, пишутъ входящія и исходящія. Шестые

на разныхъ постахъ въ красной арміи, давно переложили гнѣвъ на милость, служатъ не за страхъ, а за совѣсть, и аккуратно таскаютъ на себѣ пайки. Жены, матери и бабушки, вспомнивъ несложную науку, пройденную въ дѣтствѣ, «чтобъ записывать бѣлье», ходятъ вздыхая «на службу» и почтительно выполняютъ приказы «комячеекъ». Или торгуютъ на улицахъ пирожками да кашей, и научились недурно «ладить» съ милицей. Наконецъ, кое-кто выбрался за-границу и, очутившись въ великомъ водоворотѣ, либо нищенствуетъ, либо пристраивается на службу къ европейскому капиталу, получая за работу жалкіе гроши.

Все это «только такъ» — все это временно! Не это-ли основной тонъ всѣхъ ихъ настроеній? Но проходятъ недѣли, мѣсяцы и годы; часъ отъ часу не легче. «Надо устраиваться въ новомъ положеніи какъ будто навселда». Это «будто» послѣдній отблескъ былого величія, дворянской чести и богатствъ. Въ остальномъ — пріобщеніе къ низменному міру, въ которомъ всѣ кругомъ живутъ. И, какъ у всѣхъ, — мерзлая картошка, разбавленное молоко, махорка, чистка снѣга и стирка собственныхъ грязныхъ рубахъ. Приходится сживаться, приспособляться, пріобщаться къ тому общественному слою, къ которому прибила волна, когда тонулъ старый корабль

Нътъ и не будетъ его больше, стараго дворянскаго великолъпія! Усадьбы разнесены въ щепы, земля подълена и запахана, сады срублены или запущены, а въ милыхъ, укромныхъ уголкахъ, гдъ всъ поколънія по очереди млъли отъ первыхъ поцълуевъ, сложенъ навозъ отъ крестьянскихъ коровъ. Все радикально уничтожено. Срубленъ гордый дубъ дворянскаго сословія, гнилой внутри, но внъшне импозантный; и выкорчеваны пни, всъ до послъдняго корня. Дорого обошлась Россіи эта корчевка, когда за нее принялись большевики. Но теперь она закончена.

Юридически и экономически дворянства нътъ. Но оно существуетъ физически, и никакія чрезвычайки не могутъ съ этимъ справиться. Поэтому возможна и даже неизбъжна въ ближайшемъ будущемъ его борьба за полити-

ческое господство. Можетъ-ли она быть успѣшна? Массовая апатія и стремленіе къ «порядку» можетъ еще на краткій историческій мигъ привести къ власти дворянскую партію. Возможна кратковременная реставрація политическая, какъ завершеніе контръ-революціоннаго процесса, слѣдующаго за диктатурой большевизма. Но политическая реставрація возможна только мимолетная. Не можетъ быть прочнаго господства партіи безъ соціальныхъ корней. Но объ эко но мическо ой реставраціи не можетъ быть и рѣчи; она вызвалабы единодушное возстаніе крестьянства. Поэтому и политическое господство этой партіи, если-бъ до этого дѣло дошло, возможно лишь на одинъ историческій мигъ.

Дворянство разсосется и умретъ.

2. Новое крестьянство.

Вмѣсто него растетъ и зрѣетъ новый хозяинъ земли русской — новое крестьянство. Это новое крестьянство есть тоже плодъ революціи, одна изъ «постоянныхъ» величинъ грядущей Россіи.

Но какъ измѣнилось крестьянство за эти годы! Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ старый «бытъ»!

Вы знаете французскаго пейзана? Это идеалъ разсчетливости и мелочности. Онъ сегодня припомнитъ, съ точностью до одного су, всѣ расходы свои въ каждый мѣсяцъ прошлаго года. Онъ въ точности знаетъ, черезъ сколько лѣтъ онъ прикупитъ у сосѣда два акра, и черезъ сколько лѣтъ жена его сошьетъ новое пальто. Онъ планомърно организуетъ свое производство дѣтей и надолго впередъ разсчиталъ, что ихъ будетъ ровно двое. Онъ идеальный мѣщанинъ.

Сравните съ нимъ нашаго стараго русскаго мужичка! Онъ соберется въ городъ, чтобъ купить платье дѣвченкѣ на «синенькую», и по дорогѣ пропьетъ ее. Онъ слышитъ о хорошихъ цѣнахъ, а не умѣетъ выжать изъ земли больше нишенскихъ 40—50 пудовъ. Онъ голоденъ, а изба полна дѣтей. Онъ нищъ, а дѣлится съ сосѣдомъ. Его потребности мизерны, и кругозоръ ограниченъ ближайшимъ частоколомъ.

Такъ было очень недавно. Но — quantum mutatur ab illo! Передъ глазами его прошла революція, и онъ поститъ прежде таинственную, а на дѣлѣ столь несложную механику власти. Нѣгъ уже величественныхъ, исторіей освященныхъ фигуръ земскаго, губернатора, министра и царя. Они оказались маленькими людьми, изъ того-же тѣста сдѣланными, что и онъ самъ. А деревенскій Ванька, котораго онъ давеча нещадно лупилъ, вышелъ нынѣ въ комиссары, и очень, пожалуй, въ своемъ родѣ недуренъ. И цѣлый калейдоскопъ министровъ, комиссаровъ, исполкомовъ, декретовъ, приказовъ и инструкцій прошли передъ нимъ — онъ понялъ земное происхожденіе власти; онъ уразумѣлъ, что и самъ онъ можетъ управлять и какъ онъ долженъ управлять.

Передъ его глазами прошли города и горожане, вереницы суровыхъ продотрядовъ, пронырливыхъ спекулянтовъ и блѣдныхъ, отощавшихъ мѣшечниковъ. Корка хлѣба на вѣсъ золота, окорокъ за пару сапогъ. И никто не можетъ быть сильнѣе его. Всѣ у него просятъ, господомъ богомъ заклинаютъ, а онъ спокойно рѣшаетъ, кому дать, кому нѣтъ и сколько съ кого взять. Города — это «обжорки», въ городахъ толпы дармоѣдовъ. Пусть не попрошайничаютъ, а пусть работаютъ! И онъ ужъ убѣжденъ, что одинъ только онъ и работаетъ — е м у и деньги и власть.

Отъ старой широты и слъда не осталось. Онъ уже мелоченъ и разсчетливъ. Кругомъ столько голоду, что «всъхъ не накормишь». Поэтому «Богъ подастъ». А онъ калькулируетъ, какъ истинный буржуа, что продать, и что припасти; чъмъ засъять, чтобъ больше выручить. Старую рутину, какърукой сняло. Вездъ новое, или поиски новаго.

Народился деревенскій буржуа. Его сдавливаетъ еще совътскій строи. Пусть и свобода торговли — но онъ боится прослыть кулакомъ. Поэтому онъ не ръщается выдвинуться впередъ изъ сърой толпы односельчанъ. Но придетъ времячко — и «мы поработаемъ»!

До сихъ поръ экономическая политика коммунизма привела къ громадному поравненію въ деревнъ. Крайности богатства и бъдности стерлись, и типъ средняго крестьянина

сдѣлался еще болѣе преобладающимъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Иначе оно и быть не могло послѣ работы комбѣдовъ, надѣленія безземельныхъ и безконечныхъ передѣловъ общинной земли.

Но это равенство — лишь начало новаго неравенства. Въ современныхъ условіяхъ совершенно немыслимо закрѣпить прочно какое-либо фиксированное распредѣленіе земли, и предупредить образованіе крупныхъ хозяйствъ. Это невозможно, но это и вредно. И когда закончится эпоха экономической утопіи — а она быстро идетъ къ концу — крестьянская собствен ность будетъ признана за крестьянами со всѣми правами собственности. Но мобилизація этой земельной сооственности начнется тогда въ крупныхъ размѣрахъ. Вотъ тогда-то крестьянство и «покажетъ, себя».

Не слъдуетъ думать, будто съ уничтоженіемъ дворянскихъ имъній, крупное землевладъніе въ Россіи невозможно. И не нужно думать, будто каждому новому имънію, которое образуется, вновь грозитъ участь быть разгромленнымъ. Крестьяне оказались на минуту «коммунистами», когда надо было подълить дворянскія имънія. Но такая минута не повторится опять въ теченіе цълыхъ покольній. И переживъ эту коммунистическую минуту, крестьяне сдълались еще большими «собственниками», чъмъ они были когда-либо до сихъ поръ.

Поэтому образованіе крупныхъ крестьянскихъ и купеческихъ владѣній, будетъ происходить въ будущемъ болѣе быстро, чѣмъ оно шло до революціи. Содѣйствіе банковъ при продажахъ и покупкахъ земли, совершенно не обремененной долгами, ускоритъ эти процессы въ громадной степени. Разслоеніе крестьянства, сдержанное до революціи общимъ гнетомъ, а за время революціи — большевистской политикой, пойдетъ теперь гигантскими шагами впередъ. Въ условіяхъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, господствующихъ на міровомъ рынкѣ, все это можетъ сдѣлаться источникомъ быстраго обогащенія крестьянства.

Эта картина противоръчитъ однако нынъшнему положеню дълъ самымъ разительнымъ образомъ. Три — четыре года прошли послъ освобожденія крестьянства отъ старой власти,

и вмѣсто подъема его хозяйства и благосостоянія — растущее обнищаніе и ужасающій голодъ. Что это доказываетъ? Что вопреки благопріятнымъ условіямъ, крестьянство нищаетъ отъ терроризма и утопизма чуждой ему власти, и что, такимъ образомъ, разцвѣтъ крестьянскаго хозяйства требуетъ новыхъ политическихъ условій. Этимъ противорѣчіемъ рѣшена судьба большевизма.

3. Новая буржуазія.

Послѣ войны она міровое явленіе. Въ каждой странѣ новая буржуазія обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Она называется шиберами въ Германіи, нуворишами во Франціи, гулашъ-баронами въ Скандинавіи. Если прежде, до войны, обмѣнъ веществъ между соціальными классами ежегодно подбавлялъ въ буржуазію нѣсколько незамѣтныхъ капель плебейской крови, то теперь исторія подливаетъ ее цѣлыми ведрами, деградируя подчасъ массами застоявшіеся наверху общественные элементы. И вездѣ новая буржуазія отличается одними и тѣми же характерными чертами. Она груба и некультурна, примитивно-безцеремонна, безконечно-алчна; она съ трудомъ усваиваетъ внѣшнія отличія «высшаго общества» и съ наивнымъ безстыдствомъ и безвкусіемъ выставляетъ напоказъ свое новое богатство.

Но вездѣ она съ молніеносной быстротой усваиваетъ политическую систему буржуазіи, подчиняя себѣ извѣстныя партіи и извѣстныхъ политиковъ, и превращаетъ ихъ въ орудіе защиты и умноженія пріобрѣтенныхъ капиталовъ.

Но Россія обогнала весь міръ. Въ Россіи процессъ обновленія буржувзіи зашелъ дальше, чѣмъ гдѣ-либо. Въ Россіи не только нѣкоторые старые элементы буржувзіи, разоренные войной, уступили мѣсто новымъ, а весь классъ, какъ будто нырнувъ подъ воду на пару лѣтъ, вновь выходитъ теперь на поверхность, радикально преобразившись и по составу своему, и по характеру, и по политическимъ устремленіямъ. Къ хозяйственнымъ послѣдствіямъ войны въ Россіи присоединилась политика коммунизма, которая должна была безъ долгихъ разсужденій уничтожить буржувзію. И дѣйствительно,

старая буржуазія была уничтожена экономически, а отчасти и физически. Но изъ гроба стараго класса росъ наслѣдникъ его, на которомъ всякій узнаетъ слѣды воспитанія въ эпоху «первоначальнаго накопленія»: каждый установитъ въ немъ слѣды амальгамы самыхъ разнородныхъ элементовъ изъ самыхъ различныхъ соціальныхъ слоевъ. Стого входитъ кое-кто изъ уцѣлѣвшихъ элементовъ старой буржуазіи — наиболѣе ловкіе, пронырливые, хитрые, предпріимчивые. Они отплыли отъ того берега и, послѣ всевозможныхъ приключеній, причалили къ этому берегу, немало пострадавъ, конечно, но все еще въ качествъ капиталистовъ. Но и они, физически тѣ-же, что и прежде, совершенно переродились въ перипетіяхъ революціи. Они вдохнули новаго воздуха и заразились всѣми болѣзнями новой б у р ж у а з і и.

А эта новая буржуазія — кого-кого только въ ней нътъ! Дезертиры пойманные и не пойманные; приказчики, наворовавшіе товару въ моменты реквизицій; рабочіе, бросившіе станокъ, понатаскавъ предварительно почтенную толику матеріалу; крестьяне изъ подгородныхъ, баснословно нажившіеся на молокъ и овощахъ; агенты чрезвычаекъ, этихъ великихъ клоакъ, гдъ происходитъ массовое самозарожденіе буржуазіи; чиновники и «спецы» всѣхъ вѣдомствъ, не только готовые в з я т ь взятку, — но и умъющіе заломить хорошую цъну за услуги; кондуктора и машинисты, съумъвшіе использовать фантастическія различія въ цінахъ, уличные торговцы, предпріимчивые швейцары, курьеры великихъ особъ, уголовные преступники, содержатели домовъ свиданій, дипломатическіе курьеры, люди всвхъ ранговъ ії классовъ, всвхъ національностей и половъ, начальники и подчиненные, слѣдователи и подслъдственные, экспропраторы и экспропріированные, дворяне, мъщане и крестьяне, люди безъ отца-матери, безъ роду и племени, но за то съ тѣмъ громаднымъ запасомъ авантюризма, который нуженъ, чтобы рискуя головой набивать себъ карманы и выйти сухимъ изъ пучинъ великаго водоворота. Всв они познакомились за эти годы съ мъстами заключенія, подвергались облавамъ и розыскамъ, научились конспираціи и шифру, прошли огонь и воду и м'єдныя трубы.

И эта исторія происхожденія новаго буржуа накладываетъ на него особый отпечатокъ. Отъ старой «солидности» крупнаго капитала и слъда не осталось. «Солидныхъ» фирмъ больше нътъ и долго ихъ на Руси не будетъ. Воспитанный на постоянномъ нарушеніи законовъ, мошенничеств и взяткъ, новый буржуа отнюдь еще не понимаетъ, что честность и аккуратность въ торговомъ обиходъ можетъ быть выгодна, можетъ даже сдълаться правиломъ. Массовая безнаказанность въдь наказанныхъ ничтожный процентъ — воспитываетъ массовое пиратство. И поэтому еще много времени пройдетъ, пока въ Россіи создастся буржуа европейскаго типа, пока исчезнетъ типъ новъйшаго «завоевателя», во всъхъ отношеніяхъ «свободнаго», обязательствъ не выполняющаго, договоровъ не признающаго, сбывающаго гнилой товаръ, надувающаго публику и государство, неуплачивающаго ни копейки налоговъ, и въ то же врамя самоувъреннаго и безмърно гордаго своими блестящими успъхами на жизненномъ пути.

Но почему же родилась новая буржуазія, когда старая была уничтожена? Почему изъ общаго равенства, установленнаго закономъ и властью, создалось вновь громадное неравенство? Потому, что для экономическаго равенства въ Россіи нътъ еще никакихъ предпосылокъ; потому что зашнурованная въ государственные планы экономическая жизнь въ ней не можетъ развиваться, и что вмъсто коммунизма—«коллективной борьбы человъчества съ природой» — развилась въ условіяхъ неслыханнаго голода самая примитивная борьба за существованіе; борьба, въ которой вырываютъ кусокъ хлъба изо рта ближняго, гдъ высшимъ закономъ нравственности является принципъ: хоть день, да мой! И каждый новый шагъ по пути хозяйственнаго разложенія увеличивалъ бъдствія голода и нищеты, усиливалъ хаосъ, обезсиливалъ государственное хозяйство и давалъ жизнь новымъ толпамъ новыхъ буржуа, которые въ эти годы «послъдовательнаго коммунизма» рождались какъ черви изъ трупа разлагающагося хозяйства.

Ихъ и до «новаго курса» воспитывало коммунистическое государство, которое, нуждаясь въ товарахъ, въ концѣ концовъ было вынуждено къ ихъ помощи прибѣгать. Тамъ, гдѣ

дъло не терпъло отлагательства, напримъръ, въ области военнаго снабженія или дровяныхъ заготовокъ, привлекалась «частная иниціатива» подъ лицем врно-коммунистическим ъ ярлыкомъ «государственныхъ заготовителей» и «агентовъ». Такъ называемыя «кустарныя» или «кооперативныя» товарищества, ничего общаго не имъвшія на старнымъ производствомъ, ни съ коопераціей, росли какъ грибы, и служили прикрытіемъ для капитала. Даже самую неприкрытую спекуляцію пришлось допустить январскимъ декретомъ 1919 года, установившимъ, что совътскія учрежденія, въ случат невозможности покрыть свои потребности въ товарахъ продуктами государственныхъ индустрій, имъютъ право обращаться на вольный рынокъ. Г. Крыленко, занявшійся впослъдствіи неблагодарной задачей изученія дъйствія этого декрета, установиль съ документами въ рукахъ и съ большимъ сокрушеніемъ, сколько десятковъ милліоновъ ушло такимъ образомъ на вольный рынокъ для экономическаго воспитанія новой буржуазіи.

Но до весны 1921 года буржуазія все-же существовала нелегально. Обладаніе милліонами с а м о п о с е б ѣ было преступленіємъ, и нійкакія законныя основанія не спасали отъ органовъ репрессій. Въ борьбѣ за свое существованіе буржуазія поэтому постоянно колебалась между союзомъ съ чека при помощи взятки и борьбой съ чека при помощи конспираціи. Но во всѣхъ случаяхъ она должна была дѣлиться своими прибылями съ власть имущими и непроизеольно воспитывать своихъ будущихъ коллегъ и конкуррентовъ.

«Новый курсъ» прозвучаль для нее поэтому какъ великая Будущіе идеологи и историки буржуазіи отмътять класса лътніе декреты среди разныхъ успѣховъ ототе 1921 года И «реформу че-ка» •ВЪ началъ 1922 года, какъ самую яркую побъду капиталистическаго принципа Въдь на полъ сранадъ утопическимъ коммунизмомъ. женія буржуазін не было. Ни политическихъ, ни экономическихъ требованій она не ставила. Она не воевала, она завоевала себъ не мало правъ! Ея побъда была побъдой принципа капитализма: она молчаливо добилась того, что

органы большевистской власти потъснились, чтобъ дать ей мъсто, какъ «полезному сословю»; она достигла наконецъ того, что на тысячахъ митинговъ и въ тысячахъ статей большевистскіе писатели и ораторы должны внушать своимъ низамъ осторожное и почтительное отношеніе къ этому новому классу, предостерегать отъ конфискаціи и реквизиціи и грозить своимъ младшимъ братьямъ тяжкими карами за нарушеніе священныхъ правъ частной собственности.

Но «новый курсъ» еще не капитализмъ, это только принципіальная побъда новой буржуазій. Это періодъ, когда изъ складокъ коммунистической мантіи выходять на свъть Божій скрывавшіеся въ ней буржуазные элементы. Они расправляютъ свои члены, обзаводятся фирмами, компаньонами, утверждаютъ за собой лавки и фабрики и, приступая большой опаской къ капиталистической работъ, консолидируются тѣмъ временемъ въ особый классъ, который какъ и всякій классъ, скоро чувствуетъ, гдъ жметъ сапогъ. Хозяйственно-организаціонное и политическое оформленіе новой буржуазіи начинается лишь теперь на нашихъ глазахъ.

Ее давитъ большевизмъ и въ отрицаніи его она готова идти очень далеко. Но плохъ онъ съ ея точки зрънія не тъмъ, что онъ представляетъ режимъ суровой диктатуры, старое самодержавіе наизнанку, не тімь онь давить новую буржуазію, что онъ не знаетъ и знать не хочетъ свободъ для политическихъ организацій. Если ликвидація террора соотвътствуетъ интересамъ и является сейчасъ лозунгомъ всъхъ классовъ Россіи, то новую буржуазію отнюдь не одушевляетъ идеалъ свободнаго демократическаго государства. Наоборотъ, преклоненіе передъ «сильной властью» сдѣлало среди нея большіе успѣхи, несмотря на четырехлѣтній опытъ большевизма. Высокомърное преэръніе къ людской пыли, изъ которой удалось подняться вверхъ новой буржуазіи, она раздѣляетъ съ большевистской доктриной, вгонявшей коммунизмъ въ сопротивляющуюся массу нагайками и патронами. Съ нимъ же она раздъляетъ и нелюбовь къ парламентаризму, къ «говорильнямъ», ко всяческимъ принципамъ, и вмъстъ съ нимъ, Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 11

5. co 3 1 100 A ...

наконецъ, она полагаетъ, что съ «нашимъ народомъ ничего не подълаешь, безъ палки никакъ невозможно!»

Больше того. Съ большевизмомъ ее соединяетъ и самоувъренное сознаніе, что исторія человъчества съ нея только и начинается. У нея нътъ корней прошломъ режимъ, и не ее экспропріироваль октябрьскій перевороть. Наобороть, не будь октября, этотъ слой не сталъ бы буржуазіей, а продолжалъ бы и сейчасъ тянуть тяжелую лямку, и милліоновъ ему не видать бы какъ своихъ ушей. У него нътъ потому, да и не можетъ быть того огульно-ненавистническаго отношенія къ революціи, которое одушевляетъ разоренные элементы старой буржуазіи. Новая буржуазія не принадлежитъ къ «блоку экспропріированныхъ», объединяющему всёхъ отъ зубровъ до прежнихъ либераловъ, устами своихъ идеологовъ провозглашающихъ, по отношенію къ большевизму, простой и откровенный лозунгъ: «напроломъ»! Но она желала-бы, чтобъ революція закончилась съ того момента, какъ она сдълалась могущественнымъ классомъ. И новая буржуазія, конечно, не прочь поговорить о томъ, «когда-же, наконецъ, слетятъ большевики». Но ее не одушевляютъ ни интервенціи, ни блокады; а потребности реальной политики заставляютъ ее идти по совершенно другому пути.

Этотъ новый путь состоитъ въ томъ, чтобъ, покуда не удалось наложить руку на государственную власть, - исподволь, шагъ за шагомъ подчинять себъсамыя важдля нея части совътскаго государственнаго аппарата. Союзь торговцевъ съ милиціей, покупаемый дорогой цівной, часто спасаль и спасаеть отъ выполненія множества неудобныхъ декретовъ, отъ обысковъ и реквизицій. Связь съ чрезвычайными комиссіями, когда она удается, даетъ тъ же гарантіи въ квадратъ. «Своя рука» въ совнархозахъ охраняетъ отъ назойливаго контроля и тяжелыхъ арендныхъ условій. Жилземотдълы, въдающіе распредъленіемъ помъщеній; транспортные отдълы, въдающіе городскимъ транспортомъ; желъзнодорожное въдомство, управляющее перевозками, и т. д. почти безъ конца, - все это подкупается, соблазняется, арендуется и втягивается матеріально

и идейно въ сферу новой буржуазіи. Механики, химики, инженеры и адвокаты, жившіе впроголодь на совътскихъ пайкахъ, не покидаютъ и сейчасъ, въ массъ своей, совътской службы. Но они втягиваются уже въ качествъ сотрудниковъ, пайщиковъ, юрисконсультовъ въ новый капиталистическій міръ.

Одной ногой въ правительственной машинъ, другой въ буржуазномъ оборотъ — это то именно, что нужно новой буржуазіи. А за массой спецовъ и кое-кто изъ высшихъ покровителей новаго курса — новые генералы, и даже кое-кто изъ чекистовъ — присасываются и примазываются къ совбуржуазіи, не переставая, впрочемъ, быть коммунистами высшей марки. Такъ тонкая съть буржуазныхъ интересовъ, заброшенная въ среду совътской бюрократіи, приноситъ богатый уловъ. Такъ заинтересованность въ новомъ способъ производства подчиняетъ ту или иную часть совътскаго аппарата интересамъ новой буржуазіи.

Но эти успъхи имъютъ свои предълы. Дальше опредъленнаго пункта они не могутъ и не смогутъ зайти. Ни подчинить себъ политику власти, ни поставить себъ на службу всю государственную машину новая буржуазія не можетъ тъми методами которые я сейчасъ упоминалъ, и которые даютъ лишь нъкоторый просторъ для ея хозяйственныхъ операцій. Она не можетъ мириться съ коммунизмомъ какъ властью, — съ одной стороны. И она не можетъ заставить коммунизмъ цъликомъ переродиться и выполнить ея потребности — съ другой. Поэтому проникая въ среду коммунистовъ, коррумпируя эту среду, новая буржуазія подготовляетъ разложеніе коммунизма и выдъленіе изъ него слоя бюрократически-буржуазнаго; который, корнями уходя въ революцію, безконечнодалекій отъ стараго режима, будетъ осуществлять потребности буржуазіи въ новой Россіи. Новой буржуазіи не нуженъ ни старый режимъ, ни демократія, ни совътскій строй. Но она готова работать въ любыхъ благопріятныхъ условіяхъ и готова мириться и съ республикой и съ монархіей, если они откроютъ просторъ капиталистическому развитію.

4. Новая интеллигенція.

До революціи русская интеллигенція была синонимомъ революціонности и самопожертвованія. Она вѣчно горѣла революціоннымъ огнемъ. Она не знала компромиссовъ въ борьбѣ. Она дала міру образцы политическихъ героевъ, съ которыми не сравняются лучшіе дѣятели европейскихъ революцій. Она презирала «уютъ» и «спокойствіе», она ненавидѣла «обывательщину» и «мѣщанство». Она искала «цѣльнаго міровоззрѣнія», и энциклопедическія познанія цѣлыхъ слоевъ русской интеллигенціи всегда отличали ее отъ европейскихъ спеціалистовъ своего дѣла, довольно невѣжественныхъ во всемъ, что не имѣетъ непосредственнаго касательства къ ихъ промыслу. Она ненавидѣла богатыхъ, и нищій «народъ» былъ для нее источникомъ вдохновенія и носителемъ всего честнаго, высокаго и великаго.

За исключеніемъ короткихъ революціонныхъ періодовъ (1903—1906 и 1917—1921 гг.), революціонныя партіи были партіями интеллигенціи. Масса интеллигентной «молодежи» была ареной борьбы для революціонныхъ партій. Студенчество было оплотомъ революціи. «Принадлежность къ партіи» (т.-е. къ революціонной партіи) или по крайней мѣрѣ сочувствіе партіи были правиломъ, допускавшимъ лишь рѣдкія исключенія. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, прошедшаго со времени декабристскаго возстанія, интеллигенція вынесла на своихъ плечахъ почти все бремя революціонной борьбы.

Но прошло нѣсколько революціонныхъ лѣтъ — и какъ рѣзко измѣнилась картина! Отъ старой интеллигенціи не осталось и слѣда. Передъ вами масса растерянныхъ и разочарованныхъ людей, безъ огня въ глазахъ, безъ живости въ движеніяхъ, безъ политической идеи въ головѣ; — но за то страшно голодныхъ и раздраженныхъ. Они были марксистами и народниками. Но много-ли осталось отъ этихъ великихъ идей? Какіе-то клочья, обрывки, цѣпь мыслей, разорванная революціей во множествѣ мѣстъ; и нѣтъ ни силъ, ни энергіи, ни охоты приняться вновь за починку стройнаго зданія, какимъ казалось прежнее міровоззрѣніе.

Въра въ народъ? Но крестьянство сначала разграбило помъщиковъ предало войну, а теперь грабитъ города и предаетъ интеллигенцію. Итакъ, борьба съ крестьянствомъ? О нътъ, въдь крестьянство и есть народъ... Тогда какъ-же?... И нътъ отвъта.

Рабочій классъ? Но онъ поддержалъ большевиковъ, оказался застръльщикомъ въ октябрьскомъ переворотъ, поставлялъ дъятелей въ че-ка и вохру, плохо работалъ на заводахъ. Значитъ укротить пролетаріатъ драконовскими мърами? Конечно нътъ... Но что дълать, неизвъстно.

Наконецъ, сама интеллигенція, третій изъ китовъ, на которыхъ держится революція, по старой теоріи. Но нѣтъ вѣры въ самое себя, нѣтъ уваженія ни къ кому изъ старыхъ кумировъ, и нѣтъ увѣренности, что кто-либо выведетъ на новый путь. И она покорно, почти какъ должное, принимаетъ унизительные эпитеты коммунистической демагогіи.

И какой политическій строй долженъ быть цѣлью движенія? Царизмъ, разумѣется, отвергнутъ. Ограниченная монархія была и раньше «головнымъ продуктомъ» для немногихъ политиковъ, ни кого въ сущности не одушевляя. Откуда бы ей получить теперь притягательную силу? Республика, демократія? Конечно... Но она связана съ воспоминаніями о «керенщинѣ», и капелька истины вѣдь есть въ неустанныхъ больщевистскихъ напоминаніяхъ, что она «обанкротилась»? Совѣтскій строй, диктатура пролетаріата? Нѣтъ, и они непріемлемы. Что-же хорошо, въ такомъ случаѣ?... Но мысль слишкомъ устала, чтобъ заново разбираться въ этихъ вопросахъ.

Не только мысль устала. Уже и душа не лежитъ къ этой работъ. Наступило утомленіе не только ума, но и темперамента. Въдь вся эта трагедія загадокъ вызвана ничъмъ инымъ, какъ наступленіемъ революціи, — той самой революціи, о которой мечтали всъ великіе вожди и рядовые дъятели интеллигенціи, за которую такъ недавно она безъ страха принимала казнь и каторгу, во имя которой погибли ея лучшіе герои. «И вотъ она — твоя долгожданная революція!»: не злая насмъшка черной сотни звучитъ у нашего интеллигента въ

ушахъ, а какой-то внутренній голосъ, робкій и тихій, но настойчивый и назойливы.

«Ты ждалъ ее, какъ в въсту. Ты ожидалъ, что она придетъ нъжная, мягкая, гуманная; ты думалъ, что ликованію не наступитъ конца; что она залъчитъ всъ раны, положитъ предълъ ужасамъ внутренней и внъшней войны, уничтожитъ навъкъ и ссыскъ, и охранку, и тюрьмы, и каторгу; что она накормитъ голодныхъ, утретъ слезы несчастнымъ, и откроетъ народу прямой путь къ въчному счастью — соціализму.

«И вотъ она пришла. Но когда она обнажилась передъ тобой, ты отшатнулся. Она принесла и че-ка и безграничную взятку, она пролила моря крови, она вызвала новыя, братоубійственныя войны, и съ нею ворвались и голодъ и моръ. И не всеобщее счастье съ нею пришло, а всеобщее недовольство. Твой отецъ разстрълянъ, твой сынъ умеръ отъ тифа, и самъ-то ты въ дару лътъ постарълъ и опустился! Вотъ она — твоя революція!

«Это, ты говоришь — не революція, а большевизмъ? Вздоръ, голубчикъ, ты и самъ это знаешь. Въдь революція либо подготовляла большевизмъ, либо была большевизмомъ. Въдь большевизмъ тоже революція, а изъ протекшихъ 5 лътъ революціи, больше четырехъ приходится на большевизмъ. Ты хотълъ революціи, значитъ ты долженъ «пріять» и большевизмъ. Не хочешь? Ну, тогда пойми: надо отказаться отъ революціи... Оставь старыя мечты: «свободу», «демократію»...

— Но что-же тогда дѣлать?

«Что дѣлать? Ты и самъ давно знаешь: заимись собой. Оставь политику и идеалы, мечты о народѣ и соціализмѣ. Оставь ихъ тихо, незамѣтно, какъ это сдѣлали N и NN. Лишній паекъ получи; о дровахъ на зиму подумай; да новую службу поищи — авось выйдетъ лишняя тыщенка.»

Сколько тысячъ разъ этотъ ходъ мыслей вы могли наблюдать въ эти годы среди русскихъ интеллигентовъ! Лишній паекъ и лишняя тыщенка — къ этому сводится все. Матеріальныя лишенія, которыя выносились цъльми покольніями интеллигенціи спокойно и безмолвно, сгустились теперь до

того, что сдѣлались центромъ жизни. Они сдѣлались тѣмъ «матеріальнымъ бытіемъ», которое всецѣло доминируетъ надъ «сознаніемъ», и между бытіемъ и сознаніемъ самая тѣсная, непосредственная, откровенная связь. И сдѣлки со своей совѣстью — что можетъ быть легче при этихъ условіяхъ?

Прежде онъ бранилъ, ненавидълъ, презиралъ «богатыхъ». Онъ держался передъ ними гордо, вызывающе. Онъ ихъ третировалъ какъ кровопійцъ. Теперь онъ приглядълся къ нимъ поближе, — и его охватываетъ зависть и восторгъ. Какая ловкость, какой умъ, какое умѣнье обойти законъ! И какое счастье жить въ теплѣ и довольствѣ, каждый день мясо и бѣлыя булки, и всѣ магазины, и моторы, и женщины къ его услугамъ!

«Какъ онъ добился этого? Это не секретъ — взятки, таинственные «авансы» :.. Нехорошо, конечно. Но ...»

У голова начинаетъ у голодомъ замореннаго интеллигента подыскивать объяснение — оправдание.

«50 милл. изъ государственной кассы. Что теряетъ отъ этого казна? Въдь она все равно печатаетъ безъ конца, и ей 50 милл. ничего не стоятъ. Почему, въ концъ концовъ, не взять?»

«Большевики сами все захватили. Гръхъ-ли у нихъ взять назадъ?»

«N предлагаетъ милліонъ за «услугу». Но самъ онъ награбилъ, и не одинъ, а сто милліоновъ. Почему-же не взять? «И наконецъ, чортъ побери, надо-же какъ-нибудь житъ. Не умирать-же подъ заборомъ!»

Что есть добро и что есть зло? Отвъта нътъ. Понятія перемъшались. «Если я пользуюсь хлъбной карточкой уъхавшаго человъка, можно-ли это? Конечно, можно, въдь это всъ дълаютъ! Но въдь я у кого-то отнимаю хлъбъ? Значитъ — мое счастье».

«Ну, а если я продамъ эту карточку за полъ-милліона? Почему это будетъ плохо?»

«А если я куплю три хлъбныя карточки, а потомъ продамъ ихъ, съ прибылью конечно? Чъмъ это плохо?»

«Спекуляція? Но кто-же нынче не спекулянтъ? Я продалъ изъ пайка 5 фунтовъ соли. Развъ это не спекуляція? А если продамъ свой ордеръ на сапоги, въдь въ этомъ тоже ничего дурного!»

Гдѣ грань между «можно» и «нельзя»? Вѣдь на фальши построено все существованіе. Никчемная работа безъ общественной пользы; оплата за какіе-то сверхурочные часы, которыхъ никто не отработалъ; премія, ничѣмъ не заслуженная; десятокъ ложныхъ удостовъреній въ карманъ о тяжкой болѣзни, о смерти матери, о переъздъ на квартиру, рецепты на спиртъ, масло...

«Всѣ другъ друга надуваютъ. Ты будешь послѣдній честный человѣкъ. Дуракъ!..»

И путь къ коррупціи пройденъ до конца. Дойдетъ-ли до «дѣла», это — вопросъ факта. Но психологическій переломъ совершился. Какіе это наивные люди, которые продолжаютъ бушевать и волноваться о благѣ народа! Это было мило и красиво, но это давнопрошедшее время. Это превзойденная ступень развитія. Это праздничное занятье. А въ будни надо подумать о другомъ. Надо пристроиться.

Всѣ заботы обывателя — вѣдь это и есть человѣческая жизнь, и ничто средне-человѣческое ему не чуждо. Изъ мелочей состоитъ жизнь, вниманіе къ мелочамъ! Мелочность? Да, это неизбѣжная черта. Она дѣлается господствующей въ психологіи интеллитенціи. Обезпечить себѣ жизнь, пристроиться въ удобномъ мѣстѣ, жениться на богатой.

Такова послъ - революціонная интеллитенція. Она готова принять любой режимъ, хотя-бы и деспотическій, если онъ создастъ сносныя условія матеріальнаго существованія. Она будетъ рукоплескать ему, бѣжать за его колесницей. Она больше не будетъ потрясать основъ.

Она расплывается и разсосется среди классовъ. Она больше не имъетъ и не будетъ имътъ своего собственнаго общественнаго движенія. Она сдълалась интеллигенціей «европейскаго» типа, смирная, буржуазная и умъренная.

5. Рабочій классъ.

Что касается рабочихъ, то и здѣсь перемѣны очень велики. Но измѣненія эти надо изучать не по лубочнымъ изображеніямъ коммунистической печати, гдѣ фигурируетъ вѣрноподданный, благонамѣренный, благоразумный и благожелательный, прилизанный и приглаженный, вѣчно-послушный, пай-рабочій. Надо понять, что для средняго русскаго рабочаго, сначала неопредѣленно-революціоннаго, а затѣмъ, на короткое время, коммунистически-воспламененнаго, исторія послъднихъ 3 лѣтъ была сплошной цѣпью разочарованій.

На короткое время — конецъ 1917 и начало 1918 года онъ былъ хозяиномъ. Это было время «рабочаго контроля». Сколько надеждъ и упованій было связано съ рабочимъ контролемъ! Въдь въ глазахъ сърой рабочей массы, пролетаріатъ только тогда самъ управляетъ производствомъ, когда заводомъ распоряжаются цъликомъ работающіе въ немъ люди. А государственная форма управленія (хотя бы государство и было самымъ архирабочимъ) означаетъ назначеніе дирекціи и высшихъ служащихъ, руководство извнъ, нъмѣры строгой извнъ - навязанной дисциплины и возвращение къ системъ обычнаго наемнаго труда. Вотъ почему идея примитивнаго «рабочаго контроля» популярна еще въ Европъ. Не потому, чтобъ она была орудіемъ уничтоженія капитализма и организаціи государственно-коммунистическаго хозяйства, какъ любятъ изображать коммунисты. Она имъетъ для среднихъ элементовъ рабочей массы с а м о ц ъ н ность въ качествъ единственной формы непосредственнаго управленія производствомъ.

И вотъ этотъ опытъ продъланъ. Что же далъ онъ рабочимъ? Результаты оказались плачевные. Громадное сокращеніе производства, паденіе дисциплины, конкурренція за сырье и топливо съ сосъдними фабриками, новый индивидуализмъ и эгоизмъ, и хаосъ въ общегосударственной хозяйственной системъ. Итоги печальные! Растерянные и обез-

кураженные, рабочіе не особенно сопротивлялись, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ такого опыта рабочій контроль и рабочее управленіе были ликвидированы, и хозяиномъ сдѣлалась центральная власть. Но ни пришедшіе имъ на смѣну коммунистическіе бюрократы, ни всевѣдущіе коммунистическіе журналисты не въ силахъ понять того удара, который былъ этимъ нанесенъ наивнымъ надеждамъ рабочей массы.

«Нуженъ хозяинъ!» — вотъ психологическій итогъ рабочаго контроля и рабочаго управленія. Хозяиномъ дѣлается государство. Рабочіе настороженно приглядываются къ манерамъ новаго хозяина. Не дастъ ли онъ все же сносныхъ и здоровыхъ условій работы и жизни? Но этотъ новый хозяинъ оказывается чудовищной бюрократической машиной, которая застопорила производство даже тамъ, гдѣ оно могло бы идти впередъ. Производство продолжаетъ сокращаться, положеніе рабочихъ продолжаетъ ухудшаться, и голодъ растетъ съ каждымъ днемъ.

А внутренніе распорядки? Они хуже, чѣмъ было до революціи. «Желѣзная дисциплина», поддержанная драконовскими мѣрами. Обыски рабочихъ при выходѣ. Множество добровольныхъ и наемныхъ соглядатаевъ; борьба съ «саботажемъ» изнуренныхъ рабочихъ при помощи Че-ка, комиссаровъ, комячеекъ, трибуналовъ. Милитаризація заводовъ, какъ завершеніе этого процесса! Вы спросите меня, что было иного дѣлать коммунистамъ, когда на заводахъ непрерывно падала производительность и дисциплина? Да, продѣлавъ предварительно все прочее, ничего другого не оставалось для коммунизма, какъ ввести каторжный режимъ. Но не объ этомъ вѣдь рѣчь. Я констатирую факты этого режима, чтобъ выяснитъ рождающіяся на этой почвѣ настроенія.

Наконецъ, заработная плата. Сначала возрожденіе сдѣльной оплаты, въ качествѣ системы, способной вызвать максимумъ энергіи и конкурренціи. Но вѣдь каждый рабочій спрашиваетъ самого себя: «какъ, вѣдь такъ недавно еще мы осуждали сдѣльную плату, какъ нарушающую равенство и выжимающую соки изъ рабочаго! Раньше, говорятъ комму-

нисты, эти соки шли на пользу капиталу, а теперь идутъ рабочему государству. Но если сдъльная плата способна усилить производство, значитъ нашъ прежній отказъ отъ нея сокращалъ производство. А если теперь мы къ ней вернемся, вернется и различіе въ оплатъ; слабые, женщины и старики опять будутъ нищіе, а здоровые мужчины будутъ аристократіей. Какъ быть?»

Какъ быть? На этотъ вопросъ ни одинъ рабочій не находилъ отвъта. Ему ничего не оставалось, какъ согнувъ спину, работать на новыхъ условіяхъ. Но еще одна изъ великихъ надеждъ была разбита.

Затъмъ пришла преміальная плата, разнообразіе пайковъ, высшія «выдачи» для дирекцій и т. д. Въдь нужно «привлекать спеціалистовъ». Но оказывается, «спецъ», получая лучшіе пайки, работаетъ такъ же плохо, какъ всъ остальные, и производство ничуть не поправляется. Какъ быть?

Наконецъ, число рабочихъ часовъ. Оно увеличивается далеко за 8-мичасовую норму, а эфемерный профсоюзъ и не спрашиваютъ. Что же это означаетъ? Въдь новый-то хозяинъ ничуть не лучше стараго, а дъла поставить не умѣетъ. Не лучше ли ужъ старый хозяинъ?

«Старый хозяинъ? Но въдь всъ его хорошо помнятъ! Штрафы, брань, вычеты, разсчеты, доносы, нищета — этого долго не забыть. Но и новый хозяинъ не лучше. Какъ же быть?» И поэтому падаетъ энергія и воля. Ни смѣлаго сопротивленія своему непосредственному начальству, ни большого политическаго движенія. Растущее недовольство нейтрализуется безволіемъ. Но недовъріе ко всѣмъ, разочарованіе во всемъ. Клубокъ надеждъ размотался весь, до конца, и нътъ больше ни одной живой надежды. «Нѣтъ правды на землъ. но нътъ ее и выше»!

Совершенно, какъ въ кругахъ интеллигенціи, только въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ и выраженіяхъ, развивается въ рабочихъ слояхъ аполитичность, пассивность и невѣріе во всякую политику. Всѣ молъ плохи, и коммунисты и монархисты, кадеты и соціалисты; плохъ совѣтскій строй, демократи-

ческая республика и монархія. Но какой строй хорошъ — этого никто не знаетъ.

И точно такъ же, какъ въ другихъ соціальныхъ слояхъ, въ рабочемъ классѣ развивается «мѣщанство» или то, что въ Россіи называется этимъ словомъ: мелочность, крайняя разсчетливость, пристрастіе къ обыденному, поглощеніе интересами сегодняшняго дня, вниманіе къ внѣшности, забота объ «обстановкѣ», примитивные вкусы, герань на окнѣ, бульварная газета, легкіе романы, боксъ, танцы, сплетни, легкія измѣны, пошловатыя шутки, разговоры о «любви». И надъ всѣмъ этимъ царящая, всепоглощающая забота о цѣнѣ картошки и яицъ, о новыхъ подметкахъ и штопкѣ прорванныхъ чулокъ.

Ахъ, какіе низменные интересы! — воскликнетъ иной читатель. Что и говорить, культура не высокая. Но вотъ что я прошу понять и запомнить: для Россіи эта культура не только неизбъжный этапъ развитія, но и громадный шагъ впередъ.

Это можетъ показаться страннымъ. Тѣмъ не менѣе оно такъ и есть. Россія до сихъ поръ почти не знала этого мѣщанскаго быта, массовой мѣщанской культуры, мѣщанства какъ господствующаго образа жизни и мышленія. Только въ нѣкоторыхъ элементахъ городовъ оно развивалось. Но оно не достигало и въ отдаленной степени той роли, какую играло оно на западѣ, во всѣхъ странахъ европейскаго запада.

Почему? Въ прежнія времена для него не было мѣста, потому что въ условіяхъ крѣпостнаго права мѣщанства быть не можетъ. Оно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ мелкой собственности; вѣдь оно представляетъ собою ея массовую идеологію. За послѣднее полстолѣтіе оно сильнѣе развивалось въ городахъ, но и тутъ оно не дѣлалось господствующимъ. Интеллигенція была въ сильной степени противъ него забронирована идеализмомъ, революціонными настроеніями, мечтами о прогрессѣ и соціализмѣ. Такъ возникло представленіе, что Россію минетъ эта чаша; вѣдь Россія «на собственную стать» и

мъщанство — превзойденная ступень развитія. Мало-ли скачковъ назначено Россіи сдълать? Скачокъ «черезъ обывателя-мъщанина» принадлежитъ къ тому же числу.

Но и крестьянство русское жило и чувствовало не «по-мѣщански». На дѣлѣ это было не потому, что оно уже переросло черезъ него, а потому что е щ е н е д о р о с л о. Нищета, грязь, неграмотность, отличавшія русскаго мужичка отъ его европейскихъ коллегъ, были причиною того, что онъ, въ отличіе отъ нихъ, еще не могъ проникнуться сознаніемъ своей собственности и устраивать свою жизнь какъ мѣщанинъ. Но то, чего онъ добился въ революціи, открываетъ ему теперь эти пути, и теперь каждый шагъ его вверхъ по лѣстницѣ культуры будетъ шагомъ въ царство мѣщанства.

Такъ же обстоитъ дѣло съ рабочимъ классомъ. Россія почти не знала типа европейскихъ рабочихъ, въ массѣ своей уравновѣшенныхъ, слегка духовно-близорукихъ, аккуратно совершающихъ маленькія прогулки по заранѣе разсчитанному бюджету, обзаводящихся «хозяйкой дома» и вмъстѣ съ ней поглощенныхъ мелочными интересами сегодняшняго дня. Въ Россіи это встрѣчалось рѣдко среди рабочихъ. Но революціонная встряска посѣяла «мѣщанство» и въ рабочей средѣ, и всходы очень велики.

Во многихъ отношеніяхъ это тоже культурный прогрессъ. Со всей этой идеологіей мѣщанства, столь дорожащей внѣшностью, показнымъ образованіемъ, связано сугубое вниманіе къ чистотѣ въ одеждѣ, къ опрятности въ жилищѣ, къ лучшей обстановкѣ жизни, минимальный интересъ къ литературѣ и образованію; это ведетъ къ тому, чтобъ глубочайшая пропасть, очень невыгодно отличающая въ этихъ отношеніяхъ русскаго рабочаго отъ его европейскихъ собратьевъ, была засыпана навсегда. «Проклятое отсутствіе потребностей», за которое Лассаль бранилъ нъмецкихъ рабочихъ 60 лѣтъ назадъ — самая больная точка у русскихъ рабочихъ сейчасъ. Они идутъ къ преодолѣнію этой болѣзни — черезъ развитіе мѣщанскаго быта и мѣшанской психологіи.

Это продлится много, много лѣтъ. И новое соціалистическое движеніе въ средѣ русскихъ рабочихъ будетъ расти не какъ продуктъ недоразвитого мѣщанства, а какъ его преодолѣніе. Оно оставитъ его позади.

* *

Такова картина новаго, послѣ-революціоннаго общества. И право-же не моя вина, если это картина вступаю-щаго въ свои права буржуазнаго общества въ моментъ окончанія буржуазной рево-люціи.

Б. ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Отъ науки къ утопіи.

Соціализмъ уже давно прошелъ свой путь «отъ утопіи къ наукѣ». Онъ давно уже пересталъ разсматривать тотъ общественный строй, къ которому онъ стремится, въ качествѣ продукта одной только воли людей, прежде «злыхъ», а нынѣ ставшихъ «добрыми» и возжелавшихъ нынѣ всеобщаго счастья и благоденствія. Онъ разсматриваетъ соціалистическое хозяйство какъ неизбѣжный продуктъ общественнаго развитія; неизбѣжный въ соціологическомъ смыслѣ, т. е. создаваемый волей людей; но достижимый лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ, на извъстной ступени развитія, лишь тогда, когда всѣмъ предшествующимъ развитіемъ человѣчества с о з д а ны для этого в с ѣ не о б х о д и мы я у с л о в і я.

Каковы же эти условія? Когда именно они имъются налицо? Этотъ вопросъ европейская соціалистическая литература не пыталась серьезно проанализировать. Она считала, — и это было аксіомой для соціалистическаго движенія Германіи, Франціи и Англіи передъ войной — что в с ъ у с ловія соціализма налицо: экономическое развитіе уже создало всъ предпосылки для соціалистическаго хозяйства, остается лишь приступить къ его осуществленію.

Таковы ужъ общественныя науки. Въ нихъ человъческія страсти и интересы перекрещиваются съ ходомъ научнаго анализа. Отсюда получается на одномъ полюсъ полное отрицаніе всякаго соціализма, на другомъ — «немедленный со-

ціализмъ», для котораго все якобы готово. Революціонное нетерпѣніе замѣняетъ собой научное изслѣдованіе. Революціонное нетерпѣніе — очень благородная вещь. Но когда оно замѣняетъ собой холодный и трезвый анализъ, соціализмъ продѣлываетъ обратный путь: отъ науки къ утопіи.

Въ этомъ отношеніи грѣшны в с ѣ , въ томъ числѣ и творцы научнаго соціализма. Иныя ошибки ихъ кажутся прямо непонятными сейчасъ. Смѣшно и глупо ихъ замалчивать. Наоборотъ, надо вложить персты во всѣ раны, безбоязненно признать всѣ болѣзни, чтобъ ихъ радикально исцѣлить.

Вы знаете Германію 40-хъ годовъ? Это была аграрная страна, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ серьезной крупной промышленности, съ небольшими городами и съ преобладаніемъ мелкаго хозяйства не только въ деревнѣ, но и въ городѣ. Во многихъ отношеніяхъ она была болѣе отсталой, чѣмъ современная Россія. Пролетаріатъ былъ ничтоженъ численно и совершенно неорганизованъ. Разсыпанная на отдѣльныя государства, она затрудняла хозяйственный оборотъ, и стояла совершенно очевидно наканунѣ буржуазной революціи. И столь-же очевидно, что послѣ этого ей нужно было пройти еще долгій, очень долгій путь развитія для того, чтобъ создать предпосылки соціализма.

Могли-ли съ этимъ мириться активные соціалисты и пламенные революціонеры, какъ Марксъ и Энгельсъ? Это былобы выше силъ человъческихъ. И вотъ, начинается приспособленіе теоріи къ своимъ желаніямъ и настроеніямъ.

Французская революція конца 18-го въка уничтожила французскій феодализмъ и потрясла феодальный режимъ сосъднихъ странъ. Но авторы научнаго соціализма изображаютъ дъло такъ: французская революція покончила съ феодализмомъ для Западной Европы. Время, прошедшее послънея, было эпохой капитализма. Но капитализмъ изжилъ себя за 40 лътъ, и для Европы наступила эпоха соціалистическаго переворота:

«Уже въ теченіе десятил втій исторія промышленности и торговли есть исторія возмущенья современных в производительных силъ противъ отношеній собственности, которыя являются условіемъ существованія и господства буржуазіи.» Промышленные кризисы — бол взнь старости для капитализма. Въ нихъ находитъ себв выраженіе тотъ фактъ, что производительныя силы, находящіяся въраспоряженіи буржуазіи, не служатъ для развитія буржуазныхъ отношеній; наоборотъ, они ствсняютъ развитіе...

«Буржуазія неспособна болѣе оставаться господствующимъ классомъ общества и дѣлать условія существованія своего класса верховнымъ закономъ для общества. Она неспособна управлять, ибо она неспособна обезпечить своимъ рабамъ даже рабское существованіе. . . Общество не можетъ больше жить подъ властью буржуазіи, т. е. ея существованіе не мирится болѣе съ существованіемъ общества.» ¹) Это было написано 75 лѣтъ назадъ.

Поэтому марксовскій «союзъ коммунистовъ» выставляетъ какъ цѣль немедленный соціализмъ, и въ число требованій включаетъ и такія, которыя особенно характерны для этого «немедленнаго» соціализма. Немногіе помнятъ положительныя требованія «Коммунистическаго Манифеста». Среди нихъ была и такая мѣра, какъ «отмѣна права наслѣдованія», «централизація кредита въ рукахъ государства при помощи монопольнаго государственнаго банка», «равная трудовая повинность для всѣхъ» и «созданіе промышленныхъ армій». 2)

Итакъ, Германія во-первыхъ созрѣла для соціализма, и вовторыхъ соціализмъ можетъ быть осуществленъ съ той молніеносной быстротой, которую практиковали большевики въ русской революціи. Упраздненіе права наслѣдованія, если оно проводится на дѣлѣ, способно одно, само по себѣ, уничтожить въ 2—3 года всякій капитализмъ. Если-бъ первая германская революція не закончилась такъ скоро контръреволюціей; если-бъ реформы, произведенныя ею, оказались глубже, а народное движеніе сильнѣе, если-бъ «крайняя лѣвая» пришла къ власти и вынесла вверхъ Маркса какъ своего

Коммунистическій Манифестъ. Нѣм. изд. 1920 г., с. 31, 36.
 С 45.

вождя, — онъ попытался-бы осуществить соціализмъ въ Германіи и прод влалъ-бы весь большевистскій опытъсъ начала до конца, съ неизбъжнымъ терроромъ, съ изгнаніемъ буржуазіи, съ войной противъ крестьянства, съ экономической катастрофой и съ неизбъжнымъ затъмъ пораженіемъ. Его «программа коммунистовъ» и его восхищеніе передъ дъятелями 93-го года не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнъній. Да, въ 40-хъ годахъ Марксъ былъ большевикомъ. Большевизмъ вовсе не чисто-русское явленіе. Онъ появляется на сцену вездъ въ моментъ революціи, какъ движеніе наиболье придавленныхъ слоевъ, соединяющихъ крайнюю политическую революціонность съ крайнимъ экономическимъ утопизмомъ.

И почти тъми-же словами, какими русскіе большевики опредъляли историческую миссію Россіи, Марксь оцъниваль значеніе первой германской революціи:

«На Германію направляють коммунисты свои взоры, потому что Германія стоить наканунь буржуазной революціи, и потому что она совершить этоть перевороть вь болье развитыхь условіяхь европейской цивилизаціи и сь болье развитымь пролетаріатомь, чьмь Англія въ 17-омь и Франція въ 18-омь выкь. Поэтому германская буржуазная революція можеть послужить лишь непосредственнымь вступленіемь къ пролетарской революціи»¹).

Революціи 48-го года не превратились въ революціи соціалистическія. Но Марксъ не хочетъ и не можетъ признать, что это было неизбѣжно, что для соціалистической революціи еще время не пришло. Онъ ищетъ причинъ пораженія во внѣшнихъ, случайныхъ явленіяхъ. Онъ находитъ ихъ — въ Калифорніи. Открытіе калифорнійскихъ золотыхъ рудниковъ, по его мнѣнію, и с к у с т в е н н о оживило капитализмъ. Это было постороннее, случайное явленіе, не вы-

¹⁾ С. 56. Поставьте въ этой выдержкѣ Россію вмѣсто Германіи и передъ вами вся философія русскаго умѣреннаго и неумѣреннаго коммунизма, которая впрочемъ отнюдь не выигрываетъ отъ того, что за 70 лѣтъ до нея "Марксъ ошибался точно такъ же".

текающее изъ внутреннихъ законовъ отжившаго капитализма. Поэтому соціальная революція отсрочена лишь на короткое время. Ея вспышки надо ожидать съ часу на часъ. И поэтому въ періодъ реакціи, въ 50-ые годы, онъ все еще ожидаетъ скорой вспышки міровой революціи, какъ видно изъ его переписки съ Энгельсомъ. Въ началѣ 60-ыхъ «конституціонный конфликтъ» въ Пруссіи вновь оживляетъ у него эти надежды

Въ 60-ыхъ годахъ на сцену выступаетъ Лассаль. Какъ-же онъ понимаетъ осуществленіе соціализма? Тоже какъ дѣло пары лѣтъ. Для него всѣ вопросы рѣшаются в в е деніемъ в сеобщаго избирательнаго права. Вѣдь 90% всего населенія— неимущіе. Они политически подавлены трехклассной избирательной системой, которая, по его мнѣню, является подлинной политической системой капитализма.

«Свободная индивидуальная ассоціація» — единственный выходъ изъ пустыни для рабочаго класса. Но какъ заставить государство вступить на путь такого вмѣшательства? Только путемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. «Если Вы этотъ лозунгъ сдѣлаете достояніемъ 89—96 % населенія, которые, какъ я показалъ вамъ, составляютъ неимущіе классы общества, тогда, будьте увърены, вашему желанію не будутъ долго сопротивляться». Какъ зло посмѣялся надъ нимъ Бисмаркъ, когда ввелъ всеобщее избирательное право!

Лассалю чужда мысль о долгой борьбѣ за соціализмъ, о милліонныхъ организаціяхъ, которыя вырастутъ въ процессѣ мелкой, многолѣтней работы; о цѣлыхъ поколѣніяхъ рабочихъ, которыя пройдутъ черезъ эти организаціи, раньше чѣмъ вопросъ о соціализмѣ приметъ практическую форму. И чуждо ему сомнѣніе въ томъ, созрѣли-ли условія тогдашней Германіи длясоціалистическаго хозяйства. Этотъ вопросъ рѣшенъ заранѣе.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы Лассаль начинаетъ понимать, что она затягивается. Но именно поэтому онъ уже въ 1864 году усталъ и разочарованъ. Онъ пишетъ уже въ пись-

махъ о своемъ «глубокомъ и тяжеломъ разочарованіи» и жалуется на «досаду, которую вызываетъ во мнъ безразличіе и апатія рабочаго класса» послѣ двухъ лѣтъ борьбы! «Мы должны признаться, что вст мы очень ошиблись въ оцтнкт духовной жизни рабочаго класса . . . Кто могъ-бы ожидать такои пассивности и безучастія». И онъ пишетъ своей пріятельниць Гацфельдъ: «я утомленъ и усталъ отъ политики»... Бекеръ, къ которому Лассаль завхалъ лътомъ 1864 года, разсказываетъ, что Лассаль чувствовалъ разочарованіе. «Онъ думалъ раньше, что приведетъ соціалистическое движеніе къ побъдъ въ теченіе одного года, а теперь онъ убъдился, что это потребуетъ десятилътій.»¹)

Третій изъ классиковъ, Энгельсь, раздълялъ съ Марксомъ «заблужденія юности». Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ революціи онъ писалъ объ этихъ заблужденіяхъ, называя иллюзіями:

«Когда парижское возстаніе 1848 г. нашло отзвукъ въ побъдоносныхъ возстаніяхъ въ Вънъ, Миланъ, Берлинъ, т. е. во всей Европъ, когда вся Европа, вплоть до русской границы, оказалась втянутой въ движеніе; когда вслъдъ за тъмъ въ Парижъ произошелъ въ іюнъ первый бой за господство между пролетаріатомъ и буржуазіей; когда даже побъда, одержанная буржуазіей, потрясла ее классъ во всъхъ странахъ до того, что она вновь бросилась въ объятія только что свергнутой монархически-феодальной реакціи, — при тогдашнихъ условіяхъ, для насъ не могло оставаться больше никакого сомнънія, что началась великая р'вшающая борьба, которая заполнитъ собой долгую, полную побъдъ и пораженій революціонную эпоху, которая могла закончиться только побъдой пролетаріата... Исторія доказала, что мы ошиблись, и что наши взгляды были иллюзіей.»2)

Что же касается «методовъ соціализаціи» изъ «Коммунистическаго Манифеста», то Энгельсъ отказался и отъ нихъ,

¹⁾ Feigl, Ferd. Lassalle, c. 57; Kohut, F. Lassalle, c. 157; Ed. Bernstein, F. Lassalle, с. 297.

²) Предисловіе къ "Классовой борьбѣ во Франціи", с. 6.

о чемъ заявилъ впослъдствіи. Но онъ отнюдь не освободился отъ того, что онъ самъ правильно назвалъ иллюзіями. Ибо онъ былъ увъренъ, что революція на носу, и въ 1892 году писалъ:

«Мы и сейчасъ уже можемъ считать цифру нашихъ избирателей въ 2½ милліона. Если дѣло и дальше такъ пойдетъ, то е щ е д о к о н ц а в ѣ к а мы . . . сдѣлаемся рѣшающей силой въ странѣ, передъ которой должны будутъ склониться другія силы, все равно захотятъ-ли онѣ этого или нѣтъ.»¹)

Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что къ концу вѣка отъ капитализма останется лишь одно воспоминаніе. Для этого онъ создалъ особую теорію «періодичности» революцій и даже установиль «законъ», что революціи повторяются каждые 15 до 18 лѣтъ. Для этого достаточно было сопоставить революціи 1830, 1848—52, 1870 г. «Слѣдовательно», разсуждаль онъ, приближается моментъ новаго революціоннаго потрясенія.²) И онъ предсказывалъ его на конецъ 90-хъ годовъ.

Въ 60-ыхъ годахъ также и Бебель выдвигается впередъ и становится во главѣ движенія на полъ-стольтія. Онъ, точно такъ же, какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, ждетъ соціалистической революціи со дня на день. Бебель-пламенный энтузіастъ. Элементы вѣры, т. е. утопіи, у него звучатъ особенно сильно. Для него соціализмъ — царство Божіе на землѣ. Оно должно начаться не сегодня — завтра. Въ 1891 г., на съѣздѣ въ Галле, онъ говоритъ:

«Я убъжденъ, что осуществленіе нашихъ цълей такъ близко, что лишь немногіе, находящіеся въ этомъ залъ, не доживутъ до этихъ дней». Протоколъ отмъчаетъ «движеніе» въ залъ послъ этихъ словъ!

На томъ же съъздъ Бебель подводитъ «научный фундаментъ» подъ это свое убъжденіе:

«Когда мы видимъ, какой огромный переворотъ въ экономической и политической области произошелъ за это время (30 лътъ Д. Д.), въ какомъ отчаяніи находятся сейчасъ

¹⁾ Тамъ-же, с. 17.

²⁾ Предисл. къ "Кельнскому процессу коммунистовъ".

наши противники, не зная что имъ дѣлать; когда мы видимъ, что постепенное развитіе убѣждаетъ всякаго разумнаго человѣка въ невозможности дальше такъ продолжать и въ томъ, что поэтому катастрофа — лишь вопросъ времени, — тогда естественно и неизбѣжно придти къ взглядамъ, подобнымъ моимъ. Я не скрываю, что я очень радовался, прочитавъ въ извѣстномъ письмѣ моего друга Фридриха Энгельса въ «Socialiste», что онъ ожидаетъ переворота (Umschwung der Dinge) приблизительно въ 1898 году.»¹)

Начиная съ 90-хъ годовъ теоретическое руководство въ соціализмѣ принадлежитъ Каутскому. Каутскій и сейчасъ крупнѣишій изъ живущихъ теоретиковъ соціализма. Онъ, разумѣется, знаетъ, что есть большой вопросъ объ условіяхъ, необходимыхъ для соціалистическаго хозяйства. Но и ему и темпераментъ и нетерпѣніе мѣшаютъ осторожно и трезво учесть уроки прошлаго, ошибки учителей и современное положеніе.

Каутскій дълить предпосылки соціализма на объективныя и субъективныя. Объективныя — это уровень производительныхъ силъ. Субъективныя — состояніе рабочаго движенія. Вторыхъ (передъ войной) не было налицо. Но о первыхъ Каутскій ръшаетъ безъ долгихъ разсужденій, что они имъются въ полной мъръ. Поэтому и онъ, подобно всъмъ предшественникамъ, постоянно считаетъ достижение соціализма дъломъ ближайшаго періода. Въ борьбъ противъ Бернштейна, а впослъдствіи — противъ Умбрейта и др., онъ на этотъ счетъ не оставляетъ сомнъній. Для этого нуженъ только сильный политическій толчекъ. Такимъ толчкомъ можетъ быть война, ч Каутскій часто останавливается въ своихъ произведеніяхъ на вопросъ, какъ отразится война на соціалистическомъ движеніи. Онъ, приходитъ къ выводу, что неудачная война можетъ вызвать революцію; а революція, въ современныхъ условіяхъ, означаетъ власть соціалистической партіи. Еще въ четвертый годъ міровой войны Каутскій очень оптимистически оцъниваетъ шансы соціализма къ концу военнаго періода:

¹⁾ Тамъ-же, с. 282-283.

«Въ время войны ... многіе пролетаріи покинули соціалистическія партіи, а послъднія пошли по пути раскола, и часть ихъ усиливала мощь правительствъ и буржуазныхъ партій. Но послъ войны дъло будетъ совершенно иначе ... Центръ тяжести вновь переносится во внутреннюю политику ... Объёдиненіе рабочихъ массъ для общей борьбы никогда не было такимъ энергичнымъ, какимъ оно будетъ — въ переходный періодъ.»

Поэтому, думалъ тогда Каутскій, «этотъ періодъ будетъ не только переходнымъ отъ военнаго къ мирному хозяйству, но можетъ быть — и отъ капитализма къ соціализму».

Теперь, когда мы знаемъ, что «объединеніе рабочихъ массъ для общей борьбы», т. е. единство рабочаго движенія ни-когда не было такъ радикально ликвидировано расколами, какъ въ послѣ-военный, «переходный» періодъ, нельзя безъ улыбки читать слова Каутскаго, которыми онъ заключаетъ приведенныя выше соображенія: «эти мысли являются плодомъ только трезвой оцѣнки возможностей. Желаніе отнюдь не является отцомъ ихъ»...¹)

Но міровая война прошла; прошли и революціи въ восточной Европт и въ Германіи. Множество политическихъ переворотовъ, но очень ужъ небольшіе шаги по направленію къ соціализму. Каутскій готовъ признать, что возможности капиталистическаго развитія больше, чъмъ раньше предполагалось:

«Раньше я считалъ возможнымъ, что расширеніе капитализма встрѣтитъ препятствіе въ видѣ рынка, развивающагося не столь быстро, какъ производительныя силы... Съ тѣхъ поръ я пришелъ, благодаря наблюденію и теоретическимъ работамъ, къ болѣе оптимистическимъ взглядамъ на возможности расширенія рынковъ.»¹)

¹⁾ Kautsky, Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft, 1918, c. 164.

²) Kautsky, Von der Demokratie zur Staatssklaverei, 1921, c. 101.

Впрочемъ Каутскій зналъ конечно, всегда и обо всъхъ ошибкахъ въ предсказаніи соціальной революціи. Но какъ онъ объяснялъ ихъ?

«Мы можемъ указывать — пишетъ онъ — лишь направленіе, въ которомъ идетъ развитіе, но не темпъ его.»¹) Если-бъ только объ этомъ шла рѣчь! Но ошибки говорятъ о гораздо большемъ и заставляютъ гораздо серьезнѣе задуматься надъ объективными предпосылками соціализма.

Въ военные годы развивается новый коммунизмъ, который унаслѣдовалъ цѣликомъ вѣру въ «зрѣлость для соціализма». Согласно его доктринѣ — которая въ этомъ отношеніи раздѣляетъ иллюзіи всѣхъ классиковъ соціализма — война превращается въ соціальную революцію. Революція вручитъ власть тѣмъ, кто осуществитъ соціализмъ, —объ объективныхъ условіяхъ для соціализма особенно много заботиться не слѣдуетъ. Они всѣ имѣются налицо. Еще въ 1905 году Троцкій лисалъ, что Франція 18-го вѣка созрѣла для соціализма, и что Россія вступаетъ въ подлинную соціалистическую революцію. Какія-же сомнѣнія еще могутъ быть, что въ Европѣ «все готово»?

Но когда и война обманула, и три послѣ-военныхъ года прошли совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалось, — Троцкій возложилъ свои надежды на . . . вторую войну. Въ своемъ докладѣ конгрессу коммунистическаго интернаціонала въ 1921 году онъ смущенно признается въ ошибкахъ, но строитъ всевозможныя комбинаціи новой, на этотъ разъ ужъ истинноміровой войны Англіи и Японіи противъ Америки! Тѣмъ временемъ, собралась Вашингтонская конференція, и Троцкій ужъ строитъ, безъ сомнѣнія, еще одну теорію . . .

Я упомянулъ лишь объ одной десятой всѣхъ иллюзій и ложнаго оптимизма, связаннаго съ идеей соціальной революцій. Я могъ-бы прибавить еще многое. Можно-бы вспомнить, какъ Марксъ считалъ рабство неизбѣжнымъ элементомъ капитализма, ибо отмѣна рабства ликвидируетъ производство хлопка для европейской индустріи; какъ Каутскій доказы-

¹⁾ См. напр. "Weg zur Macht", с. 36; "На другой день послѣ соціальной революціи", с. 56.

валъ, что всеобщая стачка невозможна потому, что она, самой возможностью своей, ликвидируетъ капитализмъ, — подобно тому, какъ Лассаль былъ убѣжденъ, что его ликвидируетъ всеобщее избирательное право. Между тѣмъ, — и рабство отмѣнено, и всеобщая стачка не разъ имѣла мѣсто, и всеобщее избирательное право сдѣлалось правиломъ въ Европъ, а капитализмъ не отмѣненъ. Неужели найдутся еще люди, готовые успокоиться на старыхъ формулахъ о «тенденціи» и «темпѣ»?

Допустимъ на моментъ, что тотъ уровень, котораго достигло хозяйство Европы въ настоящее время (или наканунъ войны) даетъ дъйствительно всъ нужныя условія для соціалистическаго переустройства. Но если такъ, если эти условія даны на уровнъ 1914 года, то очевидно ихъ не было на уровнъ экономики 1848 или 1864 или 1875 года! Въдь теперьто ясно, что 50 лътъ назадъ европейскій материкъ еще начиналъ лишь то развитіе, которое черезъ полъ-стольтія создало — мы это предположили — необходимыя предпосылки соціализма. Значитъ ихъ не было раньше, этихъ предпосылокъ. Значитъ дъло не въ томъ лишь, что ошиблись въ «предсказаніи момента», а въ гораздо большемъ. Значитъ нев врно оцънили объективныя условія и невърно судили объ объективныхъ условіяхъ, необходимыхъ для соціалистическаго преобразованія общественнаго хозяйства.

Если такъ, то встаетъ еще и другой, болѣе коварный вопросъ. Въ теченіе 70 лѣтъ лучшіе представители соціализма ошибались, со дня на день ожидая пришествія соціализма. Не ошибаются-ли и современные представители того или иного направленія въ своихъ «переспективахъ», тактическихъ директивахъ, планахъ соціализаціи и т. дал.? Вѣдь ошибки сдѣлались правиломъ; такъ не дѣйствуетъ ли это правило и сейчасъ?

Кто-не отвѣтилъ себѣ на эти вопросы, тотъ легкомысленно относится къ самымъ важнымъ проблемамъ переживаемой эпохи.

Симптомы дряхлости?

Что-же такое представляютъ собой, наконецъ, эти объективныя условія? И какъ ихъ разпознать?

Юридическія нормы, формы собственности и соціальныя отношенія закономѣрно измѣняются въ процессѣ экономическаго развитія. Они соотвѣтствуютъ состоянію «производительныхъ силъ» — той матеріальной основѣ, которая опредѣляетъ собой способъ производства. «Ручная мельница даетъ намъ общество съ феодальнымъ сюзереномъ; паровой двигатель — общество съ капиталистическимъ предпринимателемъ.»

Въ этихъ немногихъ словахъ, правда въ упрощенномъ видъ, цълая философія исторіи. Мельницы, плуги, парусныя лодки, океанскіе пароходы представляютъ то данное, изъ котораго общество исходитъ. Люди группируются вокругъ своихъ орудій труда такъ или иначе — въ зависимости отъ свойствъ ихъ орудій; техника диктуетъ имъ ихъ взаимоотношенія. Безъ плана создаются человъческія организаціи, но онъ стихійно приспособляются къ потребностямъ производства.

Но эти отношенія— политическія формы, правовыя нормы,— затвердѣваютъ, окостенѣваютъ; и въ то время, какъ производственный базисъ измѣняется непрерывно, постоянно, юридическая оболочка надолго сохраняется старая. Противорѣчіе между потребностями выросшаго производства и нормами права проявляется въ видѣ революціи.

Когда-же вспыхиваетъ революція? Очевидно тогда, когда старыя соціальныя нормы (напр. отношенія собственности) мѣшаютъ дальнѣйшему развитію, дѣлаются препятствіемъ на пути общественнаго прогресса. Тогда наступаетъ смерть, «стараго общества». Раньше этого момента революція не приходитъ; или, если она приходитъ, она очевидно не можетъ быть побѣдоносной. «На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя

силы общества приходятъ въ конфликтъ съ наличными производственными отношеніями или съ ихъ юридическимъ выраженіемъ — отношеніями собственности... Изъ условій развитія производительныхъ силъ они дѣлаются цѣпями для нихъ. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи... Точно такъ же, какъ нельзя судить о чёловъкъ по его собственному сужденію о себъ, такъ же нельзя судить о полобной революціонной эпохъ по ея идеологіи; нужно эту идеологію объяснить изъ противоръчія между состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ и соціальныхъ отношеній. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чъмъ развились производительныя силы, которымъ даетъ просторъ, и болъе высокія производственныя отношенія никогда не смѣняютъ старыя отношенія раньше, чёмъ въ нёдрахъ стараго общества не разовьются матеріальныя предпосылки для ихъ осуществленія.»1).

Французская революція 18-го в вка представляетъ въ этомъ блестящую иллюстрацію. Намъ не разъ приходится ссылаться на нее, ибо она дъйствительно даетъ неисчерпаемый матеріалъ для историческаго анализа и соціологическихъ выводовъ. Революція эта была «революціей буржуазной». Это значитъ, что старыя правовыя нормы феодальной собственности, крестьянскихъ повинностей, цеховыхъ ограниченій, и вся политическая система феодальной власти стояли на пути капиталистическаго развитія. Международный товарообмънъ, городская индустрія, крестьянская торговля не могли развиваться въ рамкахъ старыхъ отношеній. Феодализмъ давилъ, душилъ прогрессивное развитіе. Поэтому въ экономической жизни наступилъ застой, населеніе сокращалось, голодъ и нищета сдълались правиломъ. И поэтому разразившаяся революція была всенародная, «національная революція». Она написала на своемъ знамени тѣ требованія,

¹⁾ Марксъ, предисл. къ "Критикъ Полит. Экон.".

которыя должны были быть выполнены для того, чтобъ общественное развитіе пошло вновь впередъ.

Феодализмъ сдълалъ все, что было въ его силахъ для общественнаго развитія. Онъ погибъ не раньше, чъмъ «развились всъ производительныя силы, которымъ онъ давалъ достаточно простору». Лишь свершивъ все, что было въ его силахъ для соціальнаго прогресса, онъ сталъ реакціоннымъ. И тогда лишь онъ собралъ противъ себя такую непобъдимую рать, которая въ нъсколько революціонныхъ лътъ разнесла въ щепы его зданіе.

Перенесемся теперь отъ прошлаго къ будущему, отъ революціи буржуазной къ революціи соціалистической. Ея предпосылка очевидна та-же: умирающій строй долженъ «отжить», т. е. сдѣлаться препятствіемъ для хозяйственнаго прогресса. Онъ долженъ оказаться неспособнымъ двигать впередъ производительныя силы; онъ долженъ вызывать застой въ народномъ хозяйствѣ. Онъ долженъ, словомъ, сдѣлаться «оковами» для общественнаго прогресса. Ибо — еще разъ — «ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ развились всѣ производительныя силы, которымъ она даетъ достаточно простору».

Таково первое условіе для успъшной соціалистической революціи. Такъ именно понималъ Марксъ свою теорію, когда онъ, анализируя неудачу революціи 48-го года, объяснилъ ее открытіемъ калифорнійскихъ рудниковъ. Онъ хотълъ этимъ сказать: капитализмъ уже свершилъ въ предълахъ земныхъ все земное. Новыхъ успъховъ ему сдълать не суждено. Своимъ новымъ разцвътомъ онъ обязанъ одному случайному обстоятельству. Но эта случайность, какъ кислородъ для умирающаго; она способна продлить его жизнь лишь на нъсколько мгновеній. Серьезно жить ему не суждено ибо въ его рамкахъ (въ формахъ частной собственности) прогрессъ былъ невозможенъ. И точно такой же характеръ носятъ его постоянныя ссылки на промышленные кризисы. Они появились, и стали періодически повторяться, лишь съ 20-ыхъ годовъ прошлаго въка. Марксъ думалъ поэтому, что они являются старческой бользнью капитализма, симптомомъ его дряхлости, приближающейся смерти — въ серединъ прошлаго въка.

Теперь мы всѣ уже знаемъ что на буржуазной основѣ (въ формахъ частной собственности) возможенъ былъ послѣ того еще тотъ грандіозный подъемъ мірового хозяйства, которымъ отмѣчено послѣднее полустолѣтіе. Капиталистическій строй давалъ просторъ громадному прогрессу, и достаточно сравнить Германію или Америку 1914 г. съ Германіей или Америкой 50 лѣтъ назадъ, чтобъ сказать съ полной опредѣленностью: капитализмъ не былъ еще экономически - реакціоннымъ режимомъ въ 19-омъ или въ началѣ 20-го вѣка. На его почвѣ возможенъ былъ еще огромный прогрессъ!

И поэтому-то всѣ ожиданія его скорой смерти были неосновательны. Онъ и въ малой степени не исчерпалъ тогда заложенныхъ въ немъ возможностей, онъ еще давалъ громадный «просторъ развитію производительныхъ силъ». Пусть такъ, скажутъ мнѣ; — но не доказала-ли война, что капитализмъ уперся въ тупикъ и теперь уже сталъ реакціоннымъ? что новый подъемъ мірового хозяйства на капиталистической основѣ невозможенъ?

Я этихъ вопросовъ не касаюсь въ настоящей главъ. О нихъ ръчь особо. Сейчасъ ръчь идетъ о теоретическомъ пониманіи вопроса объ объективныхъ условіяхъ соціальной революціи. Но я тутъ-же поспъшу прибавить: не слъдуетъ торопиться съ подобными выводами. Слишкомъ уже много разъ хоронили капитализмъ. По извъстной поговоркъ — кого заживо похоронили, тому долго жить суждено — не по винъ ли утопистовъ капитализмъ оказался столь живучъ?

Итакъ, вотъ первая изъ предпосылокъ соціальной революціи Хозяйничанье капитализма должно перестать быть прогрессивнымъ. Это не значитъ, что должна наступить грандіозная катастрофа, о которой столько толковали въ свое время. Но это означаетъ во всякомъ случаѣ, что покуда капитализмъ способенъ провоцировать ежегодно тысячи изобрѣтеній, примѣнять ихъ на практикѣ, усовершенствовать производство,

расширять общественныя производительныя силы, — часъ его еще н е пробилъ.

Вторая предпосылка сложнѣе. Она не отрицательнаго, а положительнаго характера. Когда орудіемъ труда являются лукъ и стрѣлы, хозяйство носитъ примитивно-коммунистическій характеръ. Соха и ручной ткацкій станокъ вызываютъ индивидуальное хозяйство къ жизни. Механическія и паровыя машины, опять-таки по самому существу своему, требуютъ капиталистической организаціи производства. Но какая хозяйственная техника требуетъ общественной, соціалистической организаціи хозяйства?

Иные писатели пробовали защищать тезисъ: паровая машина — основа капитализма, вѣкъ электричества — вѣкъ соціализма. До настоящего времени это оказалось невърно. Капитализмъ и сейчасъ сумѣлъ ужъ использовать электричество въ громадныхъ, совершенно неожиданныхъ размѣрахъ. Электротехника сдѣлала на почвѣ капитализма гигантскіе шаги впередъ, и нѣтъ такой сферы примѣненія электричества, гдѣ существованіе капитализма (крупной частной собственности) мѣшало-бы его использованію.

Главнымъ препятствіемъ является не капитализмъ, а мелкое крестьянское хозяйство, то хозяйство, устранить которое не является основной задачей соціализма и по отношенію къ которому сугубую осторожность объщаютъ в с ъ теченія его.

Быть можетъ на поставленный вопросъ надо отвътить иначе? Разница между капиталистическими предпріятіями и соціалистическимъ хозяйствомъ, быть можетъ, въ размърахъ хозяйственныхъ единицъ? Одна тысяча человъкъ рабочихъ — превосходная база для капитализма. 10 000 — уже выходитъ за предълы капиталистически-раціональнаго? А 50 000 въ одномъ хозяйствъ — база для соціализма? Но фельетонность такого разсужденія очевидна. Эта градація 1000—10 000—50 000 совершенно произвольна. Если-бъ пришлось писать лътъ 50 назадъ, можно было-бы съ тъмъ-же успъхомъ говорить и о 500 рабочихъ, какъ базъ для капитала и 1000, какъ основъ соціализма. Развъ мало капиталистическихъ хо-

зяйствъ, хорошо работающихъ, съ числомъ рабочихъ во много разъ больше 10 000?

Въ чемъ-же дъло? Какая система производительныхъ силъ дълаетъ необходимой общественную организацію производства?

III.

О "зрѣлости" и "незрѣлости".

1. Индивидуализмъ и шаблонность.

Характерная черта ремесла — индивидуальность каждаго продукта. Каждый работникъ накладываетъ свой отпечатокъ на продуктъ своего труда. По издѣлію можно узнать его мастера. Въ каждомъ городѣ работаютъ «по особому». Ремесло вырабатываетъ, воспитываетъ и консервируетъ эти различія. Поскольку оно и сейчасъ еще сохранилось въ порахъ капитализма, оно обязано этимъ своему крайне-выраженному индивидуализму. Поэтому-то «работа на заказъ» — по вкусу заказчика, — особенность ремесла.

Крупная индустрія ликвидируєть этоть крайній индивидуализмь. По существу своему она воспитываєть массовое вое производство, массовыя потребности, товарные шаблоны. Она не можеть угодить каждому человъку, она заставляєть его во всъхъ отношеніяхь быть похожимь на кого-либо другого. Она унифицируєть потребности, укладываєть ихъ въ прокрустово ложе, и ставить свой шаблонь съ фабричной маркой превыше всего.

Какъ далеко зашелъ этотъ процессъ? На этотъ вопросъ нельзя дать простого, схематическаго отвъта. Положеніе очень различно въ разныхъ отрасляхъ промышленности, — какъ-бы ни хотълось инымъ догматикамъ подвести все народное хозяйство подъ одинъ шаблонъ.

Первый примъръ: желъзнодорожный транспортъ. Здѣсь однотипность продукта выражена въ классической формъ. Чего вы можете ждать отъ желъзной дороги? Перенесенія изъ одной точки земного шара въ другую. Идетъ-ли ръчь объ австралійской баранинъ или о пушкахъ Крэзо, о нъж-

ныхъ строкахъ Александра Блока или о не столь нѣжномъ предсѣдателѣ 3-го интернаціонала — функція дороги абсолютно та же. Она грузитъ, везетъ и выгружаетъ. Тотъ «продуктъ», который она производитъ, совершенно одинаковъ во всѣхъ частяхъ земного шара.

Желѣзныя дороги сдѣлались уже школьнымъ примѣромъ государственнаго хозяйства. Почему такъ? Потому, что абсолютная однообразность и однотипность ихъ функцій дѣлаетъ для государства нетрудной задачу управленія ими. И она-же дѣлаетъ ненужной, излишней, вредной конкурренцію въ этой области. Существованіе параллельныхъ дорогъ, какъ въ Америкѣ — ненужная затрата силъ и средствъ. Здѣсь принципъ частнаго хозяйства оказывается вреднымъ. Здѣсь капитализмъникъчему.

Второй примъръ: изготовленіе платья, въ частности дамскаго платья. Огромная индустрія, въ которой заняты сотни тысячъ рабочихъ рукъ; въроятно не меньше, чъмъ въ желъзнодорожномъ транспортъ. Много-ли здъсь шаблону, однообразія? Мода вноситъ такой шаблонъ, но какъ онъ индивидуализируется! Мода создаетъ одновременно десятки шаблоновъ — но во сколько разъ они еще умножаются, достигнувъ потребителя! Конфекціонные магазины создаютъ свои образцы, — но сколько сотенъ такихъ образцовъ на протяженій каждой страны! Нужно вдуматься въ хозяйственный обиходъ этой индустріи. Сотни вояжеровъ разъвзжаютъ по странъ, предлагая свои образцы матерій и готовыхъ платьевъ. Сотни фирмъ конкурируютъ другъ съ другомъ, стараясь проявить максимальное вниманіе къ вкусамъ потребителей, угадать мъстныя наклонности, провинціальныя особенности, прихоти и причуды. Рекламы, витрины, выставки модъ, мъняясь ежедневно, представляютъ такое напряжение производителя въ его примъненіи къ потребителю, о которомъ такое предпріятіе, какъ жельзная дорога, не имъетъ и понятія. Тамъ спокойное, размъренное, заранъе на годы разсчитанное расписаніе. Здъсь, что ни день, то новинка, неожиданность, новыя потребности, новыя выдумки, новые запросы, новая конкурренція.

Можетъ-ли государство организовать такого рода хозяйство? Управится-ли оно съ такими задачами? Нѣтъ, вся эта работа государственной машинѣ совершенно не подходитъ. Оно можетъ, конечно, воспретить все это бѣшеное разнообразіе и одѣть всѣхъ гражданъ одинаково. Тогда оно, пожалуй, справится со своей задачей. Но отъ такого «соціализма» отвернется каждый мыслящій соціалистъ. Соціалистическое хозяйство, какъ и всякое другое, не должно суживать потребности — хотя-бы и не очень разумныя — а должно стремиться удовлетворить ихъ возможно полнѣе. Но одѣть дамскую половину человѣчества куда труднѣе, чѣмъ ее раздѣть. Это задача, которая не по плечу самому мудрому изъ мудрыхъ правительствъ. А ихъ вѣдь такъ мало на свѣтѣ!

Третій примъръ: производство электрической энергіи. Продуктъ этой индустріи легко обращается въ источникъ свъта, теплоты, движенія. Но самъ по себѣ продуктъ этотъ совершенно одинаковъ на всъхъ долготахъ и широтахъ. Однотипность продукта, его «шаблонность» доведена до максимума. Энергія, создаваемая самой мощной станціей совътской электрофикаціи отличается отъ насквозь-буржуазной энергіи странъ Ллойдъ-Джорджа и Мильерана развъ только тъмъ, что первая существуетъ только въ теоріи. Производство электрической энергіи не представляетъ труда для коллективнаго хозяйства.1) Больше того: оно раціонально только какъ коллективное хозяйство. Здъсь конкурренція не только не нужна, но и вредна. Двъ электрическія станціи въ одномъ городкъ, гдъ вполнъ достаточно было-бы одной, представляютъ ненужную, преступную растрату производительныхъ силъ.

Четвертый примъръ: производство мебели. Здъсь еще многое сохранилось отъ ремесла. Крупное производство играетъ еще сравнительно небольшую роль. Сушествуютъ тысячи образцовъ мебели, другъ отъ друга отличающеся подчасъ мело-

¹⁾ Для сокращенія я буду называть "коллективнымъ хозяйствомъ" всъ формы общественно-организованнаго хозяйства — государственное, коммунальное, провинціальное и т. д. — въ отличіе отъчастнаго. Другого термина не существуетъ пока.

Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 13

чами, но иной разъ и очень существенно. Вкусы потребителей здѣсь невозможно уложить въ рамки двухъ — трехъ схемъ. Конкурренція процвѣтаетъ. Индивидуальное хозяйство абсолютно господствуетъ. Даже о синдикатахъ и т. п. еще не слышно. Коллективному хозяйству здѣсь очевидно еще дѣлать нечего. Оно окажется безпомощнымъ передъ сотнями тонкостей этой индустріи.

Въ чемъ основное различіе крупнаго коллективнаго, въ особенности государственнаго хозяйства, отъ хозяйства частнаго? Въ первомъ преобладаетъ моментъ машинности, равномърности; во второмъ-предпріимчивость, личная иниціатива. хозяйство максимально гарантируетъ ин-Коллективное тересы коллектива, частное — личные интересы предпринимателя. Но коллективное, даже въ наилучшихъ условіяхъ носить въ себъ элементы бюрократизма; частное преодолъваетъ рутинность кипучей энергіей, которую въ гомерическихъ размърахъ возбуждаетъ надежда на прибыль. Коллективное — экономно въ интересахъ общества; частное, экономное внутри себя, неръдко представляетъ дорогую затрату съ точки зрѣнія общественнаго цѣлаго. Каждое имѣетъ свои плюсы и минусы. Да и можетъ-ли быть иначе? Если-бъ частное хозяйство имъло одни минусы, — какъ могло-бы оно достигнуть современнаго разцвъта? Въдь тогда капитализмъ былъ-бы сплошнымъ недоразумѣніемъ, великой исторической ошибкой, которую люди совершили очевидно, потому, что двъсти лътъ назадъ не издавалась «Rote Fahne». Но если-бъ коллективное хозяйство имъло одни минусы, - почему даже капиталистическому обществу приходится такъ часто преодолъвать внутреннее сопротивление и вручать хозяйство государству и коммунъ?

Пятый примъръ: добыча угля. Здъсь также царство схемъ и шаблона. Есть нъсколько сортовъ угля, твердо опредъленные типы его. Однобразіе и здъсь очень велико, хоть и не такъ велико, какъ въ сферъ транспорта или электричества. Конкурренція разныхъ предпріятій — явленіе ръдкое. Если она и есть, ея значеніе минимально. По большей части конкурренція уничтожена синдикатами. — Однотипность про-

дуктовъ угольной промышленности дълаетъ ее пригодной для государственнаго хозяйства.1)

Наконецъ, шестой примъръ: машиностроеніе. Сфера крупныхъ предпріятій; «модная» промышленность, синдицированная и трестированная во всъхъ направленіяхъ. И тъмъ не менње, въ большей части — мало подходящая для государ-

*) Инженеръ А. Гортенъ, въ своей извъстной книжкъ "Soziali-sierung und Wiederaufbau" тоже смутно чувствуетъ это различіе. "Въ общемъ промышленныя и хозяйственныя предпріятія можно раздълить на два рода. Къ первой группъ принадлежатъ такія предпріятія или индустріи, которыя находятся въ процессъ возникновенія; кромѣ того, и такія, которыя выполняютъ мѣняющіяся функціи или производятъ спеціальныя издіблія. Вторая группа обнимаетъ такія отрасли, которыя уже вышли изъ стадіи первоначальнаго развитія и находятся въ состояніи механизаціи и нормализаціи. Сюда относится раньше всего производство массовыхъ продуктовъ, гдъ продуктъ производства ръдко мъняется, гдъ методы производства общеизвъстны и составляютъ предметъ преподаванія въ нашихъ высшихъ школахъ. Къ первой группъ принадлежатъ напр.: постройка воздушныхъ кораблей, безпроволочная телеграфія, производство особыхъ издітій для любителей, предметовъ роскоши, нъкоторыхъ спеціальныхъ машинъ, нъкоторыхъ спеціальныхъ транспортныхъ сооруженій, производство большихъ, тяжелыхъ построекъ и т. п. Ко второй группъ принадлежитъ напр. добыча угля, изготовленіе стали, цемента, локомотивовъ, телефоновъ, электрическихъ кабелей, электромоторовъ и т. п. Всъ эти индустріи прошли раньше первую стадію своего развитія. И сейчасъ еще въ нихъ вводятся усовершенствованія и улучшенія. Однако техническое развитіе въ нихъ въ общемъ и цъломъ если не закончено, то во всякомъ случат идетъ замедленнымъ темпомъ."

Это дъленіе, которое проводить Гортень, въ принципъ правильно. Однако, на разсужденіяхъ его и въ особенности на выводахъ отражается тотъ фактъ, что Гортенъ — инженеръ, спеціалистъ металлургіи и угольнаго дѣла. Онъ поэтому всѣ примѣры свои беретъ изъ этой области, и совершенно оставляетъ въ сторонъ такія существенныя отрасли промышленности, какъ ткацкую, деревообдълочную, кожевенную и др., составляющія больше 3/4 всей массы индустріи. Поэтому и заключенія его о зрълости для соціализаціи носять очень односторонній и послъшный характеръ: "во вновь возникающихъ, быстро мѣняющихся а потому не необходимыхъ индустріяхъ иниціатива предпринимателя необходима... Въ необходимыхъ индустріяхъ иниціатива предпринимателя отражается вредно, такъ какъ капиталистъ отравляетъ иниціативу техническаго руководителя". "Техническій руководитель" въ устахъ Гортена это инженеръ — директоръ, и сущность соціализаціи сводится у него къ освобожденію высшаго техническаго персонала от в подчиненія акціонерному капиталу. (Гор-

тенъ, Sozialisierung und Wiederauf pau, стр. 28, 36.)

ственнаго хозяйства. Тысячи новыхъ изобрѣтеній, патентовъ, напряженная конкурренція, вызывающая отчаянно-быстрый техническій прогрессъ. Отсутствіе твердо и окончательно установленныхъ типовъ, безконечное разнообразіе въ мірѣ продуктовъ данной индустріи. Единственная, быть-можетъ, часть ея, вполнѣ подходящая для обобществленія — паровозостроеніе, въ которомъ государственные заказы играютъ рѣшающую роль.

На этомъ послъднемъ примъръ иллюстрируется еще одно важное обстоятельство. По ходячему представленію, индустрія, въ которой далеко зашелъ процессъ синдицированія предпріятій, тъмъ самымъ оказывается пригодной для коллективнаго хозяйства. Очень поспъшный выводъ, основанный на мертвящемъ догматизмъ и схематизаціи! Однотипность продуктовъ, вообще говоря, очень облегчаетъ объединеніе въ синдикаты и тресты. Этой однородности продукта обязаны угольная или нефтяная промышленность прочностью господствующихъ въ нихъ капиталистическихъ объединеній. Но въ иныхъ отрасляхъ наличность кръпкихъ синдикатовъ отнюдь еще не убиваетъ конкурренцію, наоборотъ она то и развиваетъ ее въ сильнъйшей степени. Возьмите, напр. промышленность табачную (производство сигаръ и папиросъ) или пивоваренную. Синдикаты не только не убили взаимной конкурренціи «марокъ» и «сортовъ», но привели къ совершенно инымъ результатамъ. Раньше каждая лавочка или городокъ имъли свои излюбленные (потому что на мъстъ производимые) сорта пива или папиросъ. Такихъ сортовъ были тысячи на протяженіи каждой страны. Крупная индустрія задушила постепенно такое безконечное разнообразіе. Но вмъсто него она выработала «марки», пользующіяся міровой извъстностью и ведущія между собой ожесточенную войну. Эта война не прекращается ни на минуту, и чъмъ крупнъе дълаются объединенія предпріятій, тъмъ болье борьба папиросъ и стакановъ пива превращается въ борьбу гигантовъ, привлекая къ себъ вниманіе всего міра. Борьба эта, съ точки зрънія производителей, представляеть бъщеную погоню за прибылью. Но съ точки зрънія потребителей — и этого не надо

забывать — она является приспособленіемъ продукта ко вкусамъ потребителей, напряженнымъ угадываніемъ человъческихъ потребностей. Для коллективнаго хозяйства здъсь время еще не пришло.

2. Процессъ созръванія.

Экономическое развитіе ведетъ съ неизбѣжностью къ росту «шаблонныхъ» индустрій за счетъ «индивидуалистическихъ». Этотъ процессъ происходитъ въ двухъ формахъ. Съ одной стороны вырастаетъ цѣлый рядъ новыхъ отраслей промышленности, дотолѣ неизвѣстныхъ, и входящихъ въ составъ первой группы. Сто лѣтъ назадъ напримѣръ, когда развитіе крупной капиталистической промышленности только еще начиналось, не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, ни электрическихъ станцій, ни нефтяной промышленности. Добыча угля и металловъ играли третьестепенную роль. На первомъ мѣстѣ стояли ткацкая промышленность, обработка дерева, строительное дѣло; удѣльный вѣсъ «индивидуалистическихъ» индустрій былъ очень великъ. Съ тѣхъ поръ этотъ вѣсъ постепенно уменьшался, и роль «шаблоннаго» производства выросла въ огромной степени.

Съ другой стороны, въ средъ старыхъ индустрій происходиль процессъ унификаціи, шаблонизаціи. Вырабатывались единые типы продуктовъ. Прежнее безконечное разнообразіе, тысячи образцовъ превращались сперва въ сотни, затѣмъ въ десятки, пока не достигли тутъ и тамъ максимальнаго однообразія. Строительная промышленность, изготовляющая тысячи переносныхъ домовъ — лучшая иллюстрація этого процесса. Однако, и сейчасъ еще процессъ этотъ далекъ отъ завершенія; а въ иныхъ отрасляхъ хозяйства разнообразіе продукта и индивидуалистическая душа производства сохранятся еще безъ сомнънія на очень долгіе годы.

Каково числовое соотношеніе объихъ группъ, въ Германіи напримъръ? Ихъ нелегко разграничить другъ отъ друга по даннымъ промышленной статистики. Но въ общихъ чертахъ положеніе слъдующее. Отрасли, наиболъе зрълыя для обобществленнаго хозяйства (по даннымъ 1907 г.):

Въ нихъ занято (рабочихъ, служащихъ и предпринимателей

служащих в и предпринимателен					
		Bcero	Въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ свыше 50		
Угольныя копи		533 823	524 413		
Желъзо и сталь		170 614	166 641		
Чугуннолитейни		165 314	140 419		
Добыча желѣзной руды		34 792	33 627		
Судостроеніе		49 842	41 479		
Производство взрывчатыхъ	ве-				
ществъ		26 891	24 754		
Газовые заводы		39 136	26 421		
Производство сахару		37 380	29 880		
Трамваи и конные ж. д.		48 531	46 514		
Морское судоходство		60 361	52 042		
Очистка улицъ		21 241	13 625		
Кромѣ того:					
Желѣзныя дороги		698 345	698 345		
Почта, телеграфъ, телефонъ		312 708	312 708		
	2	198 978¹)	2 110 868¹)		

Къ этому надо прибавить нѣкоторыя части слѣдующихъ отраслей:

Производство паровыхъ машинъ		
и локомотивовъ	69 513	67 272
Производство электрическихъ маш.	142 171	105 590
Химическая крупная промышлен	45 156	37 307
Электрическія станціи	23 208	10 998
Аптеки	17 121	-
	297 169	221 167

Изъ этой группы едва-ли больше одной трети пригодно для государственнаго или муниципальнаго хозяйства. 1)

¹⁾ Въ этихъ цифрахъ многое измѣнилось за прошедшіе 14 лѣтъ. Промышленное развитіе между 1907 и 1914 гг, затѣмъ измѣненіе границъ Германіи послѣ войны внесли очень существенныя поправки въ полученные итоги. Но у насъ вѣдь рѣчь идетъ не о мате-

Если сложить первую группу съ нѣкоторой частью второй, то мы найдемъ, что общая численность рабочихъ и служащихъ въ «соціализированной» промышленности составила-бы около 2% милл. человѣкъ. Всего въ Германіи, въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ занято (къ тому-же времени) 14 348 016 человѣкъ. Такимъ образомъ, общественно-руководимое хозяйство охватило-бы около 16% всего индустріальнаго населенія.

Прибавимъ къ полученнымъ 2¼ милл. еще и всѣхъ государственныхъ и муниципальныхъ служащихъ. Ихъ имѣлось въ то-же время 600 000 человѣкъ.²) Мы получимъ тогда окончательный, и въ то же время максимальный итогъ въ 3 милліона.

Эту цифру, которая включаетъ въ себя и не-промышленный элементъ, надо сравнить съ числомъ всъхъ лицъ, занятыхъ хозяйственной дъятельностью («самостоятельныхъ» т. е. предпринимателей, служащихъ, рабочихъ, крестьянъ и пр.). Такихъ имълось около 30 милл. Такимъ образомъ, только 10% населенія приходились-бы на сферусоціализма.

Если-бъ провести этотъ процессъ обобществленія на практикѣ, какой общественный строй установился бы? Нетрудно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ. 2 ½ милл. работающаго населенія заняты въ деревнѣ въ качествѣ крестьянъ-собственниковъ. Они и дальше сохранятъ, разумѣется, свои земли и свое хозяйство. Многіе изъ нихъ — хозяева самостоятельные, работающіе безъ помощи наемнаго труда. Но иные — и такихъ очень немало — пользуются трудомъ наемныхъ и являются въ большей или меньшей степени деревенскими капиталистами. Далѣе около 10—11 милл. рабочихъ и

матически-точномъ подсчетъ. Для послъдняго пришлось-бы поступить совершенно иначе, и изъ каждой отрасли выбрать тъ предпріятія, которыя пригодны для обобществленія. Тогда итогъ былъ-бы меньше. Съ другой стороны, пришлось-бы выбрать изъ другихъ отраслей тъ немногія предпріятія, которыя можно-бы прибавить сюда. Результаты измънились-бы не очень существенно.

2) А именно: офицеровъ 33 тысячи, учителей около 250.000, другихъ служащихъ — 300.000.

служащихъ остаются въ сферъ частной индустріи и торговли. Они попрежнему на службъ у капитала и создаютъ ему прибыль своимъ трудомъ. И только 1/10 всего трудящагося населенія находится на службъ у общественной экономической организаціи. При такомъ стров, продуктъ труда продолжаетъ сохранять форму товара; рынокъ продолжаетъ существовать: деньги остаются мъриломъ цвиности и сохраняютъ за собой всъ прочія свои функціи. Планомърная организація хозяйственной жизни — основной элементъ соціализма простирается лишь на нѣкоторую часть индустріи. остальномъ неизбъжно сохраняется анархія производства, возможны и даже неизбъжны промышленные кризисы; возможна и безработица, хоты бы и смягченная мърами соціальной политики. Продолжаютъ существовать профессіональные союзы въ качествъ органовъ классовой борьбы, стачки и локауты имфютъ мъсто.

Можно ли это назвать соціализмомъ? Конечно нѣтъ. Это хозяйство товарное, въ большей степени капиталистическое. Но такъ какъ описанныя экономическія измѣненія представляютъ собой максимумъ того, что достижимо въ современной Европѣ, то надо открыто и прямо признать: Европа созрѣваетъ для соціализма, но далеко еще не созрѣла!

3. Экономическое «вростаніе».

Но представляютъ ли эти условія дъйствительно максимумъ достижимаго? А что, если-бъ тъмъ или инымъ путемъ, напримъръ, завоеваніемъ политической власти, оказалось возможнымъ обобществить больше, напримъръ, всю индустрію? Пусть не сразу, пусть въ пять лътъ. Но тогда, черезъ пять лътъ, Европа имъла бы ужъ подлинно-соціалистическое хозяйство?

Нетрудно найти отвътъ на этотъ вопросъ, вполнъ естественный и законный. Онъ ясенъ теоретически, а практически совътская Россія дала его въ красноръчивой формъ. Въ этомъ смыслъ «русскій опытъ» представляетъ громадный интересъ и для всъхъ другихъ странъ. Не надо преувеличивать

значеніе «русской отсталости», какъ ни велика она. Попытка осуществить соціализмъ въ ближайшіе годы въ Западной Европъ, т. е. ликвидировать по крайней мъръ 70—80 % капитализма, привела бы въ общемъ и цъломъ къ тъмъ же результатамъ: бюрократизму, спекуляціи и громадному хозяйственному регрессу. Они являются послъдствіями не одной дикости, а раньше всего — попытки осуществить соціализмъ, когда для него нътъ предпосылокъ. Поэтому, главы о «русскомъ опытъ» являются дополненіемъ къ настоящей главъ о «зрълости» и «незрълости».

Если бы люди устанавливали сознательно свой общественный строй; если-бъ онъ не казался извнъ даннымъ, готовымъ, въ которомъ приходится такъ или иначе устраиваться; если-бъ, словомъ, «общественный договоръ» имълъ гдъ-нибудь и когда-нибудь мѣсто, — люди вовсе не установили бы обязательно соціалистическій укладъ хозяйства. Они всегда стремились бы создать условія для максимальнаго развитія «богатства народовъ», т. е. всъ предпосылки для экономическаго прогресса. Но отнюдь не при всякихъ условіяхъ соціализмъ, т. е. общественная собственность, является наиболъе разумной, т. е. гарантирующей такое развитіе. Въ тъ времена, когда Руссо изобръталъ свой договоръ, т. е. лътъ двъсти назадъ, наиболъе раціональнымъ общественнымъ строемъ былъ капитализмъ, полное господство частной собственности, свобода торговли, «laissez faire, laissez passer». Если черезъ двъсти лътъ послъ насъ передъ человъчествомъ еще будетъ стоять вопросъ о раціональной, т. е. наиболъе производительной организаціи своего хозяйства, — оно отвергнетъ частную собственность и предпочтетъ планом врную организацію своего общественнаго хозяйства. Но какова наиболъе раціональная организація хозяйства во вст промежуточные моменты? И въ частности въ настоящій моментъ?

Она состоить въ томъ, чтобъ въ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, гдѣ общественный коллективъ (государство, провинція, городъ и проч.) лучше справится съ задачей управленія

развитія его, чъмъ производствомъ и частный предприниматель — господствовало хозяйство общественнаго коллектива; а въ тъхъ отрасляхъ, гдъ частный предприниматель лучше справится съ этой задачей, — господствовалъ капитализмъ. Но такъ какъ въ процессъ развитія капитализма то одна, то другая отрасль, и всъ онъ одна за другой, постепенно созръвають для обобществленія, — то раціональная организація народнаго хозяйства требуетъ постепеннаго обобществленія народнаго хозяйства по мъръ его прогрессирующаго созръванія для соціализма. Мы видъли выше, въ чемъ состоитъ это «созръваніе» и какъ оно происходитъ.

Но это разсужденіе чисто раціоналистическое. Оно было бы примѣнимо въ физикѣ или медицинѣ; но въ приложеніи къ соціальнымъ явленіямъ теоретическіе постулаты, хотя бы самые безспорные, преломляются сквозь очень ѣдкую среду: сквозь интересы общественныхъ классовъ. Интересы эти, — и вся базирующаяся на нихъ система иллюзій и заблужденій, — препятствуютъ такому постепенному, органическому приспособленію соціальныхъ отношеній (общественная собственность — частная собственность) къ состоянію производительныхъ силъ.

Препятствія этого рода появляются съ двухъ сторонъ. Вопервыхъ, со стороны тѣхъ элементовъ рабочаго класса, которые видятъ въ соціализаціи моментальное преобразованіе
в с ѣ х ъ общественныхъ отношеній, создающее изъ нашей
юдоли плача и скорби — царство счастья, равенства и братства. Для нихъ капитализмъ есть синонимъ, зла; его прогрессивную роль въ прошломъ и въ настоящемъ они не видятъ.
И такъ какъ всякое зло надо вырвать съ корнемъ, то капитализмъ долженъ быть «упраздненъ» и немедленый с
о ц і а л и з м ъ въ наиболѣе полной формъ, т. е. не оставляющій ни одного уголка частной собственности, долженъ
водрузить свое знамя. Это и есть та самая утопія, которая

восторжествовала въ Россіи. Если-бъ она восторжествовала въ Европъ, результаты были бы въ общемъ тъ же. Хозяйственный распадъ и возвратъ къ капитализму.

Во-вторыхъ, препятствія ставятся со стороны имущихъ классовъ. Въ туманныхъ, смутныхъ формахъ, въ книжной наукѣ, на бумагѣ признается раціональность общественнаго хозяйства въ большей или меньшей степени. Но на практикѣ вся идеологія индивидуализма возстаетъ противъ каждаго, хотя бы самаго маленькаго шага въ этомъ направленіи. Онъ допускаетъ еще коммунальный водопроводъ и ассенизацію; онъ соглашается по стратегическимъ соображенія мъ на націонализацію желѣзныхъ дорогъ. Но уже парочка угольныхъ шахтъ, какъ матеріалъ для націонализаціи, приводятъ его въ трепетъ и ужасъ.

И тъмъ не менъе коллективное хозяйство прогрессируетъ. Во многихъ областяхъ оно оказывается наиболъе раціональнымъ, и вопреки доктринамъ манчестерства, приходится вступать на этотъ путь. Германія одна, насколько мнъ извъстно, производитъ точный подсчетъ всъхъ общественно-организованныхъ предпріятій. Если сравнить въ этомъ отношеніи данныя объихъ послъднихъ переписей, то картина будетъ слъдующая (кромъ желъзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона):

	Число пр	едпріятій	Число рабочихъ и служащихъ			
	1895 г.	1907 г	1895 г.	1907 г.		
Имперія	277 782 1 642 542	1 103 4 514 13 664 3 236	28 057 135 157 20 922 4 406	40 311 316 362 175 150 41 007		
Bcero .	3 243	22 517	188 642	572 830		

Общее число промышленныхъ предпріятій въ Германіи осталось почти неизмѣннымъ (оно возросло за эти 12 лѣтъ съ 3,1 милл. до 3,4 милл.), такимъ образомъ, число предпріятій государственныхъ и коммунальныхъ увеличилось абсолютно и относительно въ 7 разъ.

Персоналъ всей промышленности и торговли въ то же время возросъ съ 10,3 милл. до 14,3 милл.; такимъ образомъ, персоналъ коллективнаго хозяйства составлялъ:

Однако, цифра въ 4 % не выражаетъ размѣровъ коллективнаго хозяйства. Вѣдь въ приведенной таблицѣ не приняты во вниманіе ни желѣзныя дороги, ни почта, ни телеграфъ. Если прибавить ихъ, мы найдемъ, что общее число рабочихъ и служащихъ въ коллективномъ хозяйствѣ увеличивается съ 572 830 приблизительно до 1 450 000. Это ужъ внушительная цифра.

Но «обобществленіе» хозяйства, достигшее такихъ размъровъ, шло слъпо, стихійно, случайно. Интересно поэтому разобрать, какъ «объективный разумъ» сказался въ системъ обобществленія. Какія отрасли хозяйства и какія предпріятія составляли базу коллективнаго хозяйства?

	Число рабочихъ и служащихъ
Верфи (гл. образомъ военныя)	. 19.598
Угольныя копи	. 60.000
Железнодорожныя мастерскія (и др. ма	1-
шиностроеніе)	. 47 866
Вагоностроеніе и т. п	
Производство взрывчатыхъ веществъ	. 14 756
Пошивка бълья и платья (военнаго?) .	. 15 421
Постройка путей сообщенія и т. п	. 63 563
Больницы	. 31 292
Газовые заводы	. 30 248
Транспортъ	. 43 668
	368 951

Остальные 200 000 приходятся на болѣе мелкія отрасли. Мы видимъ, какъ эта таблица подтверждаетъ выше сдѣланный выводъ о «эрѣлости» для обобществленія. Всѣ перечисленныя въ таблицѣ отрасли — типичныя «шаблонныя».

Таково было положеніе въ 1907 г., передъ войной. Война многое измѣнила въ этомъ отношеніи. Сперва она сильно расширила сферу коллективнаго хозяйства и подчинила государству цѣлый рядъ новыхъ предпріятій и отраслей. Она же создала большую хозяйственную бюрократію, и сдѣлала наемными рабочими и служащими государства (и коммунъ) новые тысячи и десятки тысячъ людей. Затѣмъ окончаніе войны вновь сократило размѣры коллективнаго хозяйства; и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась нераціональность, подчасъ большая убыточность государственнаго хозяйства во многихъ сферахъ.

Военный опытъ указалъ, что «военный соціализмъ», сильно захватившій распредѣленіе (торговлю) и оставившій почти незатронутымъ сферу производства, есть худшая изъ всѣхъ мыслимыхъ системъ реорганизаціи общественнаго хозяйства; что распредѣленіе меньше всего поддается сейчасъ, — по очень многимъ причинамъ — общественному вмѣшательству и регулированію; что обобществленіе хозяйства должно начинаться (и на очень долгое время ограничиваться) частью сферы крупнаго производства.

I۷.

Субъективныя условія.

Тъмъ самымъ ръшается и запутанный нынъ вопросъ о «субъективныхъ предпосылкахъ» революціи. Субъективныя условія, т. е. наличіе воли, ръшимости и единства въ борьбъ за опредъленныя цъли, создаются вмъстъ съ созданіемъ объективныхъ условій. По мъръ того, какъ созръваютъ хозяйственные устои новаго общества, зръютъ и силы, достаточныя для необходимаго переворота. И наоборотъ, покуда не созръли объективныя предпосылки, нътъ въ наличности и силъ, достаточныхъ для революціи. Поэтому нынъшнее положеніе дълъ въ соціалистическомъ движеніи является симптомомъ того, что для соціальной революціи не созданы еще необходимыя условія.

Дъйствительно, каково отношеніе рабочихъ организацій къ вопросамъ осуществленія соціализма? Только небольшая

часть ихъ — крайняя лъвая — готова вступить въ ръшительный бой съ силами капитализма. Но она обнимаетъ меньшинство рабочихъ. Огромное большинство, несмотря на тъ или иные взгляды и убъжденія, боязливо отступаетъ передъ вопросами соціализаціи. Оно не только отказывается вступить въ «послѣдній, рѣшительный бой», но не проявляетъ энергіи даже и тамъ, гдъ ръчь идетъ о частичныхъ успъхахъ обобществленія хозяйства. Можно бранить ихъ за это сколько угодно. Но положеніе надо понять. Если же понять его, то выводъ будетъ ясенъ: отсутствіе солидарности и единства въ этомъ, основномъ вопросъ соціализма указываетъ на то, что внъшнія условія еще не вынудили, не выковали такого единства. Другими словами: они не диктуютъ той простой, элементарной активности въ дълъ устроенія соціализма, которая появляется върезультат в законченнаго развитія и которая является вмъстъ съ тъмъ условіемъ успъшной борьбы.

Между тъмъ, послъднія 15—20 лътъ передъ войной были годами большого единства въ рабочемъ движеніи Европы. И тамъ, гдъ оно дълало особенно большіе успъхи — въ Германін и Австріи — единство его было особенно велико. Чъмъ объяснялось и чъмъ вызывалось это единство милліонныхъ армій? Тѣмъ, что борьба съ капитализмомъ, т. е. за осуществленіе соціализма спаивала воедино всъхъ мыслящихъ рабочихъ? Да, въ теоріи, т. е. идеологически это было такъ. Но вся дальнъйшая исторія показала, что дъло было много сложнъе. Борьбазаотмъну частной собственности не имъла тогда актуальнаго значенія. Среди множества продъланныхъ сраженій, среди практическихъ требованій, привлекавшихъ новыхъ адептовъ въ соціалистическій лагерь, это требованіе фигурировало лишь какъ «регулятивный принципъ». Единство имълось потому, что политическій режимъ сплачивалъ воедино самыя разнообразныя силы, и что въ отрицаніи его потенціальныя разногласія по вопросу объ осуществленіи соціализма казались отт в н к а м и. Это означаеть, что им влись въ наличности всѣ предпосылки для политическаго переворота, для демократическаго государства, но не было ихъ для соціальной революціи.

Исторія средне-европейскихъ революцій блестяще подтвердила это. Оттънки въ мнѣніяхъ превратились въ глубочайшія разногласія. Они выросли въ уличныя баррикады, на которыхъ сторонники соціализма разстръливали другъ друга. Нужно ли еще лучшее, — если угодно худшее, — доказательство незрълости рабочаго класса для соціальной революціи?

Такъ обстоитъ дѣло въ средѣ рабочихъ организацій. Есть еще два соціальныхъ слоя, играющихъ рѣшающую роль въ политическихъ бояхъ. Во-первыхъ, городскіе служащіе, вовторыхъ крестьяне.

О первыхъ, немало писали въ послъднее время. Ихъ количественный ростъ, и ростъ ихъ удъльнаго въса общеизвъстны во всъхъ индустріальныхъ странахъ. Каково ихъ отношеніе къ соціализму? Очень, очень прохладное. До европейскихъ революцій они держались вдали отъ соціалистическаго движенія, и, участвуя подчасъ въ тъхъ или иныхъ экономическихъ столкновеніяхъ на сторонъ рабочихъ, они усиленно подчеркивали свою безпартійность, т. е. нежеланіе потрясать «общественныя основы». Послъ революціи они отчасти пріобщились кое-гдъ къ соціализму, но и тутъ приняли его въ безцвътной формъ.

Чѣмъ это объясняется? Вѣдь огромной массѣ ихъ капитализмъ ничего не даетъ. Вѣдь лишь ничтожная горсточка ихъ вкушаетъ тантьемы, дивиденды и пр. Вѣдь имъ приходится на каждомъ шагу бороться съ капиталомъ. Какимъ же образомъ громадному аппарату соціалистической пропаганды не удалось увлечь эту, наиболѣе культурную часть наемнаго труда? Объясненіе возможно только одно: въ нихъ не выросло еще сознаніе того, что новые принципы хозяйства — общественная собственность и планомѣрная организація — способны успѣшно выполнить задачу развитія производительныхъ силъ. Между тѣмъ, это сознаніе должно быть аксіомой наканунѣ успѣшной соціальной революціи.

TRI. 10 THE OUT HEY

О крестьянствъ также немало говорилось въ эти годы, въ частности объ отношеніи его къ соціализму. Вся соціалистическая литература превосходно и очень убъдительно доказываетъ, что крестьянство ничего не потеряетъ отъ соціалистическаго переворота; наоборотъ, оно можетъ много выиграть отъ него. Что даетъ крестьянству крупная городская или аграрная собственность? Велики ли его шансы выйти въ «богатые»? Они почти равны нулю. Кто сдълаетъ больше для народнаго образованія, поднятія культуры, въ частности сельско-хозяйственной культуры, чёмъ соціалистическое общество? Кто обезпечитъ отъ голодной смерти безработнаго сына многосемейнаго мужичка? Кто позаботится о пропитаніи его на старости? Преимущества соціализма совершенно безспорны. И тъмъ не менъе — никакого серьезнаго сдвига въ крестьянствъ въ пользу соціализма! Попрежнему побъждаетъ его «антиколлективистическій черепъ». Но что это за странный черепъ, которому достаточно перебраться въ городъ и заняться наемнымъ трудомъ, чтобъ черезъ пару мѣсяцевъ, развѣсивъ уши, слушать съ восторгомъ остроты Адольфа Гофмана и пъть «stolz weht die Fahne purpurrot!».

Удалось ли бы «нейтрализовать» крестьянъ въ настоящее время при вспышкъ соціальной революціи? Ихъ консервативная, крайне-индивидуалистическая оріентація не оставляетъ сомнънія въ томъ, что они приняли бы очень активное участіе въ борьбъ — на сторонъ противниковъ соціализма. И точно такъ же, какъ рабочая революція 1848 года во Франціи была раздавлена крестьянскимъ сапогомъ; какъ крестьянство подавило коммуну въ 1871 году, — такъ же безпощадно раздълалось бы оно съ рабочей революціей въ центральной Европъ, если-бъ она шагнула къ соціализму.

Иной разъ общественные классы ошибаются. Заблужденія бываютъ и массоваго характера. Когда русскіе рабочіе тысячными толпами шли кланяться царю въ началѣ 1905 года, они совершили ошибку съ точки зрѣнія своего класса. Но это возможно разъ или два; это можетъ продолжаться годъ, три года, наконецъ пять лѣтъ. Но когда крестьянство въ теченіе 70 лѣтъ душитъ соціализмъ вездѣ, гдѣ онъ готовъ всту-

пить въ жизнь, — душитъ тотъ самый соціализмъ, который объщаетъ и ему лучшее будущее, — можно ли назвать это простой ошибкой, недоразумѣніемъ? Совершенно очевидно, что пристрастіе крестьянства къ индивидуализму, какъ и боязливое отношеніе городскихъ служащихъ и интеллигенціи къ соціализму, является симптомомъ незрѣлости условій для полнаго господства новаго общественнаго строя; оно объясняется отсутствіемъ увѣренности въ томъ, что этотъ строй «сдѣлаетъ лучше»; наличностью свѣжаго, каждодневнаго опыта въ способности капитализма развивать народное хозяйство, и — что одно и то же — отсутствіемъ разочарованія въ производительныхъ способностяхъ капитала.

Итакъ, на дѣлѣ блокъ противниковъ немедленной соціальной революціи включаетъ въ себя и городскихъ служащихъ, и интеллигенцію, и крестьянство, и добрую долю рабочаго класса! «Объективныя предпосылки» соціализма и его «субъективныя предпосылки» — двѣ стороны одной медали. И, если въ революціонные годы, когда всѣ классовые интересы обнажаются до конца, нѣтъ въ наличности вторыхъ, то слѣдовательно нѣтъ и первыхъ.

٧.

Что-же такое соціальная революція?

Утопическія представленія связаны не только съ вопросомъ о моментъ соціалистическаго переворота. Представленіе о сущности этого переворота не менъе богато утопіей. И это неизбъжно. Одно тъсно связано съ другимъ.

Если върить, что соціалистическій переворотъ дѣло ближайшихъ лѣтъ, то очевидно содержаніемъ этого переворота должно сдѣлаться превращеніе системы частной собственности въ общественную. Вѣдь въ настоящее время господствуетъ капиталистическій способъ производства, — а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ соціальной революціи способъ производства будетъ соціалистическій. Слѣдовательно, соціальная революція есть ничто иное, какъ превраще-далинъ. Послѣ войнъ и революцій. 14

ніе одной системы производства въ другую.

Нужно ли подтверждать это цифрами? Если вы, читатель, хоть сколько-нибудь знакомы съ обычной идеологіей и аргументаціей, одинаково распространенной и въ средъ сторонниковъ, и въ средъ противниковъ соціальной революціи, то для васъ это не ново. Эти мысли вы находите и у авторитетовъ соціализма, даже у наиболѣе осторожныхъ изъ нихъ. Въ самомъ лучшемъ изъ такихъ произведеній, у Каутскаго, въ книгъ «На другой день послъ соціальной революціи», ходъ вещей изображается такъ. Новая, побъдившая соціалистическая власть не только экспропріируетъ многія промышленныя предпріятія, но кром'в того создаеть такія условія, которыя дълаютъ функціонированіе капиталистическаго хозяйства невыгоднымъ. Оно вводитъ, напр., такое страхованіе отъ безработицы, которое даетъ возможность рабочимъ повысить свою плату до уровня, дълающаго капиталъ бездоходнымъ. Тогда представители капитала сами предложатъ свои предпріятія государству за нікоторую сумму денегъ. Однако, дъло сводится не къ одному, конечно, страхованію отъ безработицы. Согласно традиціонному представленію, соціалистическая власть несовмъстима съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Первая поэтому не можетъ не ликвидировать второе, хотя бы она и не стремилась къ этому. «Политическое господство пролетаріата и продолженіе капиталистическаго способа производства несовм встимы» 1). Поэтому, хотя Каутскій и замвчаеть, что процессъ преобразованія будетъ многольтнимъ процессомъ, но, очевидно, что уже первые дни новой власти должны положить конецъ капитализму, т. е. сдълать его по крайней мфрф невыгоднымъ.

Ликвидируя капитализмъ, соціальная революція — согласно этимъ представленіямъ, — строитъ новый экономическій режимъ. Она экспропріируетъ фабрики, объединяетъ предпрія-

¹) На другой день, с. 8.

тія въ тресты, одни закрываетъ, другія расширяетъ, и реорганизуетъ весь способъ производства сверху до низу. Словомъ, какъ я говорилъ выше, революція превращаетъ одинъ способъ производства въдругой.

Но такъ ли идетъ вообще историческое развитіе? Бываетъ ли на дълъ такъ, что новый способъ производства создается

лишь въ процессъ революціи?

Вернемся еще разъ къ классическому образцу революцій: къ Франціи конца 18-го въка. Это была буржуазная революція. Она покончила съ феодализмомъ и открыла просторъ капитализму. Но върно ли будетъ, если мы скажемъ: до 14-го іюля 1789 года во Франціи способъ производства былъ феодальный, а послъ 1794-го года способъ производства былъ буржуазный?

Дѣло было совершенно иначе. Товарныя отнощенія развивались во Франціи исподволь, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Капитализмъ имѣлъ къ началу революціи по крайней мѣрѣ двухсотлѣтнюю исторію. Существовала крупная капиталистическая торговля, внѣшняя и внутренняя. Существовали крупныя (по тогдашнимъ понятіямъ) фабрики. Банки и банкиры играли выдающуюся роль во всей экономической жизни. Существовала буржуазія и пролетаріатъ, и время отъ времени вспыхивали экономическія стачки. Словомъ, налицо были не только всѣ элементы капитализма, но капиталистическій способъ производства былъ уже в полнѣ развитъ наканунѣ буржуазной революціи.

А феодализмъ? Отъ него остались только обломки, обрывки; юридическія нормы, повинности, сословныя перегородки — и политическая власть. Кръпостного права ужъдавно не существовало. Не существовало и феодализма, какъспособа производства.

«Ничто не даетъ болъе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ Франціи, — пишетъ М. Ковалевскій, — какъ окрещиваніе ихъ именемъ феодаль14*

ныхъ». Вполнъ соглашаясь съ Ковалевскимъ, Г. Плехановъ прибавляетъ, что несмотря на то, что способъ производства отнюдь не былъ феодальнымъ, хозяйственная жизнь страдала отъ остатковъ политической и сословной системы феодализма. Плехановъ приводитъ аналогичное мнъніе Токвиля и соглашается съ нимъ: революція возникла вслъдствіе того, что «предшествовавшее разрушеніе части феодальныхъ учрежденій сдълало во сто разъ ненавистнъе ту часть ихъ, которая еще осталась» 1).

Такова была ситуація наканунт буржуазной революціи. Въ нее надо вдуматься. Какъ мало похожа она на господствующую схему: «революція уничтожаетъ одинъ способъ производства и создаетъ другой»! Революція произошла не потому, что надо было приступить къ развитію капитализма, а потому, что капитализмъ быль уже развитъ внутри стараго общества. Революція должна была не упразднить феодализмъ какъ хозяйственную систему, а уничтожить пережитки феодализма и феодальную «политическую надстройку». Если выразить ситуацію въ немногихъ словахъ, то она представляется въ слѣдующемъ видѣ: товарная и капиталистическая система въ производствъ - и феодальныя нормы въ правъ и политикъ. Это схема неполная, упрощенная — какъ и всякая схема. Но сущность дъла именно такова: капитализмъ развивался въ нѣдрахъ «стараго общества» до тѣхъ поръ, пока феодальныя одежды не стали ему тъсны. Онъ разрываеть ихъ, въ эпоху революціи, и надъваетъ новыя, по своей м ъркъ. Но онъ не рождается въ эпоху революціи, а лишь достигаетъ въ ней соверщеннолътія!

Какъ же обстоитъ дѣло съ соціалистической революц сй? Если аналогія примѣнима, — а она дѣйствительно примѣнима, — то значитъ, что къ моменту соціалистической революлюціи новый способъ производства долженъ быть ужъ очень развитъ. Отъ капитализма остаются, конечно, къ этому

¹) М. Ковалевскій, происхожденіе современной демократіи, т. І, с. 59. Н. Бельтовъ, Критика нашихъ критиковъ, с. 32—34.

моменту болѣе или менѣе существенные элементы, и объ устраненіи ихъ-то и идетъ рѣчь. Но преобразованіе экономической системы должно происходить до того, и это преобразованіе только и создаетъ впервые благопріятныя предпосылки для политическаго переворота 1).

Поэтому общественное развитіе нужно представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Ближайшая эпоха — одно - два поколѣнія, а можетъ быть и больше — будетъ періодомъ медленнаго, но несомнѣннаго роста и расширенія коллективнаго хозяйства. Въ этомъ процессѣ обобществленія государство (или городъ или т. п.) дѣлается наслѣдникомъ частнаго хозяина. Оно унаслѣдуетъ рабочихъ, систему оплаты, заказчиковъ, но раньше всего собственность. Общественная собственность растетъ за счетъ частной собственности.

Этотъ процессъ происходитъ въ «органическую», «эволюціонную» эпоху развитія. Съ опаской и оглядкой, боязливо и ограниченно, но буржуазно-крестьянскія страны Европы и Америки идутъ на расширеніе сферы коллективнаго хозяйства. Онъ продолжаютъ по существу ту линію, которой приходилось держаться до сихъ поръ, — быть можетъ нѣсколько усиленнымъ темпомъ, а быть можетъ старымъ темпомъ. Они дѣлаютъ это подъ давленіемъ народныхъ низовъ, постороннихъ соображеній (военныхъ напр.), но въ особенности подъ вліяніемъ экономической дѣйствительности, новѣйшихъ изобрѣтеній, вызывающихъ къ жизни новыя, гигантскія, все-.

1) Это противоръчіе между научнымъ представленіемъ о революціи и распространенными утопическими взглядами на нее чувствоваль Бебель; но, какъ всегда, онъ замънялъ научное разръшеніе этого вопроса — вмъшательствомъ человъческой воликоторая все можетъ. Это звучитъ у него даже нъсколько наивно:

[&]quot;По сихъ поръ развитіе человъчества шло такъ, что общественный классъ приходилъ къ власти въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ уже господства надъ производствомъ, надъ матеріальной основой. У насъ же — напротивъ. Мы не можемъ основать господство рабочаго класса на завоеваніи экономической власти, мы прибъгнуть къ противоположному средству Мы должны сперва завоевать политическую власть и воспользоваться ею для того, чтобъ добиться экспропріаціи буржуванаго общества. Когда политическая власть будетъ въ нашихъ рукахъ остальное приложится" (Протоколы съъзда въ Галле, с. 158—59).

объемлющія, явно-монополистическія капиталистическія предпріятія. Они отстаютъ при этомъ отъ требованій жизни, быть можетъ и очень сильно. Но отставая и упираясь, они все же идутъ по этому пути. Мы это видѣли въ предыдущей главѣ.

Превращеніе частной собственности въ общественную происходитъ при этомъ въ формъ выкупа. Какъ происходитъ этотъ выкупъ? Только наивные люди представляютъ себъ, будто государство изъ своихъ средствъ выплачиваетъ полную цѣнность покупаемыхъ предпріятій. Для этого у него нътъ средствъ, да въ этомъ и нужды нътъ. Пріобрътая жельзную дорогу или заводъ цънностью въ 100 милліоновъ, казна заключаетъ заемъ на эту сумму. Она выпускаетъ заемные листы, облигаціи или т. под., и полученными деньгами удовлетворяетъ продавцовъ. Она можетъ поступить и часто поступаетъ еще проще. Она предоставляетъ продавцамъ государственныя цънныя бумаги — цънностью въ ту сумму, которую слъдуетъ уплатить. Бумаги эти приносятъ нъкоторый ежегодный доходъ, иначе онъ не имъютъ цънности. Онъ обращаются на биржъ, и обладатели могутъ ежедневно превратить ихъ въ «настоящія» деньги. Но во всъхъ этихъ случаяхъ результатъ одинъ. Создается новый, фиктивный капиталъ въ 100 милл., представляющій, однако, отнюдь не фиктивное право на нѣкоторую часть ежегодныхъ государственныхъ доходовъ.

Прежніе предприниматели превращаются върантье. Это нужно понимать не буквально. Прежній собственникъ угольной шахты, удовлетворенный нынъ государственными бумагами, можетъ не успокоиться на этомъ. Онъ можетъ продать свои облигаціи и заняться новымъ дъломъ. Но въ такомъ случаъ кто-либо другой становится на его мъсто: уступивъ ему деньги въ обмънъ на ежегодную ренту, онъ самъ превращается въ рантье.

Этотъ процессъ образованія большого, могущественнаго класса рантье происходилъ ужъ и до войны и очень усилился за время войны. Общая сумма государственныхъ и коммунальныхъ цънностей достигла громадныхъ размъровъ. И од-

нако, мы стоимълишь въсамомъначалѣэтого развитія. До сихъ поръ государственные долги образовались, главнымъ образомъ, изъ военныхъ расходовъ мирнаго и военнаго времени. Но чѣмъ дальше будетъ развиваться хозяйственная дѣятельность государства и коммунальныхъ объединеній, тѣмъ скорѣе будетъ расти масса «фиктивнаго капитала» и государственныхъ рентъ. Каждая новая желѣзная дорога, каждое увеличеніе, расширеніе, усовершенствованіе казенныхъ заводовъ, каждый шагъ коммунальнаго хозяйства требуетъ новыхъ капиталовъ. Ихъ можно получить лишь на рынкѣ, т. е. увеличивъ долговое бремя.

Чѣмъ дальше прогрессируетъ народное хозяйство, тѣмъ сильнѣе растутъ коллективныя формы хозяйства, тѣмъ болѣе отдѣльныя предпріятія перестаютъ быть частной собственностью, тѣмъ болѣе классъ промышленныхъ капиталистовъ будетъ превращаться въ капиталистовъ — рантье. Сперва образованіе новыхъ промышленныхъ капиталовъ идетъ не менѣе быстро, чѣмъ ростъ капиталовъ общественныхъ. Но съ нѣкотораго момента государственное хозяйство обгоняетъ частное и превращаетъ буржуазію въ государственныхъ пенсіонеровъ

Къ концу этого процесса, который можетъ растянуться на очень долгое время, создается слъдующее положеніе. Орудія человъческаго труда превратились въ громадныя всеобъемлющія единицы производительныхъ силъ. По сравненію съ ними наши современные гиганты производствомъ. покажутся, въроятно, мелкимъ на нихъ многомилліонная масса служащихъ трудомъ, безо всякаго создаетъ своимъ участія капитала, массу цінностей, составляющих источникъ респредѣленія. Если капиталомъ назвать частную собственность на орудія производства, то его въ этотъ моментъ ужъ не существуетъ въ значительныхъ размърахъ. Но капиталъ прододжаетъ существовать въ видъ цънныхъ бумагъ, т. е. права на нъкоторую долю народнаго дохода, и дъйствительно, изъ ежегоднаго продукта національнаго труда нъкоторая доля неизбъжно удъляется для удовлетворенія

правъ «бумажныхъ» капиталистовъ. И если сейчасъ ужъ бремя процентовъ по государственнымъ долгамъ тяжело ложится на населеніе въ видъ громадныхъ налоговъ, во сколько разъ тяжелъ покажется оно, когда долги эти возрастутъ во много разъ, а производительныя функціи капитала сократятся до минимума!

Классъ капиталистовъ перестанетъ въ тотъ моментъ играть производительную роль — въ этомъ основная черта революціонной ситуаціи. Это является предпосылкой успъшной соціальной революціи. Подобно тому, какъ классъ дворянства, нъкогда прогрессивный и общественно-полезный, къ концу своей эпохи (напр. во Франціи или Россіи) перестаетъ выполнять какія бы то ни было полезныя функціи, сохраняя лишь право на доходъ и тъмъ самымъ превращаясь въ паразита, котораго революція просто уничтожаетъ, — точно такъ же и буржуазія начинаетъ свою карьеру съ высоко-прогрессивныхъ ролей и выполняетъ ихъ на протяженіи цълыхъ стольтій. Воодушевляемая погоней за золотомъ, она двигаетъ впередъ общественное развитіе. Но приходитъ и ея чередъ. Свершивъ все, на что она была способна, она не исчезаетъ добровольно и незамътно, а сохраняетъ свои привилегіи безъ производительныхъ функцій. Она перестаетъ быть общественно-полезнымъ классомъ. И тогда, —но только тогда, — устраненіе, упраздненіе ея дълается очередной задачей общества, условіемъ дальнів шаго здороваго развитія.

Не наступилъ ли этотъ моментъ уже сейчасъ? Въдь и сейчасъ буржуазія, «мало работаетъ, много получаетъ». Въдь и сейчасъ она живетъ чужимъ трудомъ. Не является ли она и сейчасъ паразитомъ, который безболъзненно можетъ быть уничтоженъ?

Это очень распространенный взглядъ. Но это совершенно невърно. Незаработанные доходы, получаемые тъмъ или инымъ классомъ, отнюдь еще не говорятъ о его ненужности, безполезности, вредоносности. Конечно, рабочіе создаютъ своимъ трудомъ ту массу доходовъ, которые поступаютъ въ пользу имущихъ классовъ. На этотъ счетъ не можетъ быть

никакихъ сомнѣній. Но нужно быть круглымъ невѣждой, чтобъ изъ этого сдѣлать выводъ: слѣдовательно, въ любой историческій моментъ капиталъ можетъ быть сметенъ съ лица земли.

Нѣтъ, онъ можетъ быть сметенъ лишь тогда, когда онъ пересталъ играть производительную роль. Такого положенія, какъ общее правило, еще нѣтъ. Оно имѣется развѣ только въ нѣкоторыхъ, немногихъ индустріяхъ. Своимъ громаднымъ подъемомъ, который пережилъ весь міръ въ послѣдніе полъ-вѣка, онъ обязанъ капиталу, промышленному капиталу въ первую очередь. Можно и должно ненавидѣть эксплуатацію человѣка, но вещи надо оцѣнивать трезво и вѣрно. Тотъ общественный классъ, который создалъ, развилъ и продолжаетъ развивать современную промышленность, еще нельзя отнести къ паразитическимъ общественнымъ элементамъ 1).

Развъ это не ясно, если вдуматься въ иные изъ современныхъ проектовъ соціализаціи? Вотъ, напримъръ, ленинская система соціализаціи: экспропріировавъ капиталистовъ, пригласить ихъ же вновь въ качествъ «спеціалистовъ», назначивъ имъ, вопреки нормъ и декрету, исключительно высокіе гонорары. Что же означаетъ этотъ проектъ? Это попытка преодолъть незрълость для соціализма обходнымъ движеніемъ. Возможно ли это?

¹⁾ Поэтому очень преувеличенными являются огульныя сужденія Каутскаго въ 1908 г. по этому вопросу: "Личность капиталиста дѣлается совершенно ненужной для хода капиталистическаго предпріятія благодаря системѣ акціонерныхъ обществъ. Исключеніе его персоны изъ экономической жизни, остается лишь.. вопросомъ с и лы". Какъ будто въ акціонерныхъ компаніяхъ нѣтъ тѣхъ "главныхъ акціонеровъ", которые рѣшаютъ ихъ судьбу совершено такъ-же, какъ они рѣшали судьбу частныхъ предпріятій. Поэтому такъ странно звучитъ сейчасъ, послѣ германской революціи, заключеніе, къ которому Каутскій тамъ-же приходитъ: "Капиталистическій классъ сдѣлался излишнимъ, и первое большое пораженіе его въ борьбѣ за государственную власть должно поивести къ его полному и окончательному крушенію" ("Путь къ власти", с. 40). "Большое пораженіе" въ концѣ 1918 года привело буржуазію не къ "полному крушенію", а къ новому возрожденію! Вотъ загадка, которую методами исторической утовіи никакъ не разрѣшить.

Нътъ! Взять цълую массу предпріятій, въ которыхъ индивидуальный промышленникъ-капиталистъ играетъ еще руководящую, ръшающую роль, объявить его служащимъ и заставить его работать по-прежнему! Это могло бы удаться въ двухъ-трехъ случаяхъ. Но если сперва кастрировать весь буржуазный классъ, лишивъ его основного импульса въ работъ, а затъмъ назначить его бюрократической машиной, то изъ этого толку не получится. И дъйствительно, тамъ, гдъ Ленинъ произвелъ свой опытъ, толку не получилось.

Но этотъ проектъ характеренъ въ другомъ отношеніи. Онъ показываетъ, какъ много заботъ причиняетъ вопросъ о руководящей промышленностью буржуазіи даже и среди тѣхъ, кто радикальнъе всѣхъ хочетъ покончить съ этой самой буржуазіей. Онъ показываетъ, что попытка осуществленія соціализма въ традиціонной формъ въ настоящее время есть попытка механическаго преобразованія системы производства. Но это никогда не имъло мъста въ исторіи, и это невозможно.

Въ тотъ моментъ, какъ классъ буржуазіи превратится въ ненужную, паразитическую группу людей, тогда ее можно «отпилить». Это и будетъ содержаніемъ соціальной революціи. Положеніе дѣлъ будетъ къ тому времени, повидимому, такое:

Основная масса промышленности уже обобществлена. Государственныя, коммунальныя, провинцальныя, кооперативныя предпріятія сдѣлались уже индустріальнымъ типомъ. Товарныя цѣны устанавливаются сознательной волей общественныхъ хозяйственныхъ органовъ. Производство расширяется или сужается, сообразуясь непосредственно съ общественными потребностями, и направляется цѣлесообразно и планомѣрно въ сознательно-избранномъ направленіи. Но въ этомъ обобществленномъ хозяйственномъ зданіи зіяютъ какъ раны, отдѣльныя привилегіи, многочисленныя исключенія, долголѣтнія концессіи, монопольные договоры — словомъ, цѣлая масса частно-хозяйственныхъ правъ и преимуществъ. Они неизбѣжны при господствѣ частной собственности; они пре-

восходно гармонируютъ съ капитализмомъ. Но по мѣрѣ обобществленія хозяйства они дѣлаются анахронизмомъ. Однако, отмѣна и упраздненіе ихъ «конституціонными» методами (выкупомъ и т. под.) не всегда легка, не всегда возможна и встрѣчаетъ сильное сопротивленіе. Старыя, т. е. капиталистическія нормы, права и привиллегіи, продолжаютъ жить, когда капитализмъ уже разложился и преобразовался. Они должны быть устранены во имя общественнаго прогресса.

Этого мало. Классъ государственныхъ рантье представляетъ «явленіе», которое тоже нелегко устранить «конституціоннымъ» путемъ. Громадные надоги, которые дівлаются неободимыми для уплаты этихъ рентъ, и сейчасъ уже вызываютъ ожесточенную борьбу. Но во сколько разъ она усилится, когда націонализація приметъ большіе размъры! Не покрыть ли ихъ изъ доходовъ тъхъ предпріятій, которые выкуплены? Но для этого необходимо повысить цёну продуктовъ государственной промышленности, т. е. опять таки ввести косвенный налогъ. Стремленіе народной массы будетъ разумъется направлено къ тому, чтобъ необходимые для этой цъли налоги возложить на имущіе классы, т. е. по существу дъла — на тъхъ же государственныхъ кредиторовъ. Но это означаетъ, что классъ капиталистовъ самъ себъ уплачивалъ бы ренту; если-бъ возможно было наложить на него столько налоговъ, сколько требуется для уплаты ренты, то это означало бы аннулированіе государственныхъ долговъ. Противъ этого имушіе классы будутъ сопротивляться крайне ръшительно. Не только ръшительно, но въ общемъ и цъломъ и довольно успъшно до тъхъ поръ, пока сохраняется частная собственность. Ибо при такой системъ обложенія выкупъ дълается фиктивнымъ; онъ превращается въ конфискацію. Но въ «органическій» періодъ массовая конфискація невозможна-

Такимъ образомъ, для уплаты всѣхъ рентъ и долговъ придется облагать во все растущихъ размѣрахъ работающее населеніе, и все растущую часть государственныхъ доходовъ придется затрачивать на содержаніе «бывшихъ людей», прежде величественнаго, а нынѣ ненужнаго класса. Это второй элементъ архаизма, второе наслъдіе, остающееся отъ капитализма новому, обобществленному хозяйству.

И только въ этотъ моментъ им фетъ м всто соціальная революція. Она срываетъ полотна съ изваянія, вчерн вуже готоваго. Она экспропріируетъ и конфискуетъ, ликвидируетъ остатки стараго, уничтожаетъ высшіе соціальные слои и возвращаетъ обществу право распоряженія всей той частью имущества и дохода, которая шла до того на содержаніе буржуазіи. Она уничтожаетъ, словомъ, живые еще слѣды умирающаго капитализма.

Такая революція меньше всего похожа на гражданскую войну. Она носить очень простой, элементарный, стихійный характерь. Это — возстаніе всей народной массы противъ небольшой группы новыхъ «аристократовъ», не имѣющихъ болѣе никакой опоры, потому что ненужныхъ въ общественной жизни. Ихъ устраненію почти никто не сопротивляется. Они уже за годы до того стали посмѣшищемъ, предметомъ ненависти и презрѣнія. Ликвидація ихъ только исполняетъ «наконецъ» то, чего «всѣ» давно желаютъ.

Ходъ общественнаго производства не страдаетъ отъ та к ой революціи, или страдаетъ отъ нее въ томъ минимальномъ размѣрѣ, въ какомъ крупныя политическія потрясенія отражаются на хозяйственной жизни. Въ революціи не приходится с тро и ть новое хозяйство: это задача непосильная, невыполнимая для революціи. Но революція у н и ч то жа е тъ послѣдніе остатки стараго. Это, то лько это она сдѣлать въ силахъ, — на то она и есть революція.

Между тѣмъ, старое представленіе о «соціальной революціи», которая должна разразиться при жизни подлиннаго капиталистическаго производства, связано было съ идеей совершенно иного рода. Пока капитализмъ, какъ система производства, еще живъ, на сторонѣ его громадные интересы цѣлыхъ массъ населенія. Поэтому соціальная революція рисовалась не въ видѣ всенароднаго возстанія противъ новой аристократіи, а какъ взаимная борьба двухъ частей народа,

т. е. какъ гражданская война, въ которой, впрочемъ, военные методы, баррикады и пр. могутъ и не играть ръшающей роли.

«Я думаю — писалъ. Каутскій, что соціальная революція будетъ не внезапнымъ возстаніемъ противъ власти, а скорѣе будетъ похожа на долгую гражданскую войну, если съ этимъ понятіемъ не связывать представленія о дѣйствительныхъ войнахъ и сраженіяхъ.»¹)

Однако, и Каутскій впослѣдствіи совершенно иначе отнесся къ гражданской войнѣ, какъ методу соціалистической революціи. И не было еще ни одной гражданской войны, которая не закончилась бы контръ-революціей.

Но если такъ, то залогомъ успѣха революціоннаго переворота является то массовое, элементарное, всенародное движеніе, о которомъ я говорилъ выше. А предпосылкой такого движенія является предварительное вырожденіе и разложеніе капитализма.

И на слѣдующій день послѣ революціи обновленное человѣчество, празднуя избавленіе и свободу, со смѣхомъ будетъ вспоминать о курьезныхъ политикахъ 1918—21 годовъ, которые «дѣлали» соціальную революцію и «строили» соціализмъ, какъ ребенокъ дѣлаетъ солнце изъ красной бумаги!

VI.

Механика соціализаціи.

Чтобъ понять экономическую механику соціализаціи, допустимъ что государство пріобрѣтаетъ, къ примѣру, мыловаренный заводъ за 10 милліоновъ. Для начала допустимъ, что необходимыя для этого средства государство беретъ изъ текущихъ своихъ доходовъ: налоговъ, пошлинъ и пр. Заводъ изготовляетъ въ годъ 5 милліоновъ кусковъ мыла, рыночная цѣна на мыло стоитъ 2 рубля. Эта цѣна, выработанная частной мыловаренной промышленностью, покрываетъ всѣ издержки производства, и сверхъ того оставляетъ прибыль въ

^{) &}quot;Соціальная революція" с. 53.

размъръ 20 коп. съ каждаго куска. Себъстоимость составляетъ такимъ образомъ 1 р. 80 коп. На 5 милліоновъ кусковъ въ годъ издержки производства составляютъ 9 милл.; а прибыль 1 милл., т. е. 10 % на затраченный капиталъ.

Какъ государство поступитъ въ такомъ случаъ? Оно можетъ поступить двояко. Во-первыхъ, оно можетъ продавать мыло по 2 руб., по обычной рыночной цънъ, соотвътствуюшей дъйствительной цънности товара, включающей, какъ извъстно, не только издержки производства, но и нормальный уровень прибыли. Въ такомъ случат государство получаетъ ежегодную прибыль въ 1 милліонъ. Источникомъ этой прибыли является капиталъ въ 10 милл., затраченный государствомъ для пріобрътенія или постройки завода. Источникомъ этого капитала послужили налоги, собранные съ населенія. Источникомъ налоговъ является (за крайне ръдкими исключеніями) доходъ, т. е. фондъ потребленія отдъльныхъ гражданъ. Взимая 10 милл. налогами, государство сокращаетъ потребленіе общества на 10 милл. и превращаетъ ихъ въ капиталъ. Подобно тому, какъ капиталистъ обращаетъ часть своего дохода въ капиталъ, такъ и государство капитализируетъ часть доходовъ своихъ поданныхъ. Разница лишь въ томъ, что первый дълаетъ это добровольно, а второе дъйствуетъ принудительно.

Итакъ государство, создавъ капиталъ, заступаетъ мѣсто капиталиста. Оно дѣйствуетъ по всѣмъ правиламъ капиталистической промышленности. На первый взглядъ нѣтъ какъ будто никакой разницы между частнымъ лицомъ въ роли капиталиста и «государственнымъ капитализмомъ».

Между тъмъ разница очень существенная. Получивъ одинъ милліонъ прибыли, что дълаетъ съ нимъ государство? Оно записываетъ его въ свой доходный бюджетъ, т. е. можетъ затратить его на покрытіе иныхъ расходовъ. Если сумма его расходовъ остается неизмънной, то получивъ 1 милліонъ прибыли отъ хозяйственной дъятельности, оно можетъ понизить какой-либо налогъ на эту сумму. Налоговое бремя на населеніе уменьшается, б о л ь ш е остается для личнаго потребленія, т. е. уровень жизни повышается.

Конечно, 1 милліонъ въ годъ — капля въ морѣ, и для населенія пройдетъ совершенно незамѣченнымъ пониженіе налоговъ. Но допустимъ, что государство идетъ дальше по томуже пути. Изъ текущихъ государственныхъ доходовъ оно ежегодно затрачиваетъ нѣкоторую сумму на расширеніе своей хозяйственной дѣятельности и пріобрѣтаетъ въ свою собственность различные заводы, шахты, морскія суда, желѣзныя дороги. Продукты своихъ предпріятій оно продаетъ по ихъ цѣнности т. е. получаетъ прибыль, которая возрастаетъ изъ году въ годъ — по мѣрѣ того, какъ государство расширяетъ свою хозяйственную дѣятельность. Чѣмъ больше доходовъ изъ этого источника, тѣмъ болѣе могутъ быть сокращены другіе доходы.

Можно всв налоги понизить на опредвленный процентъ, или же можно начать съ отмѣны наиболѣе непопулярныхъ налоговъ. По мъръ пониженія налоговъ растетъ реальный доходъ населенія. Въ томъ числъ растеть и реальная заработная плата. Въ какомъ размъръ она растетъ, это зависитъ отъ государства. Если-бъ допустить такую политику, когда казна, пользуясь новыми доходами отъ государственныхъ предпріятій, упразднитъ налогъ на наслъдства, — это ничего не дало-бы рабочимъ. Если-бъ она, наоборотъ, замѣнила этими своими доходами прямые налоги на заработную плату, - весь излишекъ пошелъ-бы на повышеніе заработныхъ платъ. Если-бъ, наконецъ, она повысила низшую границу подоходнаго налога (Existenzminimum) или отмънила косвенный налогъ на предметы массоваго потребленія - главная выгода досталась-бы всёмъ низшимъ слоямъ общества, но лишь отчасти рабочему классу.

Когда государственное хозяйство доразвилось до достаточно крупныхъ размъровъ, прибыль отъ него дълается достаточной для покрытія основной части государственныхъ расходовъ, и налоги и пошлины, за нъкоторыми исключеніями (напр. на роскошь, на земельную собственность, на спекулятивные доходы, на очень высокіе дивиденды) могутъ быть упразднены. Это означаетъ, что государство живетъ непосредственно отъ своей экономической дъятельности и не

нуждается въ томъ обходномъ пути, который въ товарномъ хозяйствъ съ неизбъжностью ведетъ черезъ частныя хозяйства и налоговую машину.

А дальше? Если государство продолжаетъ тѣми же способами работу соціализаціи послѣ этого момента, то у него остается прибыль, которая уже составляетъ излишекъ сверхъ покрытія всѣхъ государственныхъ расходовъ. Тогда ему ничего не остается, какъ примѣнить второй методъ для повышенія уровня жизни и реальныхъ доходовъ населенія. Оно понижаетъ цѣны на продукты государственной промышленности. Мыло продается уже не за 2 рубля, а за 1,95, затѣмъ за 1,90 или 1,85. Государство понижаетъ цъны настолько, чтобъ они покрывали издержки производства плюсъ государственные расходы. Пониженіе цѣнъ повышаетъ уровень жизни населенія.

Если продолжить эту тенденцію до идеальнаго конца, и представить себъ моментъ когда всъ безъ исключенія орудія промышленности, транспорта, торговли и сельскаго хозяйства находятся уже въ рукахъ государства, то къ этому моменту исчезла вся прибавочная цънность. Первая часть ея идетъ на покрытіе государственныхъ доходовъ, другая возвращена населенію въ видъ подешевъвшихъ продуктовъ. Соціалистическое хозяйство убъждается на опытъ, что оно вовсе не должно держаться «законовъ цѣнности». Законы эти дъйствительны лишь въ предълахъ товарнаго хозяйства, когда товаропроизводители не имъютъ понятія объ этихъ законахъ. Но организованное хозяйство можетъ устанавливать цъны произвольно, въ зависимости отъ соображеній соціальной политики, гигіены, культурности. Покрытіе издержекъ производства, какъ постулатъ разумнаго хозяйства, существуетъ и для него, но не для каждаго отдъльнаго предпріятія и каждой индустріи, а для всей его хозяйственной дъятельности въ цъломъ. Это оставляетъ ему большой просторъ для модификаціи цѣнъ.

Но эта картина соціализаціи нереальна. Я привелъ ее отнюдь не для того, чтобъ показать какъ пойдетъ въ исторіи

процессъ преобразованія. Я хотълъ лишь выяснить, какъ сказано выше, экономическую механику соціализаціи и для этого началъ съ анализа такого исключительно-благопріятнаго положенія и такого разумнаго хода трансформаціи, какихъ въ человъческомъ обществъ, раздираемомъ классовой борьбой, совершенно быть не можетъ. Такъ безболъзненно дъло не обойдется.

Оставимъ здъсь въ сторонъ политическія затрудненія, борьбу, революціи. Главное экономическое препятствіе, стояшее на ПУТИ развитію, состоитъ въ томъ, что у государства нътъ и почти никогда не можетъ быть достаточныхъ текущихъ доходовъ, чтобъ затрачивать сколько-нибудь значительную часть ихъ на покупку или постройку промышленныхъ предпріятій. Мы начали съ мыловареннаго завода, который покупается за 10 милліоновъ. 10 милл. — сумма небольшая, и ее можетъ казна ассигновать ежегодно на дъло «соціализаціи». Однако, изъ этого ничего не получится. Частная промышленность вырастаетъ ежегодно на милліарды. Если наряду съ этимъ государственная промышленность будетъ увеличиваться на 10 милл. въ годъ — то ни о какой соціализаціи и рѣчи быть не можетъ. Значитъ дъло идетъ о гораздо большихъ суммахъ. Гдѣ ихъ взять?

Налоговое обремененіе во всѣхъ странахъ такъ велико, и желаніе облегчить его послѣ войны такъ сильно, что сопротивленіе соціализаціи изъ налоговаго фонда будетъ не малое. Къ тому-же существуетъ издавна финансовый «принципъ», что для хозяйственныхъ цѣлей, связанныхъ съ ежегодными доходами, государство прибѣгаетъ къ займамъ. Изъ этихъ доходовъ и должны покрываться проценты по займамъ. Если нынѣ къ государству, обремененному долгами на десятки или сотни милліардовъ, предъявить требованіе, чтобъ для хозяйственныхъ нуждъ займы не заключались, дабы не увеличивать задолженности, то это означало-бы: уплачивать изъ налоговыхъ поступленій государственные долги. Многоли странъ пойдутъ на это?

Далинъ. Послъ войнъ и революцій. 15

Поэтому надо считаться съ тѣмъ, что государства будутъ и въ дальнъйшемъ заключать займы для націонализаціи того или иного предпріятія или группы предпріятій. Вернемся къ мыловаренному заводу. Государство заключаетъ заемъ на 10 милл., по нормальному уровню процентовъ, скажемъ изъ 5 %. Оно должно, такимъ образомъ, уплачивать ежегодно 500 000 р. процентовъ по долгу. Заводъ приноситъ, какъ мы видъли, 1 милл. въ годъ, т. е. 10 %. Слъдовательно государству остается всего 5%. Если принять сверхъ того во вниманіе, что съ заводомъ государство беретъ на себя весь промышленный рискъ; что иные годы не приносятъ никакого дохода, и проценты придется платить тогда изъ «своего кармана», т. е. изъ сбереженій отъ другихъ лѣтъ, — то прибыль государства дълается еще меньше. Она составляетъ, въ лучшемъ случаъ, 2-3%. Государство становится въ положеніе того промышленнаго предпринимателя, который начинаетъ дъло безъ собственнаго капитала и поэтому львиную долю дохода уплачиваетъ кредитору-банку. Государству достается только разница между промышленной прибылью и учетнымъ процентомъ.

Въ иныхъ случаяхъ и этого нѣтъ. Подчасъ государству придется покупать акціи промышленныхъ предпріятій по высокому курсу. Промышленные дивиденды нерѣдко капитализируются изъ очень низкаго процента, который не выше процента учетнаго. Въ такомъ случаѣ государство не можетъ разсчитывать ни на какую существенную прибыль. Доходы его могутъ возрасти лишь впослѣдствіи, въ связи съ улучшеніемъ техники производства, пониженіемъ себѣстоимости продукта и т. п. Но это возможно не всегда, и не часто въ крупныхъ размѣрахъ. Поэтому доходы отъ государственныхъ предпріятій будутъ расти лишь медленно, въ теченіе многихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, непосредственныя выгоды для массы населенія отъ дѣла соціализаціи сокращаются очень сильно. Тѣ излишки, которые все-же будутъ оставаться, будутъ затрачиваться, конечно такъ, какъ указано выше: либо на пониженіе налоговъ, либо на пониженіе товарныхъ цѣнъ. Но и то, и другое возможно въ ограниченныхъ размърахъ. Поэтому никакихъ особенныхъ надеждъ въ этомъ смыслъ финансовой выгодности возлагать на соціализацію нельзя. Плюсы ее въ другомъ: съ одной стороны въ созданіи организованнаго, планомърнаго общественнаго хозяйства, съ другой — въ подготовкъ той конфискаціи доходовъ, которая возможно будетъ лишь въ позднъйшій, благопріятный для этого моментъ.

Невозможность достигнуть быстраго эффекта при помощи соціализаціи и объясняетъ ея сравнительно малую популярность и въ особенности неспособность ея вызвать энтузіазмъ въ массъ рабочихъ. Въдь одного хозяина, прежняго, смънитъ новый: государство или городъ. Станетъ-ли лучше отъ этого? Этимъ сомнъніемъ и объясняется, почему совершенно другія «системы» соціализаціи дълаются неожиданно очень популярными.

Въ моментъ большой политической активности въ массахъ ходъ мыслей таковъ: частный капиталъ наживается на рабочихъ, соціализація должна положить этому конецъ. Поэтому она должна начаться съ того, чтобъ повысить заработныя платы въ соціализируемыхъ предпріятіяхъ. Отъ соціализаціи выиграютъ такимъ образомъ рабочіе соціализируемыхъ индустрій. Поэтому-то идея простого, непосредственнаго захвата фабрикъ тъм и рабочими, которые вънихъ заняты (русскій и итальянскій «рабочій контроль») еще пользуется популярностью. Она способна была до сихъ поръ вызвать гораздо больше политической активности со стороны рабочихъ, нежели «тяжеловъсная» соціализація, объщающая свои блага лишь въ будущемъ, быть можетъ въ очень не близкомъ будущемъ.

Соціализація не можетъ и не должна создавать привилегіи для тѣхъ рабочихъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ, нерѣдко по чистой случайности, работаютъ на соціализируемыхъ предпріятіяхъ. Это означало-бы, подобно анархіи «рабочаго контроля», анархію въ средѣ заработныхъ платъ Въто время, какъ средства, затрачиваемыя для развитія государственнаго хозяйства, поступаютъ со всѣхъ слоевъ населенія, 15*

выгоды доставались-бы каждый разъ лишь небольшой части рабочаго класса. Поступить такъ значило-бы сдълать соціализацію совершенно непопулярной и неразумной.

VII.

"Передовые" и "отсталые".

Опытъ русскаго «соціализма» 1917 — 1920 г.г. интересенъ не только какъ чисто-русское явленіе. Въ немъ любопытны не только грубые, топорные, неуклюжіе методы его осуществленія. Онъ даетъ сверхъ того отвѣтъ всѣмъ другимъ странамъ на вопросъ о взаимоотношеніи между политической силой и экономическими возможностями, а также даетъ матеріалъ для выясненія вопроса о взаимоотношеніи «передовыхъ» и «отсталыхъ» странъ. Его крушеніе, вполнѣ обозначившееся къ веснѣ 1921 года, является побѣдой объективныхъ законовъ человѣческаго развитія надъ громадными усиліями человѣческой воли.

Какова доктрина русскаго коммунизма?

Для соціалистическаго хозяйства въ Россіи имѣются, по его мнѣнію, нужныя объективныя условія. Препятствія, которыя ему приходится преодолѣвать, коренятся въ томъ, что для соціализма въ Россіи не хватаетъ с и л ъ. Все остальное имѣется, и соціалистическое хозяйство могло бы поднять русскую экономику на большую высоту. Только численная слабость рабочихъ и ихъ партіи въ общей массѣ населенія — препятствіе для немедленнаго соціализма.

«Россія — отсталая страна». Съ этимъ положеніемъ всѣ согласны. Но въ чемъ проявляется ея отсталость? Въ томъ, гласитъ эта теорія, что Россія не создала еще достаточнаго количества пролетаризованныхъ людей! Это подтверждается безъ труда длиннѣйшими статистическими таблицами и множествомъ цитатъ изъ великихъ и малыхъ авторитетовъ соціализма. "И дѣйствительно, много ли въ Россіи людей, лишенныхъ всякой собственности и стоящихъ поэтому въ оппозиціи къ капитализму? Они составляютъ небольшой процентъ населенія, и

«поэтому» соціализмъ наталкивается на трудно преодолимыя препятствія. Приходится въ такомъ случаѣ лишить это большинство ръшающаго голоса въ политической жизни, и предоставить руководство тому меньшинству, которое желаетъ соціализма.

Къ чему сводится сущность этихъ взглядовъ? Это легко уяснить себъ. Соціализмъ будетъ установленъ тогда, когда люди захотятъ этого. Если этого желаетъ одинъ человъкъ, онъ ничего не сдълаетъ. Если тысяча, они начинаютъ «агитировать». Если одна или двъ сотни тысячъ, — имъ нужно захватить власть и приняться за «строительство». Они будутъ встръчатъ сопротивленіе со стороны той многомилліонной неразумной массы, которая съ ними несогласна. Ее надо поэтому держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Да еще сопротивленіе неизбъжно со стороны заинтересованныхъ, т. е. русской и международной буржуазіи.

Этотъ ходъ мыслей такъ хорошо знакомъ каждому человъку, прожившему сознательно послъдніе годы, что нътъ нужды ихъ подробно повторять. Но очень важно напомнить, что международная буржуазія казалась все время главнымъ врагомъ «соціалистическаго строительства» въ Россіи. «Либо мы убъемъ міровой капитализмъ, либо міровой капитализмъ убьетъ насъ'» Кто не помнитъ этой фразы? Кто не знаетъ очень простой аргументаціи: «міровая буржуазія не можетъ терпъть рядомъ съ собой соціалистическаго государства, которое своими успъхами будетъ агитировать среди пролетаріевъ всего міра!» Поэтому интервенція была естественнымъ, неизбъжнымъ послъдствіемъ установленія соціализма въ Россіи. «Чтобъ сокрушить русскій соціализмъ, мобилизованы были силы мірового капитализма; побъда соціализма возможна была лишь послъ побъды надъ міровымъ капитализмомъ». Т. е. торжество соціальной революціи въ «передовыхъ странахъ» сдѣлалось условіемъ побъдоноснаго развитія соціализма въ Россіи.

О томъ, какъ далеко сейчасъ до побъды міровой революція, я говорилъ уже въ предыдущихъ главахъ. Но допустимъ, что соціалистическая революція восторжествовала вездъ.

Какъ отразилось бы это на Россіи? И перешла бы тогда Россія къ соціалистическому хозяйству? На этотъ счетъ такіе нелъпые, чудовищные взгляды распространены въ средъ и некоммунистической, что надъ этимъ стоитъ серьезно подумать.

Двъ страны, даже лежащія рядомъ, не вліяютъ другъ на друга лишь въ томъ случав, если онв ведутъ натуральное хозяйство. Лишь только начинается обмѣнъ, возникаетъ хозяйственное общеніе, и экономическія условія одной страны не могутъ остаться безъ вліянія на другую. Если объ страны стоятъ на одномъ уровнъ экономическаго развитія, то въ результатъ развивающагося обмѣна происходитъ между ними раздѣленіе труда, и производство тъхъ или другихъ товаровъ сосредоточивается въ одной или въ другой. Но система о о щественно - экономическихъ отношеній и тутъ и тамъ одинаковая. И тутъ и тамъ — товарное производство, торговля, деньги, наемный трудъ и т. д. И вопросъ о вліяніи въ этомъ смыслъ даже не встаетъ.

Но допустимъ, что въ экономическомъ общеніи между собой находятся двъ страны, стоящія на различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Капиталистическая, промышленная Англія сожительствовала съ феодальнымъ континентомъ въ теченіе всего 16 и 17 въка. Буржуазная Франція съ «феодальной» Европой — всю первую половину 19 въка. Индія и сейчасъ остается страной полу-натуральнаго хозяйства. Но взаимодъйствіе им влось и им вется между хозяйствами всѣхъ странъ, и разумѣется вліяніе болѣе крѣпкихъ, передовыхъ, сильнъе вліянія слабыхъ. Прежде чъмъ ръшать вопросъ о вліяніи соціалистическаго хозяйства на сосъднее капиталистическое, слъдуетъ задуматься надъ вопросомъ: какъ вліяло капиталистическое хозяйство на классическиаграрныя, крестьянскія и феодальныя страны?

Въ теченіе столѣтій Англія оказываетъ экономическое вліяніе на Индію. Къ чему оно привело и какими путями шло оно? Послѣ перваго періода простого и откровеннаго грабежа Индіи, начинаетъ развиваться торговля, которая постепенно растетъ и къ началу 20-го вѣка пріобрѣтаетъ

значительные разм ры. Торговля есть первый и основной способъ воздъйствія промышленной на аграрную страну. Къ чему привела торговля Англіи съ Индіей? Результаты общеизвъстны. Натуральное хозяйство Йндіи начало разлагаться, деньги проникли во всѣ поры народнаго хозяйства, появилась крупная внутренняя торговля, и въ концъ концовъ стала развиваться и собственная индустрія. Понятны и всъ обычныя послъдствія такого развитія — появленіе «излиш-\ няго» населенія, ростъ городовъ, притокъ массы необученыхъ пролетаріевъ, ростъ банковъ и пр. Вліяніе Англіи ведетъ къ индустріализаціи и т. ск. «капитализаціи» Индіи. Можноли думать, что безъ вліянія Англіи развитіе пошло-бы въ иномъ направленіи? Конечно нътъ, ибо другого пути вообще не существуетъ. Весь вопросъ въ темпъ развитія. И въ этомъ смыслъ Англія оказала ръшающее вліяніе. Окруженная азіатскими странами, Индія развилась бы безъ вліянія Англіи еще много медленнъе, чъмъ это было въ послъднія стольтія.

При этомъ надо напомнить еще одну общеизвѣстную истину. Почему Англіи удалось такъ сильно развить свою остъ-индскую торговлю? Потому, что Англія продавала товары много дешевле, чѣмъ Индія производила собственными силами. Метръ ситцу за 2 пенса способенъ творить чудеса. Если бъ онъ стоилъ 5 пенсовъ, врата Индіи остались бы наглухо закрыты для англійскаго «воздъйствія». Но почему Англія могла такъ дешево продавать? Потому, что она обладала в ы с ш е й т е х н и к о й. Это истина азбучная, и мнѣ немного совъстно ее напоминать. Но ее надо хорошенько запомнить, чтобъ разобраться въ нѣкоторыхъ болѣе трудныхъ вещахъ.

Итакъ: при помощи дешеваго товара, продукта высокой промышленной техники, Англія ускорила хозяиственное развитіе Индіи по пути къ капитализму. Тѣмъ не менѣе и сейчасъ, послѣ столѣтій воздѣйствія, Индія отнюдь еще не сдѣлалась капиталистической страной. Это тоже общеизвѣстно, но и это не мѣшаетъ помнить. И поэтому не надо переоцѣнивать значенія этого, безусловно могущественнаго,

орудія капиталистическаго воздъйствія. Внъшняя торговля была въ теченіе долгаго времени торговлей предметами роскоши; естественно, что тогда ей и ея вліянію были поставлены довольно узкія рамки. Но и съ тъхъ поръ, какъ она, примърно сто лътъ назадъ, сосредоточилась на предметахъ массоваго потребленія, — ея вліяніе сказывается лишь очень медленно и постепенно.

Второй способъ «воздъйствія» передовой страны на отсталую — вложеніе капиталовъ. Здъсь воздъйствіе непосредственнее, проще, нагляднье и измъримъе. Если та-же Англія строитъ ткацкую фабрику въ Индіи, то переходъ Индіи къ новому экономическому строю происходитъ быстръе, чъмъ если внъшняя торговля разлагаетъ сперва устои натуральнаго производства промышленныхъ издълій и ведетъ впослъдствіи лишь къ росту собственнаго промышленность и транспортъ которыхъ въ огромной степени созданы англійскимъ капиталомъ, развились благодаря этому съ баснословной быстротой въ 19-омъ въкъ. Они и безъ того стояли уже на капиталистическомъ пути. Но иностранный капиталъ въ огромной степени ускорилъ ихъ развитіе.

Этими двумя методами вліянія исчерпывается все. Другихъ способовъ преодолѣть извнѣ отсталость какой-либо страны не сушествуетъ — по крайней мѣрѣ для капиталистическаго хозяйства.

Ускоряя развитіе отсталыхъ странъ, болѣе развитыя хозяйственныя системы позволяютъ имъ перескочить черезъ тѣ или иныя ступени развитія. Такъ Россія, переходя къ капитализму въ 19-омъ вѣкѣ непосредственно отъ натурально-феодальнаго хозяйства, миновала эпоху ремесленнаго хозяйства, и вся культура средне-европейскихъ городовъ, тѣсно связанная съ ремесленными традиціями, осталась для Россіи совершенно чуждой. Точно такъ же и борьба крупной и мелкой промышленности, продѣланная Западной Европой въ 19-омъ вѣкѣ, мало знакома Россіи. Да и не одной Россіи. Всѣ отсталыя страны, разрывающія лишь теперь съ системой замкнутаго, аграрнаго, потребительскаго хозяйства, не

проходятъ всего того пути развитія, по которому долго шли ихъ передовые учители. Электричество, паровыя жельзныя дороги и заводы-гиганты являются хозяйственнымъ типомъ вездъ, гдъ идетъ впередъ экономическое развитіе, все-равно, въ передовыхъ-ли или въ отсталыхъ странахъ. Но съ системой производства (трехполье, мастерская, тракторъ, заводъ) связаны и производственныя отношенія (производитель-потребитель, ремесленникъ, рабочій и т. д.). Поэтому отсталыя страны и въ общественныхъ отношеніяхъ дълаютъ скачки, переходя, безъ нъсколькихъ посредствующихъ звеньевъ, къ болъе высокимъ системамъ соціальныхъ отношеній. До сихъ поръ эти «болѣе высокія» системы были системами законченнаго капитализма. Поэтому вліяніе передовыхъ странъ на отсталыя лось, между прочимъ, и въ томъ, что послъднія переходили быстръе, хоть и не всегда болъе безболъзненно, къ соціальнымъ отношеніямъ развитаго капитализма. Въ этой способности миновать посредствующія стадіи развитія, и перейти прямо отъ низшихъ формъ къ высшимъ, сказывается радикальное отличіе общественнаго организма отъ организма животнаго. Такіе скачки совершенно невозможны въ развитіи животнаго организма.

Вся классическая схема экономическаго развитія: натуральное хозяйство—непосредственный обмѣнъ—мелкая торговля—ремесло—мелкая индустрія—мануфактура—средняя и крупная промышленность — вся эта схема правильна для прошлаго, но совершенно неправильна для настоящаго и будущаго, и безъ сомнѣнія она больше никогда не будетъ имѣть приложенія на практикѣ. Пусть дѣло идетъ о самой отсталой, дикой странѣ: вступая въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, она быстро усваиваетъ себѣ денежную систему, оптовую торговлю и крупную промышленность. Но такъ какъ оптовая торговля и крупная промышленность существуютъ лишь въ капиталистическихъ формахъ, то она усваиваетъ себѣ высшія системы производства въ капиталистической оболочкѣ.

Капитализмъ заразителенъ. Онъ искореняетъ, убиваетъ все до-капиталистическое. Онъ не терпитъ рядомъ съ собой другихъ, болѣе низкихъ системъ хозяйства. Но достигаетъли онъ этого методами политическими, т.-е. силой завоеванія, внѣшняго порабощенія? Убиваетъ-ли онъ болѣе низкія хозяйственныя системы простымъ запрещеніемъ, репрессивными мѣрами? Конечно, нѣтъ. Высшая техника, высшая производительность труда, большая дешевизна товаровъ — вотъ его главное оружіе. Пулеметъ и пушка нерѣдко расчищаютъ ему дорогу. Но въ дѣлѣ хозяйственнаго преобразованія отсталыхъ странъ, всѣ чудеса военной техники — ничто въ сравненіи съ чудесами техники промышленной.

Такъ обстоитъ дѣло съ соотношеніемъ капиталистическихъ и до-капиталистическихъ хозяйственныхъ формъ. Но какъ-же должны сложиться обстоятельства при соприкосновеніи соціалистическаго и капиталистическаго хозяйства? Если соціализмъ есть высшая система хозяйства по сравненію съ капитализмомъ, то нельзя-ли точно такъ же ожидать, что съ того момента, какъ соціалистическое хозяйство будетъ установлено въ одной или въ двухъ какихъ-либо странахъ, оно окажется настолько заразительнымъ, что капитализмъ изчезнетъ и во всѣхъ остальныхъ? На вѣрѣ въ это основана вѣдь вся модная нынѣ идеологія міровой революціи, и въ особенности перспективы русскаго соціализма.

Если-бъ въ какой-либо изъ передовыхъ странъ произошелъ нынѣ «переходъ къ соціализму», то это означало бы, что измѣнились радикально общественныя отношенія, классовая структура и пр. Это означало бы раньше всего ростъ коллективной, общественной собственности, поглощающей собственность частную. Методъ производства, т.-е. техника осталась бы въ общемъ и цѣломъ безъ измѣненія или почти безъ измѣненія. Міровая революція — какъ она представляется очень многимъ и какой она дѣйствительно была бы, если-бъ имѣла мѣсто въ современныхъ условіяхъ — была бы переворотомъ, состоящимъ изъ двухъ основныхъ элементовъ: во-первыхъ, перехода власти въ другія руки; во-вторыхъ, перехода собственности

къ коллективнымъ общественнымъ органамъ. Преобразованіе техники не является неизбѣжнымъ спутникомъ такого переворота. Наоборотъ, можно полагать, что революціонная борьба задержала бы на нѣкоторое время хозяйственный процессъ.

Въ 1789 году Франція была, по ходячему представленію. феодальной страной. Въ 1799 году она была страной буржуазной. Въ теченіе 10 льтъ, лежащихъ между этими моментами, она продълала буржуазную революцію, т.-е. переходъ власти въ руки иныхъ классовъ. Но измѣнилась-ли техника въ земледъліи или промышленности? Нътъ, почти не измѣнилась; если и измѣнилась, то очень мало. Это означаетъ: общественныя отношенія измѣнились радикально, а техника производства осталась та-же, что и раньше. Это возможно и неизбъжно было потому, что въ теченіе предшествующихъ столътій непрерывно измънялась основа хозяйства, безъ соотвътствующихъ измъненій въ политическихъ отношеніяхъ. Поэтому-то революція и сдълалась неизбъжной: во время революціи быстро изм'тились соціальныя отношенія безъ соотвътствующаго измѣненія производственной основы.

Итакъ, базисъ производства одинъ и тотъ же наканунъ революціи и на слъдующій день послъ ея завершенія. Да и можетъ-ли быть иначе? Можетъ-ли революція замѣнить одни орудія труда другими, лучшими, раньше неизвъстными? Разумъется, этого быть не можетъ въ сколько-нибудь значительныхъ размърахъ. Да и не въ этомъ сущность революціоннаго переворота. Самое большее, что революція въ этомъ смыслъ способна сдълать, состоитъ въ созданіи простора быстрому прогрессу, въ творчествъ предпосылокъ для хозяйственнаго подъема. Такъ, послъ французской революціи сельское хозяйство, а въ особенности промышленность начали быстро и успъшно развиваться. Такъ, послъ соціалистическаго переворота могутъ создаться условія для быстраго техническаго прогресса и промышленнаго разцвъта. Но это дъло дальнъйшей эпохи. Революція, сама по себъ, еще не создаетъ этого.

Соціалистическая революція, столь-же мало, какъ и буризм внить производственную основу. жуазная, способна Если-бъ въ 1920 году вспыхнула, допустимъ въ Германіи, соціалистическая революція и если-бъ она закончилась успѣшно въ 1930 году (допустимъ на моментъ, что это было возможно), то за эти 10 лътъ всъ соціальныя отношенія подверглись бы въ Германіи радикальнымъ измѣненіямъ, но хребетъ общественнаго хозяйства — то, что экономическая наука называетъ «основнымъ капиталомъ» — почти не из-Это были бы тъ же плуги, желъзныя дороги, мънился бы. моторы и машины, какіе имъла Германія въ 1920 году. Если-бъ измѣненія произошли, — это были бы тѣ-же измъненія въ производственной техникъ, какія имъли бы мъсто и въ другихъ, капиталистическихъ странахъ. Ни сокращеніе числа мелкихъ хозяйствъ, ни перегруппировка промышленныхъ предпріятій — т.-е. то, чего ждутъ непосредственно отъ соціалистическаго переворота — не представляютъ еще чего-либо принципіально-новаго. И самое главное: они не ' создають болье дешеныхъ товаровъ.

Между тъмъ это ръшающій вопросъ. Свои экономическія завоеванія капитализмъ совершалъ вездъ при помощи дешеваго товара. Это былъ сильнъйшій агитаторъ въ пользу капиталистической индустріи. Но эту агитацію товарно-денежное хозяйство могло начать лишь тогда, когда оно продълало длинный путь развитія. Что сможетъ германскій или даже все-европейскій соціализмъ представить въ крестьянскую Россію въ качествъ агитатора противъ капитализма, въ пользу соціалистическаго хозяйства? Какими путями пойдетъ «соціалистическое воздъйствіе» на отсталыя страны?

Капиталистическое «воздъйствіе» шло, какъ мы видъли, двумя путями: торговля и вложеніе капиталовъ. Другихъ экономическихъ методовъ нътъ и у соціализма. Этими двумя методами исчерпываются и для соціалистическаго хозяйства способы вліянія на отсталыя страны.

Первый — внѣщняя торговля, товарообмѣнъ. Соціалистическая Европа торгуетъ съ мужицкой Россіей. Она посылаетъ ей тѣ-же товары, какіе посылала раньше Европа капи-

талистическая. Товары не сдѣлались дешевле отъ того, что на нихъ стоитъ клеймо соціалистическихъ республикъ. Товары эти могутъ быть изготовлены и въ Россіи, — и дѣйствительно изготовляются — въ частныхъ хозяйствахъ подчасъ не дороже, чѣмъ въ соціалистическихъ хозяйствахъ Европы.

Для большей ясности возьмемъ не Россію, а еще болѣе отсталую страну — Китай или Индію. Когда англійская или японская обувь начала продаваться въ Китаѣ и Индіи, прежніе мелкіе сапожники оказались поверженными въ прахъ. Чтобъ конкуррировать съ дешевымъ ввозомъ, оставалось одно: построить собственную обувную фабрику. Чтобъ пустить ее въ ходъ, надо было нанять рабочихъ. Такъвмѣсто ремесла выросъ капитализмъ.

Но вотъ Англія и Японія совершили соціалистическое преобразованіе. Они попрежнему посылаютъ обувь въ Индію и Китай. Будетъ ли теперь эта обувь агитировать въ пользу соціализма такъ, какъ она за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ агитировала въ пользу капитала? Заставитъ ли она Индію и Китай превратить свою обувную индустрію въ общественную собственность? Это возможно было бы лишь въ томъ случав, если-бъ техника англо-японскаго соціализма не допускала частной, капиталистической системы хозяйства; если-бъ, напримъръ, въ дълъ обувнаго производства новъйшія изобрътенія создали въ передовыхъ странахъ такія всеобъемлющія предпріятія, которыя по тъмъ или инымъ причинамъ нераціональны въ формахъ частно-хозяйственныхъ (вродъ, напр., телеграфа, почты и т. под.). Пока этого не произошло, — а это не такъ скоро и не такъ легко произойдетъ, хотя развитіе и идетъ въ этомъ направленіи — до тѣхъ поръ техника соціалистическаго производства неспособна убить капитализмъ въ отсталыхъ странахъ. Соціализмъ на своихъ низшихъ ступеняхъ еще не можетъ быть «заразителенъ».

Если Англія и Японія станутъ уничтожать у себя мелкія, нераціональныя предпріятія, — отъ этого продуктъ труда не

станетъ дешевле. Это нужно имъть въ виду постоянно. Въ современныхъ условіяхъ цѣны на міровомъ рынкѣ опрелѣляются издержками производства не мелкихъ, отсталыхъ предпріятій, а лучшихъ передовыхъ. Если закрыть мелкія и отсталыя, можно освободившуюся рабочую силу, болъе разумно использовать и тъмъ увеличить массу общественнаго продукта. Но дешевле онъ не сдълается. Конкурренція съ капиталистическими соперниками отъ этого не дълается легче. Наконецъ, если Англія и Японія — при соціалистическомъ хозяйствъ — вводятъ усовершенствованіе въ производство обуви, могутъ ли они убить капиталистическаго конкуррента въ Индіи и Китаѣ? Но кто помъщаетъ ему примънить у себя то же изобрътеніе? Промышленныя тайны давно уже вышли въ тиражъ. Наивно разсчитывать на соціалистическое завоеваніе отсталаго міра при помощи промышленныхъ секретовъ.

А между тѣмъ сколько фантазій и ошибокъ связано съ этимъ вопросомъ! Сколько тысячъ людей представляютъ себѣ воздѣйствіе передовыхъ странъ, послѣ соціалистической революціи, въ формѣ усиленнаго товарообмѣна, который подъ оболочкой прозаическихъ товаровъ будетъ разносить по всему міру соціалистическія бациллы! Но до сихъ поръникто — буквально никто!! — не далъ себѣ труда продумать и разъяснить, какъ этотъ процессъ экономическаго воздѣйствія будетъ идти. Парочка смутныхъ идеекъ о міровомъ хозяйствѣ, о вліяніи высшихъ экономическихъ формъ на низшія — и спасительная теорія готова. И этой идеологической трухой питаются сотни тысячъ людей! Поистинѣ эпоха, которую мы переживаемъ, самая трагическая и въ то же время самая легкомысленная въ міровой исторіи!

Но товарообмѣнъ есть лишь одинъ методъ воздѣйствія передовыхъ странъ на экономическую структуру отсталыхъ. Второй путь вліянія — вложеніе капиталовъ. Имъ можетъ пользоваться и соціалистическое хозяйство. Не является ли это дѣйствительнымъ рычагомъ для быстраго преобразованія отсталыхъ странъ и для «скачка» черезъ капитализмъ прямо къ соціализму? Нѣтъ, здѣсь возможности еще мень-

ше, чѣмъ на первомъ пути. Нужно разсуждать хладно-кровно и безъ поэзіи.

Въ настоящее время вложеніе капиталовъ происходитъ слъдующимъ образомъ. Группа предпріимчивыхъ людей, скажемъ въ Канадъ, обращается въ финансовыя группы Лондона съ предложеніемъ ассигновать 1 милліонъ фунтовъ для постройки металлургическихъ заводовъ. Лондонскіе капиталисты, принявъ предложеніе канадцевъ, ассигнуютъ требуемую сумму, которая поступаетъ въ распоряжение Канады, напр., подъ названіемъ Англо-Канадской Компаніи или т. под. Канада закупаетъ на эти средства въ Англіи (и др. странахъ) необходимые элементы производства и кое-что изъ предметовъ потребленія для рабочихъ; но по существу Канада не платитъ за нихъ Англіи. Англія вывозитъ эти товары не въ порядкъ товарообмъна, а въ качествъ капитала. ществу происходить разсчеть лишь внутри Англіи. Англійскіе финансисты уплачиваютъ англійскимъ промышленникамъ столько-то тысячъ фунтовъ за товары, вывозимые въ Канаду. Но Канада ничего въ обмънъ не даетъ. — Однако, проходитъ годъ-другой, и металлургическіе заводы Канады, продавши свои издълія, даютъ прибыль, которая поступаетъ въ распоряжение лондонскихъ финансистовъ. Если она составляетъ, къ примъру, 500.000 долларовъ, то наши лондонцы обогащаются на эту сумму; но они не удовлетворятся канадскими банкнотами или чекомъ. Они купятъ всевозможныхъ товаровъ на эту сумму, — товаровъ, которые Канада должна вывезти въ Англію. Теперь ужъ Канада вывозитъ товары въ Англію «безвозмездно», т. е. не въ порядкъ товарообмѣна, а въ порядкъ уплаты дивидендовъ на акціи. И эту операцію Канада должна будетъ совершать безконечно, — до тъхъ поръ, пока она не выкупитъ у Англіи собственность на металлургические заводы.

Итакъ, вотъ смыслъ всей операціи вложенія капиталовъ. Милліонъ фунтовъ стерлинговъ въ товарахъ представляетъ извъстную массу человъческаго труда, находящуюся въ распоряженіи группы частныхъ лицъ. Они готовы затратить ее такъ, чтобъ получать ежегодно извъстную сумму въ свое распоряжение. Иначе не зачъмъ-бы отдавать эту сумму.

Но вотъ передъ нами соціалистическое хозяйство. Въ немъ нѣтъ «финансистовъ», способныхъ ассигновать милліонъ фунтовъ на канадскіе заводы, какъ и нѣтъ въ немъ вообще капиталистовъ строящихъ собственные заводы. Эти функціи перешли къ общественнымъ организаціямъ. Единственно, кто можетъ вложить капиталъ 1) въ другія страны — это общественная экономическая организація. Но станетъ ли она это дѣлать?

Она, именемъ всъхъ гражданъ, будетъ разсуждать и калькулировать. Вложить 1 милліонъ фунтовъ въ канадскую металлургію, 3 милліона въ индусскую мануфактуру, 20 милліоновъ въ китайскія желѣзныя дороги и т. д. — представляетъ немалый расходъ. Если вся сумма такихъ вложеній составитъ, къ примъру, 200 милліоновъ въ годъ, то на 200 3 милліоновъ надо сократить потребленіе Англіи. Ибо откуда ихъ взять еще? Вся цънность продукта народнаго хозяйства, поступающаго въ распоряжение гражданъ, составляетъ, допустимъ 2 милліарда фунтовъ. Если нужно ассигновать 200 милл. на иностранныя предпріятія, то эту сумму въ 2 милліарда надо сократить на 10 %, т.-е. понизить уровень жизни народной массы въ такой именно степени. Разумъется, на такой подарокъ самая архи-соціалистическая Англія не пойдетъ. Въдь ръчь идетъ не объ одномъ мъсяцъ или годъ, а о постоянномъ явленіи, повторяющемся изъ года въ годъ!

Но Англія можетъ разсуждать иначе. Англія нуждается въ канадскомъ лѣсѣ и ежегодно уплачиваетъ своими товарами немалыя суммы за ввозъ лѣса изъ Канады. Канада-же, нуждаясь въ англійскихъ машинахъ для своихъ металлургическихъ заводовъ, предлагаетъ Англіи слѣдующую сдѣлку: если Англія предоставитъ ей капиталъ въ 1 милліонъ фунтовъ, Канада готова вывозить ежегодно въ Англію свой

^{&#}x27;) Строго говоря, въ этихъ условіяхъ нельзя говорить о "капиталь". Но для простоты и краткости я употребляю и дальше это слово,

лѣсъ безвозмездно въ опредѣленномъ количествѣ, наприм, цѣнностью въ 500 000 долларовъ. Если Англія соглашается, она освобождается отъ ежегоднаго платежа за лѣсъ и получаетъ это сырье безплатно; но для этого она должна единовременно вывезти товаровъ безвозмездно на 1 милл. фунтовъ. Канада-же получаетъ возможностъ развить свою промышленность и увеличить свою производительную силу. Из этого излишка она охотно уплачиваетъ Англіи 500 000 долларовъ ежегодно.

Если оплодотвореніе отсталыхъ странъ будетъ продолжаться въ условіяхъ соціалистическаго производства — а оно, конечно, будетъ продолжаться, оно сможетъ происходить въ такихъ только формахъ. Всякіе иные разсчеты представляютъ непростительную маниловщину. Но въдь это означаетъ, что отсталыя страны должны платить дань передовымъ за свое промышленное развитіе! Въдь это значитъ, что рабочіе Канады, Южной Африки, Америки должны будутъ создавать прибавочную цѣнность для рабочихъ Англіи послъ соціальной революціи! Да, такъ оно и есть. Страна соціалистическаго хозяйства не знаетъ капитала у себя, внутри. Но отправляя свои производительныя силы въ другую страну, она разсматриваетъ ихъ какъ капиталъ. Многимъ фантазерамъ такой выводъ покажется умопомрачительнымъ. Но что подълаешь? Логику нельзя убить ни закоренълой иллюзіей, ни нравственнымъ возмущеніемъ.

Итакъ, вложеніе капиталовъ въ отсталыя страны, — этотъ второй методъ вліянія старшихъ на младшихъ, — не только не облегчаетъ дѣло соціалистическаго преобразованія отсталыхъ странъ, но подчасъ даже наоборотъ. Оно происходитъ въ капиталистическихъ формахъ даже тамъ, гдѣ капитализмъ является уже отжившимъ.

Этотъ вопросъ стоялъ передъ совѣтской Россіей во время пресловутой «дискуссіи о концессіяхъ». Сторонники концессій аргументировали такъ: «Покуда живъ міровой капитализмъ, намъ приходится платить ему дань. Но міровая революція не за горами. Поэтому всѣ эти желѣзныя дороги, далинъ. Послѣ войнъ и революцій. 16

лѣсныя хозяйства, порты, фабрики и заводы, которые концессіонеры понастроютъ у насъ сейчасъ, достанутся намъ въ наслѣдство отъ мірового капитализма на слѣдующій день послѣ міровой революціи. Поэтому концессіи не только не опасны, но представятъ очень выгодный гешефтъ. И весь міръ всплеснетъ тогда руками, удивляясь хитрости русскаго мужичка».

Но подумалъ-ли кто-нибудь серьезно, достанутся-ли тогда Россіи въ наслъдство концессіи? Покуда Германія, Швеція, Англія остаются странами буржуазными, доходы отъ русскихъ концессій поступаютъ въ руки частныхъ лицъ. Но въ тотъ моментъ, когда вся собственность этихъ лицъ переходитъ къ государству, въ числъ ея переходятъ къ нему и иностранныя концессіи и доходы отъ этихъ концессій. Смъшно думать, будто отъ этихъ доходовъ кто-нибудь откажется. Кто бы ни оказался у власти въ этотъ моментъ, онъ и не подумаетъ этого сдълать. И развъ такъ трудно будетъ ему привести въ свою пользу десятокъ увъсистыхъ аргументовъ?

— Эти паровозы, которые мчатся по русскимъ дорогамъ, эти вагонные рельсы, эти ткацкія машины й хлопокъ, эти чугуно-литейные заводы и лѣсопильни созданы нашимъ трудомъ, потомъ и кровью цълыхъ рабочихъ поколъній. Они олицетворяютъ собой трудъ, экспропріированный у насъ нашей, нынъ повергнутой въ прахъ, буржуазіей. Мы не до-**Бдали** — и посылали машины въ Россію. Мы не досыпали и грузили рельсы въ Одессу и Петроградъ. Мы убивались изъ послѣднихъ силъ — и обогатили пустынную Россію образцовыми промышленными хозяйствами. Неужели теперь вся эта масса труда должна пропасть для насъ даромъ? Мы совершили соціалистическій переворотъ. Мы не можемъ начать новую эру съ того, чтобъ сократить народный доходъ, т.-е. уменьшить ту массу продуктовъ, которая находится въ нашемъ распоряженіи для народнаго потребленія. Мы не можемъ дать свергнутой буржуазіи такое сильное агитаціонное орудіе въ руки, какъ объдненіе страны послъ соціалистическаго переворота.

Что именно такъ будутъ разсуждать Гендерсонъ или Шейдеманъ, оказавшись у власти, — въ этомъ вѣроятно никто не сомнѣвается. Но будь на ихъ мѣстѣ самъ Кашэнъ или Цеткина, все равно. Имъ пришлось бы проводить такую же самую политику. Всѣ обѣщанія другого рода представляютъ одну демагогію.

Но вѣдь Россія-то, при коммунистахъ, исполнила эти объщанія отказаться отъ своихъ внѣшнихъ владѣній? О да Россіи это было не трудно. Въ балансъ ея дебета и кредита стоялъ огромный минусъ, и аннулирование долговъ означало выигрышъ для Россіи. Нъсколько грошей, потерянныхъ въ Персіи, съ большимъ избыткомъ покрывались милліардами по французскому и англійскому долгу. Прямолинейный интернаціонализмъ большевизма могъ сдълаться въ Россіи правительственной системой потому лишь, что онъ превосходно сочетался съ нъкоторыми національными интересами: освобожденіемъ отъ долговъ. Если-бъ Россія была кредиторомъ, большевизму пришлось-бы довольно радикально пересмотръть свою политику вопросахъ ВЪ международныхъ долговъ.

— Но какъ-же, — спроситъ иной читатель, — значитъ и во взаимоотношеніяхъ соціалистическихъ государствъ возможны и долги, вложеніе капиталовъ и пр.?

— Да, скажу я, это не только возможно, но и неизбѣжно. Но изъ всѣхъ проблемъ соціализма эта проблема заставляетъ меньше всего ломать себѣ голову. Да, еще долгое, очень долгое время сохранится различіе между странами болѣе развитыми и менѣе развитыми. И долгое время еще ушедшія впередъ страны будутъ трудомъ своимъ оживлять пустынныя равнины и оплодотворять отдаленныя заброшенныя страны. И они будутъ дѣлать это не въ интересахъ «міровой исторіи» и не для саморазвлеченія, а ради извѣстныхъ, конкретныхъ матеріальныхъ выгодъ. Поэтому и система международныхъ кредитовъ, платежей и пр. сохранится еще очень долгое время. Однѣ страны сумѣютъ шагнуть далеко впередъ и безъ большихъ усилій смогутъ освободиться отъ своихъ долговъ. Другія будутъ отставать и, нуждаясь въ чужой по-16*

мощи, будутъ жить за чужой счетъ, т. е. не избъгнутъ долговъ. Третьи будутъ дълать первые шаги по пути промышленнаго развитія и съ большой охотой возьмутъ на себя обязательства по отношенію къ «передовымъ». И паралельно со всѣмъ этимъ будетъ идти впередъ процессъ постепеннаго сліянія мелкихъ странъ въ крупныя хозяйственно-государственныя единицы, - процессъ, начавшійся нъсколько столътій назадъ, но имъющій еще большую будущность. А сліяніе странъ постепенно уничтожаетъ ихъ взаимные разсчеты и консолидируетъ ихъ въ единый организмъ. Умрутъ поколънія одно за другимъ. Пройдутъ стольтія. Міровое хозяйство изъ книжной абстракціи воплотится въ дъйствительность и поглотитъ въ себъ отдъльныя «народныя хозяйства» съ ихъ балансами, плюсами и минусами, долгами и доходами. Но и тогда отдъльныя «провинціи» этого великаго цълаго сохранятъ самостоятельность, и не всъ они будутъ занимать одинаковое мъсто по своему богат-

ству, своимъ нуждамъ, и возможностямъ покрытія своихъ

потребностей.

В. ЦЪЛИ И ЗАДАЧИ.

I.

Реальныя программы и реальныя задачи.

1. Рабочая партія у власти.

Рабочія партіи стремятся къ власти, какъ и всѣ другія партіи въ мірѣ. Партія, которая не стремится къ власти, перестаетъ быть политической организаціей и превращается въ академическій кружокъ или дискуссіонный клубъ. Погоня за министерскими портфелями бываетъ болѣзнью партійныхъ чиновниковъ, но стремленіе къ власти не имѣетъ съ этой похотливостью ничего общаго. Каждая партія доказываетъ изо дня въ день, — и она убѣждена, что это вѣрно — что именно она имѣетъ лучшіе отвѣты на всѣ текущіе политическіе вопросы. Если она стремится осуществить эти свои обѣщанія, т. е. стремится къ власти, то это естественно, нормально и здорово. Если-же такого стремленія нѣтъ, то это симптомъ внутренней слабости, болѣзненнаго состоянія политической организаціи.

Но для соціалистическихъ партій есть при этомъ одно затрудненіе. «Соціалистическая партія есть партія, осуществляющая соціализмъ. Соціалистическая партія—противница капитализма. Власть соціалистической партіи есть ликвидація капитализма. Словомъ, сосуществованіе соціалистическаго правительства и капиталистической эксплуатаціи невозможно. Самое большее, о чемъ рѣчь можетъ идти, — это о томъ, будетъ ли капитализмъ ликвидированъ молніеносно или рядомъ послѣдовательныхъ реформъ.»

Таковъ очень распространенный взглядъ. До войны онъ былъ даже господствующимъ взглядомъ. И обычно шли еще дальше. Капитализмъ, гласила эта теорія, несовмѣстимъ не только съ соціалистической властью, которая включила въ свою программу его ликвидацію, но и съ властью иной рабочей партіи, напр. англійскаго типа, которая осознанной цѣлью своей не дѣлаетъ ліквидацію буржуазнаго общества. Пусть она не стремится къ его ликвидаціи, это не важно. Но ея политика, даже помимо ея воли, сдѣлаетъ капитализмъ невозможнымъ. Она дастъ рабочимъ такія пречимущества въ экономической борьбѣ съ капиталомъ, она позволитъ имъ такъ повысить свой заработокъ, что функціонированіе капитала сдѣлается невыгоднымъ, и буржуазія сама будетъ предлагать государству свои предпріятія.

Такъ гласила до-военная теорія. Она имѣла преимущества цѣльности и ясности. Что она была неправильна, это не сознавалось въ тѣ времена, когда вопросъ о соціалистической власти не имѣлъ реальнаго значенія, когда все это было музыкой отдаленнаго будущаго.

Затъмъ, въ военные годы, соціалисты неожиданно оказались у власти во многихъ странахъ. Однако, это произошло въ такихъ условіяхъ, когда объ осуществленіи соціализма не было и ръчи. Ликвидаціей капитализма соціалистическіе министры не занимались ужъ по тому одному, что въ большинствъ случаевъ ихъ коллегами по кабинету были представители капитализма. За протекшіе 7 лътъ накопилась большая практика соціалистическихъ и полусоціалистическихъ правительствъ; но практика эта, не подвинувъ впередъ дъло соціалистическаго преобразованія, только обнаружила ошибочность доминирующей теоріи и оставила въ наслъдство неразрѣшенный вопросъ о власти рабочихъ партій, какъ зіяющую рану въ ихъ сильномъ организмъ. Между тъмъ, это самый важный вопросъ. И пока нътъ ясности въ этомъ вопросъ, практика осуждена на постоянныя шатанія, недоразумънія и грубыя ошибки.

Если въ Европъ ликвидація капитализма еще невозможна; если даже максимальные успъхи обобществленія хозяйства, не понижающіе хозяйственнаго уровня, ограничены сравнительно узкими рамками; если больше половины народнаго хозяйства должно развиваться еще въ капиталистическихъ условіяхъ — тогда одно изъ двухъ: либо соціалистическая партія не должна, находиться у власти, ибо ея пребываніе у власти автоматически ликвидируетъ капитализмъ: либо соціалистическая партія, достигши власти, должна быть совмъстимой съ капиталистическимъ хозяйствомъ, и должна отказаться отъ его ликвидаціи. Впрочемъ, возможно еще и третье. Можно, будучи въ оппозиціи, объщать рай, а затъмъ, достигши власти, продълать головокружительные прыжки и оказаться въ концъ концовъ объими ногами на гръшной капиталистической земль. Но эту «систему» оставимъ коммунистамъ.

Итакъ первое ръшеніе вопроса гласить: рабочая партія не должна стремиться къ власти до тъхъ поръ, пока не созръли условія для полнаго осуществленія соціализма. Возможно-ли такое ръшеніе? Если-бъ политика рабочей партіи только тъмъ и отличалась отъ политики всъхъ прочихъ партій, что первая стремится къ соціалистическому хозяйству; если-бъ не было вопросовъ о политическихъ свободахъ, войнъ и миръ, республикъ и монархіи, церкви и арміи, — тогда это было-бы возможно. Пусть-молъ правять буржуазныя партіи, пока царить капитализмъ! Но тогда незачъмъ существовать особой соціалистической партіи. Ей не въ чемъ было-бъ упрекнуть своихъ политическихъ противниковъ; ей оставалось-бы только распустить своихъ членовъ — до тъхъ поръ, пока не созръютъ условія для соціализма. Не стремясь къ власти, она перестаетъ быть партіей.

Но всякій знаетъ, что дѣло обстоитъ совершенно иначе. Не только капитализмъ — соціализмъ раздѣляетъ различныя партіи, а цѣлый рядъ еще другихъ вопросовъ. Та политика, внѣшняя или внутренняя, которую ведутъ правыя или либеральныя партіи, не удовлетворяетъ массу сторонниковъ рабочихъ партій. Поэтому не о самораспущеніи мечтаютъ они, а объ усиленіи своихъ организацій.

Поэтому рабочія партіи должны принять второе рѣшеніе: они должны готовиться управлять буржуазнымъ государствомъ и должны проводить программу, которая не означаетъ уничтоженіе капитала. Рабочія партіи должны поставить себѣ цѣлью управлять буржуазнымъ государствомъ.

Буржуазное хозяйство существуетъ и существовало въ самыхъ различныхъ политическихъ формахъ: подъ властью англійскихъ лендлордовъ и прусскихъ юнкеровъ; при подствъ буржуазнаго либерализма во Франціи или Италіи; подъ властью радикальнаго крестьянства во Франціи Швейцаріи, и реакціоннаго крестьянства — въ Бельгіи; наконецъ, подъ властью рабочей партіи въ Австраліи и Новой Зеландіи. Капитализмъ, какъ хозяйственная система, въ основномъ одинаковъ во всѣхъ этихъ странахъ: наемный трудъ, прибыли, биржа, дивиденды, банки и пр. Но только поверхностный и убійственный схематизмъ внушилъ многимъ ту мысль, будто эта всеобщая ческая система капитализма знаетъ только одну «адэкватную» политическую форму — господство городской буржуазіи. Дъйствительность въ тысячу разъ сложный этой формулы. Въ схемъ этой не только упущена такая мелочь, какъ крестьянство, но не принята во вниманіе возможность политическаго усиленія другихъ классовъ («новое среднее сословіе» и рабочіе), которое, не мъняя хозяйственной системы, мъняетъ систему политическую.

Возможно-ли это? Можетъ-ли рабочая партія, будучи у власти, содъйствовать развитію народнаго хозяйства даже въ капиталистическихъ формахъ? Теоретически положительный отвътъ ясенъ. На практикъ это вопросъ факта. Во многихъ странахъ, въ особенности въ культурно-отсталыхъ, такая рабочая партія будетъ слаба. Въ другихъ

— она будетъ сильнъе. Но если-бъ ей это не удалось, т. е. если-бъ она своей политикой разрушала капитализмъ (кой-какія націонализаціи въ счетъ не идутъ), то она тъмъ самымъ подточила-бы устои своей власти. Поэтому у власти можетъ длительно оставаться лишь та рабочая партія, которая сознательно встанетъ на этотъ путь.

Напо отдать себъ ясный отчетъ въ томъ, что это означаетъ. Современное государство создало громадный аппаратъ для защиты частной собственности, которая въ девяти случаяхъ изъ десяти является собственностью буржуазной. Для этого выработана и разработана система гражданскаго права, регулирующая всю систему собственности и перехода собственности изъ рукъ въ руки. Это евангеліе буржуазнаго хозяйства. И въ дополненіе къ гражданскому праву создана полиція, охраняющая собственность; суды, ръшающіе споры о правъ собственности, и наказующие нарушение его; уголовное право и тюрьмы. Какъ быть рабочей партіи съ этой развътвленной и всеобъемлющей системой клапановъ буржуазнаго организма? Она должна сохранить въ принципъ всю эту систему, измъняя тъ или иныя устарълыя Коммунизмъ, который пробовалъ открыть всъ частности. клапаны, на этомъ больно ожогся. Пока хозяйство ведется по буржуазному, необходимы буржуазные законы. жете смягчать наказанія, измънить личный составъ судей, ввести гуманность въ уголовное право, вы можете провести еще тысячу другихъ полезныхъ и необходимыхъ реформъ, но вы ничуть не затрагиваете всѣмъ этимъ корней буржуазной системы собственности. Наоборотъ, этой реформаторской дъятельностью вы приближаете юридическую структуру къ новъйшимъ, современнымъ запросамъ капиталистическаго хозяйства. Это надо сказать самимъ себъ съ полной ясностью.

Больше того. Бываютъ случаи, когда буржуазныя функціи государства проявляются еще гораздо ръзче. Толпа голодныхъ работницъ бросается на лавки и начинаетъ ихъ громить, или силой открываетъ склады и выноситъ изъ нихъ

товаръ. Когда рабочая партія въ оппозиціи, она винитъ буржуазное правительство, и по оольшей части съ большимъ основаніемъ: оно даетъ разыграться спекулятивной вакханали, не заботится о снабженіи голодной массы, недостаточно помогаетъ безработнымъ. Но никакое рабочее правительство не гарантировано отъ подобнаго рода «эксцессовъ». Хозяйственный кризисъ, неурожай могутъ вызвать ихъ, несмотря на политику, самую внимательную къ интересамъ рабочей массы. Что станетъ дѣлать рабочая партія въ качествѣ правящей партіи? Ей ничего не останется, какъ защищать собственность торговцевъ отъ безумной ярости пролетарской массы. Защищать это значитъ: по возможности словами убѣжденія, но при невозможности — и силой.

Въ моменты стачекъ столкновенія принимаютъ подчасъ массовый характеръ. Борьба между стачечниками и штрейк-брехерами рѣшаетъ подчасъ исходъ экономической борьбы. Государство имѣетъ возможность рѣшить вопросъ въ пользу бастующихъ рабочихъ, если оно прикажетъ полиціи ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ ходъ этой борьбы; если къ мѣрамъ моральнаго воздѣйствія на штрейкбрехеровъ присоединится безнаказанное, а потому массовое, физическое воздѣйствіе. Не очень трудно «взорвать капитализмъ» этимъ путемъ. Въ иныхъ случаяхъ бастующіе рабочіе захватываютъ заводы, чтобъ вынудить уступки. Государство и тутъ можетъ рѣшить вопросъ въ ихъ пользу, отказавшись охранять право собственности промышленнаго капитала.

Но рабочая партія не можетъ вступить на этотъ путь, если она думаетъ и о завтрашнемъ днѣ. Ей придется, въ качествѣ правительства, сохранять по большей части нейтралитетъ въ экономической борьбѣ труда съ капиталомъ, ограничиваться ролью посредника, а подчасъ занимать позицію противъ тѣхъ элементовъ пролетаріата, дѣйствія которыхъ выходять за рамки дисциплинированной профессіональной борьбы.

Точно такъ - же рабочая партія, будучи у власти, не въ силахъ положить конецъ наибольшему ужасу современнаго

строя — безработицѣ. Можно смягчить бѣдствія безработныхъ, и она этого разумѣется добьется. Но у нея нѣтъ никакой возможности, сохраняя капиталистическое хозяйство, обезпечить «право на трудъ» для всѣхъ. Далѣе, она не сможетъ ликвидировать вездѣ систему таможенныхъ пошлинъ, т. е. косвенныхъ налоговъ, вытекающихъ изъ современной внѣшней торговли, такъ-же какъ она лишь въ немногихъ странахъ оказалась-бы въ силахъ покончить со всѣми внутренними косвенными налогами.

Наконецъ, приступая въ той или иной области къ обобществлению хозяйства, ей придется дѣлать это въ полномъ согласіи съ принципомъ буржуазной собственности. О конфискаціи не будетъ и рѣчи, и безъ выкупа дѣло не обойдется. Всѣ обязательства передъ кредиторами, банками и пр. должны будутъ строго выполняться. Словомъ, мето ды обобществленія будутъ въ общемъ тѣ-же, какіе примѣняются буржуазными партіями, когда онѣ приступаютъ къ націонализаціи желѣзныхъ дорогъ или заводовъ.

Зачѣмъ я такъ подробно останавливаюсь на всѣхъ этихъ вопросахъ? Чтобъ совершенно отчетливо сказать о томъ, что значитъ для рабочей партіи управленіе буржуазнымъ государствомъ. Это необходимо выяснить себѣ во всѣхъ деталяхъ для того, чтобъ не ожидать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ большаго, чѣмъ рабочее правительство можетъ дать. Новыхъ лавровъ это въ вѣнокъ его не вплететъ. Но такъ какъ эта политика является въ настоящихъ условіяхъ предпосылкой экономическаго прогресса, то она необходима для того, чтобъ власть рабочей партіи могла быть длительной и успѣшной въ другихъ областяхъ. Ибо цѣлью ея является, конечно, не повтореніе того, что дѣлали и до нея другіе, а то новое, что она можетъ дать.

2. Политика.

Это новое лежитъ раньше всего въ области «чистой политики». Если она не можетъ достигнуть радикальнаго измѣненія экономическихъ отношеній, то она за то

имъетъ полную возможность добиться полнаго и послъдовательнаго демократизма. Это громадная, грандіозная задача, требующая массы усилій и достижимая только въ процессъ упорной, многолътней борьбы. Все то, что писалось въ «минимальныхъ программахъ» соціалистическихъ партій, дълается теперь живыми требованіями момента, и только теперь видны всъ трудности, связанныя съ процессомъ демократизаціи государства.

Онъ натыкается раньше всего на остатки феодальных классовъ, и во всей центральной Европъ (Германія, Австрія, Венгрія, Румынія и др.) они являются главной силой, противостоящей демократизму. Сломить эту силу; ликвидировать ее; окончательно уничтожить путемъ экспропріаціи и даже конфискаціи крупнъйшихъ латифундій. Здъсь не должно быть мъста никакимъ компромиссамъ съ политической силой врага. Здъсь нужно дъйствовать радикально и ръшительно.

Главной опорой отжившихъ соціальныхъ слоевъ является офицерство — самое реакціонное, что есть сейчасъ въ Европъ. Этотъ малочисленный слой представляетъ гигантскую политическую силу. Естественно связанный происхожденіемъ своимъ со старымъ дворянствомъ, онъ черпаетъ въ своей профессіи реакціонное вдохновеніе, еще усиливающее эти дворянски-феодальныя черты. Его положеніе ставитъ его выше людской массы. Отъ него требуется способность командовать, распоряжаться, наказывать, осуществлять строжайшую и жесточайшую дисциплину. Оно должно спокойно посылать людей на смерть, разстръливать бъгущихъ и отступающихъ, безжалостно подавлять сопротивляющагося врага. Война поэтому во многихъ отношеніяхъ является источникомъ политической реакціи. Но даже въ мирныхъ условіяхъ военное дъло воспитываетъ эти радикальныя анти-демократическія настроенія. И роль офицерства проявилась съ достаточной отчетливостью во внутренней политикъ послъднихъ лътъ: смотри Россію съ ея Корниловымъ, Деникинымъ, Врангелемъ, Юденичемъ; смотри Германію съ ея Каппомъ, Лютвицомъ, Бауэромъ, Гофманомъ и Людендорфомъ; смотри Венгрію съ ея Хорти; смотри, наконецъ, Францію, гдъ Фошъ является выраженіемъ крайней реакціи офицерскихъ круговъ.

Примъръ Франціи особенно важенъ. Во Франціи политическая роль крупнаго землевладънія ничтожна. Феодальный классъ ликвидированъ еще революціей 18-го въка. Но какъ ни слабы остатки стараго дворянства, оно и сейчасъ еще даетъ множество рекрутовъ въ офицерство. Идеологія «командующаго сословія», стоящаго превыше людской массы и призванныхъ круговъ, т.-е. нъкоторой экономической группы, и для офицерства, т.-е. нъкоторой части служащихъ государства. И идея монархіи часто вънчаетъ законченную идеологію тъхъ и другихъ. Поэтому совершенно недостаточно ликвидировать средневъковье. На почвъ капитализма, тамъ, гдъ онъ открываетъ большой просторъ милитаризму, вырастаютъ тъ же реакціонныя настроенія. Борьба съ ними превращается въ дъло первостепенной важности.

Реорганизація арміи можетъ идти въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, количественное сокращеніе ея. Оно лучше всего достижимо путемъ международныхъ договоровъ, одновременно сокращающихъ численность армій во всѣхъ странахъ и дѣлающихъ невозможнымъ эксплуатацію демократизма одной страны для завоевательныхъ аппетитовъ другой. Покуда такихъ договоровъ нѣтъ, пока одни лишь побѣжденныя страны ограничены въ военныхъ правахъ, цѣлые народы борются, изъ чувства самосохраненія, за право содержать большую армію. Поэтому, въ подобныхъ условіяхъ развивается въ однѣхъ (побѣдившихъ) странахъ милитаризмъ, въ другихъ (побѣжденныхъ) — тяга къ милитаризмъ.

Во-вторыхъ, качественное преобразованіе арміи. Оно не зависитъ отъ упомянутыхъ условій и возможно во всякій моментъ, кромѣ развѣ военнаго періода. Чтобъ ликвидировать старую офицерскую касту и уничтожить ея тѣсную связь съ реакціонными классами, можно въ теченіе ряда лѣтъ подготовить новый офицерскій составъ, открывая двери въ офицерскія школы представителямъ демократиче-

скихъ слоевъ и фильтруя кандидатовъ по ихъ политическимъ симпатіямъ. Въ такомъ дёль, какъ организація главной опоры государственной власти, нътъ мъста полной «объективности» и «безпартійности», если ставить себъ цълью утвержденіе демократическаго государства. Наоборотъ, чтобъ избъжать гражданскихъ войнъ, необходимо создать полный контактъ между фактической конститушіей демократическаго государства илеологіей его военной силы.

Австрія явила въ послѣдніе годы образецъ страны, строящей по-новому свою новую армію. Ея «Volkswehr» была создана въ 1919-20 гг., въ періодъ революціи, и задачей ея была поставлена въ первую очередь борьба противъ реакціи. «Такъ называемая внь-политическая армія была бы ничъмъ инымъ, какъ сборищемъ людей изъ подонковъ буржуазнаго общества.... Новая армія превратила партійную привязанность своихъ солдатъ въ военную дисциплину. Въ этомъ было спасеніе демократической республики»¹). Въ концъ 1919 года коалиціонное правительство Австріи приступило къ созданію постоянной арміи въ согласіи съ Сэнъ-Жерменскимъ договоромъ. При этомъ опять-таки армія строилась на принципъ демократической «политичности». Программа правительства, превратившаяся вскорт въ законъ, гласила: «Новая армія будетъ демократической, республиканской арміей. Армія присягнетъ демократической республикъ»2). Командный составъ отчасти пополнялся изъ среды солдатской массы. «Пріобрътеніе истинныхъ республиканцевъ для арміи я считалъ самымъ важнымъ», пишетъ военный министръ^в). Эта задача ему повидимому вполнъ удалась.

Другой страной, подвергшей свою армію радикальному преобразованію, была Россія. Совътское правительство точно такъ же ставило себъ цълью создать однородность политическаго режима и военной силы. Это удалось ему въ большой степени. Но въ условіяхъ жестокой диктатуры это

¹) Julius Deutsch. Aus Österreichs Revolution, с. 32.

³⁾ тамъ-же, с. 130.

привело къ тому, что офицерство отнюдь не прониклось демократическими убъжденіями; наоборотъ, завоевательныя милитаристскія тенденціи въ немъ чрезвычайно сильны. И съ ликвидаціей коммунизма въ наслъдство остается ужъничъмъ не прикрытый милитаризмъ съ большой примъсью реакціонной самоувъренности и презрънія къ демократіи.

За то въ Германи, какъ это ни странно, качественное преобразованіе арміи имѣло мѣсто лишь въ ничтожной степени. Правда, она реорганизована съ верху до низу; численность ея сокращена въ 10 разъ и вооруженіе у ней бѣдное. Но командный составъ взятъ изъ среды прежняго офицерства, и строгая дисциплина можетъ сдѣлатъ армію орудіемъ върукахъ правыхъ. Впрочемъ, ея роль въ общественной жизни сеичасъ безконечно меньше, чѣмъ до войны. Но это не заслуга республики, а плодъ военнаго пораженія и Версальскаго мира.

Въ Германіи болѣе ясно выступаетъ другая задача демократизаціи государства: смѣна всего высшаго бюрократиче-Финансы, юстиція, народное просвъщеніе, скаго персонала. мъстная администрація и до сихъ поръ остаются въ рукахъ стараго чиновничества, и слабость республиканскаго строя ни въ чемъ не проявляется такъ отчетливо, какъ въ его неспособности радикально очистить государственный организмъ отъ монархической крови. Это требовало бы смѣны одной лишь верхушки. нѣсколькихъ тысячъ человъкъ. Но оказывается, что эта небольшая верхушка является для очень широкихъ слоевъ крестьянства и имущихъ классовъ гарантіей «порядка и спокойствія», и противъ устраненія ея возстаютъ тысячи формальныхъ, юридическихъ, конституціонныхъ и политическихъ возраженій. Въ свое время Ленинъ доказывалъ, что для очистки государственнаго аппарата отъ реакціонныхъ тенденцій необходимо «сломать» всю государственную машину. Онъ такъ и поступилъ въ Россіи. Современная Германія какъ будто подтверждаетъ его максимализмъ. Неужели республика неспособна побороть монархическую реакцію иначе, какъ превративши самое себя въ жестокую диктатуру революціоннаго меньшинства? Конечно, это вздоръ. Она была бы способна, если-бъ захотъла. Но международное положение ея, отвлекая внимание отъ внутренней политики, создаетъ въ то же время почву для націонализма, и отодвигаетъ въ сознаніи народныхъ массъ демократическія реформы на задній планъ.

Я не собираюсь дать здъсь списокъ десятковъ и сотенъ большихъ и малыхъ реформъ, которыя составляютъ реалистическую программу рабочей партіи у власти, и которыя въ общемъ и цъломъ создаютъ государственный строй, именуемый демократіей. Демократія означаетъ напряженную, полицейскими рогатками не стъсняемую общественную жизнь, въ которой низшіе классы принимаютъ постоянное, самое энергичное участіе. Демократія означаетъ неустанный общественный контроль надъ органами власти, осуществляемый парламентами и свободной прессой. Демократія требуетъ поэтому полной, ничъмъ, кромъ судовъ, не ограниченной свободы печати; въ этомъ отношении лучше пересолить, чъмъ недосолить. Демократія означаеть освобожденіе и равноправіе женщинъ, прекращеніе національнаго угнетенія, разрыва съ государственной церковью, свободы совъсти, отказа отъ завоевательныхъ плановъ и соотвътствующей системы внъшней политки. Къ внъшней политикъ, впрочемъ, которая составляетъ въ настоящій моментъ одну изъ самыхъ главныхъ проблемъ, я вернусь особо въ слъдующей главъ.

Демократія означаетъ максимально-свободный политическій режимъ. Знамя свободы, какія бы шутки ни отпускались на этотъ счетъ справа и слѣва, остается и останется знаменемъ всякаго большого народнаго движенія, и только минутная слабость и усталость можетъ заставить измѣнить ему. И измѣна эта можетъ датъ мимолетный услѣхъ, въ формѣ-ли коммунистической диктатуры или диктатуры реакціонной сабли. Но демократія мститъ за себя: въ первомъ случаъ ужасающимъ экономическимъ разваломъ, во второмъ — страшнымъ политическимъ гнетомъ, который вновь пробуждаетъ къ жизни революціонныя силы.

И не нужно позволять себя запугивать «красной» и «черной» опасностью. Заговоры и планы возстаній естественно рождаются въ революціонныхъ странахъ, пережившихъ потрясенія послѣднихъ лѣтъ. И много еще воды утечетъ, пока создастся политическая устойчивость, гарантирующая новыя республики отъ подводныхъ камней. Въ извѣстные моменты нѣтъ ничего, ќазалось бы, проще, чѣмъ разгромить и раздавить, напримѣръ, коммунизмъ. Это вполнѣ было бы возможно сейчасъ въ Германіи и Австріи, Швеціи и Даніи; и ни одинъ коммунистъ не имѣлъ бы права протестовать противъ тѣхъ же способовъ подавленія его партіи, какими его партія подавляла своихъ политическихъ противниковъ въ Россіи. Но эта политика близорукая и опасная по совершенно другимъ причинамъ.

Коммунизмъ представляетъ силу, которая не должна властью. Въ Западной Европъ, гдъ вопросъ о буржуазной революціи не стоитъ на очереди, не было бы никакихъ объективныхъ оправданій для громадныхъ разрушеній, кровопролитной гражданской войны и экономической катастрофы, которая неизбъжно, органически связана съ побъдой коммунизма: То прогрессивное, что коммунистическая эпоха дала Россіи (ликвидація «ancien régime»), либо уже цъликомъ достигнуто европейскими революціями, либо на 3/4 вырвано долголътней борьбой, постепенными уступками. А то, что «недодълано», не стоитъ жертвъ большевистской революціи и вполнъ достижимо безъ нея. Поэтому коммунистическая диктатура означала бы для передовыхъ странъ только регрессъ, почти безъ элементовъ прогресса.

Коммунистическая партія никуда не годится какъ правящая сила. Но совершенно иное нужно сказать о коммунизмѣ, какъ силѣ оппозиціонной. Элементы простой, наивной вѣры, подчасъ рождающей фанатизмъ, такъ сильны въ идеологіи современнаго коммунизма, что они превращаютъ коммунистическую людскую массу въ первоклассное орудіе борьбы противъ крайней реакціи, противъ монархистскихъ тенденцій, противъ милитаризма, реакціонной юстидалинъ. Послѣ войнъ и революцій. 17 ціи, и для подавленія реакціонныхъ заговоровъ и возстаній. Политическая борьба съ коммунизмомъ не должна мѣшать тому, чтобъ въ интересахъ демократизаціи Европы и спользовать его, какъ большую оппозиціонную силу. Коммунизмъ плохъ въ качествѣ власти, но нуженъ въ качествѣ власти, но нуженъ въ качествѣ оппозиціи. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать реакціонная опасность — а это продлится еще немало десятилѣтій, — полезно противъ «утопистовъ реакціи» имѣть противовѣсъ въ видѣ «революціонныхъ утопистовъ». Поэтому вредно и близоруко было бы разгромить и насильно ликвидировать коммунизмъ. Наоборотъ, надо умѣть использовать его, заставить его служить цѣлямъ демократіи.

3. Экономика.

Рабочая партія, говорилъ я, должна поставить себъ задачей управлять буржуазнымъ государствомъ. Но управляя имъ, она стремится преобразовать его и изъ буржуазнаго постепенно прегратить въ соціалистическое. Это сфера экономической политики.

Въ области экономической политики есть вопросы, которые никакихъ принципіальныхъ затрудненій не вызываютъ. Рабочее законодательство, квартирный вопросъ, санитарная гигіена, тарифные договоры — всѣ эти вопросы въ принципѣ давно рѣшены, и большій или меньшій прогрессъ на этомъ пути зависитъ лишь отъ экономическихъ возможностей и отъ сравнительной силы борющихся классовъ. Не здѣсь главныя затрудненія.

Не многимъ больше затрудненій и въ вопросѣ о заводскихъ комитетахъ, который на западѣ почему-то припутывается къ вопросу о «соціализаціи». Послѣ германской революціи, съ легкой руки очень ученныхъ ученыхъ, — все, что такъ или иначе реорганизуетъ промышленность и отвѣчаетъ запросамъ рабочихъ, подводится подъ расплывчатую категорію «соціализаціи». Если, напр., предполагается перестроить руководящую коллегію какого-нибудь государствен-

наго предпріятія и ввести въ нее, кромѣ чиновниковъ, еще и представителей потребительскихъ и рабочихъ организацій, — это называется «соціализаціей». Если создаютъ комитеты для одного лишь регулированія цѣнъ изъ представителей капитала, труда и др. элементовъ, то и этотъ, очень неловкій опытъ, любятъ именовать «соціализаціей». Наконецъ и законъ о созданіи заводскихъ комитетовъ тоже называютъ соціализаціей.

Конечно, дъло не въ словахъ. Если кому угодно, можно и тарифные договоры, и право двухнедъльныхъ отпусковъ именовать соціализмомъ. Но при этомъ стирается и устраподчасъ совершенно сознательно, няется, нъйшій вопросъ ВЪ сферъ экономической политики: вопросъ о превращеніи частной собственности въ общественную собственность. Это центральная проблема соціализаціи. Все остальное (формы организаціи государственной промышленности, права рабочихъ организацій и т. п.) играетъ второстепенную роль.

И совершенно ясно, разумъется, что руководящей идеей экономики рабочихъ партій является расширеніе «коллективнаго» хозяйства за счетъ частнаго. Поэтому даже умъренная англійская рабочая партія издавна (а до ея основанія — конгрессы профессіональныхъ союзовъ) требовала перехода собственности на землю, угольныя шахты и желѣзныя дороги въ руки государства. Даже американскіе профессіональные союзы, отвергающіе сотрудничество съ «революціонными» профессіональными организаціями Европы (амстердамскимъ интернаціоналомъ, «желтымъ», по мнънію большевиковъ), настроенные не только не соціалистически, но ръшительно анти-соціалистически, — и тъ постановили недавно требовать націонализаціи жельзныхъ дорогъ. Въ Америкъ это большой шагъ впередъ. Если на этотъ путь вступили и англичане, и американцы, то въ является основная тенденція экономической политики всякой рабочей партіи. Собственность на лѣса, нѣдра земли, желъзныя дороги, телеграфъ остается и сейчасъ еще въ большинствъ странъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Превращеніе ихъ въ общественную собственность не представляетъ никакихъ затрудненій. Точно такъ же въ провинціальномъ масштабъ: источники газовой и электрической энергіи, мъстные пути сообщенія и т. п.

высшимъ принципомъ экономической является не только «обобществленіе производства», но и максимальное развитіе народнаго хозяйства, т.-е. его прогрессивное развитие хотя бы въ капиталистическихъ формахъ. И оба эти принципа могутъ во многихъ случаяхъ оказаться въ противоръчіи другъ съ другомъ. Если производить «обобществленіе» русскимъ темпомъ; или если включать въ сферу государственнаго хозяйства такія предпріятія, которыя для этого не пригодны; или если производить соціализацію, когда нътъ надежнаго, честнаго и дъловитаго чиновничества - успъхи соціализма будутъ достигнуты за счетъ производства. Успъхи соціализма будутъ куплены цъной экономическаго регресса. Масса населенія отвергнетъ тогда всякій намекъ на коллективныя формы хозяиства, и вмъсто «кризиса капитализма» получится глубокій кризисъ соціализма.

Поэтому нътъ и не можетъ быть общей «схемы соціализаціи» для всъхъ странъ. Экономическая политика будетъ въ Англіи одна, въ Германіи другая, въ Америкъ одна, въ Россіи совершенно иная.

Угольная промышленность, напримъръ, считается, и съ большимъ основаніемъ, одной изъ наиболѣе годныхъ отраслей для государственнаго хозяйства. Казалось бы, что можетъ быть проще, чъмъ провозгласить общее требованіе для всѣхъ странъ: націонализація угольнаго дѣла! Но вотъ англійское угольное хозяйство находится въ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Издержки производства, т.-е. себъстоимость угля въ Англіи значительно выше, чъмъ, напр., въ Америкъ; это объясняется тѣмъ, что отчасти лучшіе рудники исчерпаны, а отчасти новъйшія машины, примъняемыя при добычъ угля въ Америкъ, въ Англіи по техническимъ причинамъ почти непримънимы. Поэтому американскій уголь нашелъ себъ въ послъдніе годы доступъ на

европейскіе рынки, несмотря на состояніе американской валюты. Очевидно, угольная промышленность Англіи вступила въ періодъ кризиса, вызваннаго не столько политическими событіями, сколько особыми внутренними условіями¹). Не очень трудно было бы пожалуй, націонализировать эту отрасль. Но государство оказалось бы владъльцемъ больного хозяйства, которому трудно было бы выдерживать конкурренцію съ иностраннымъ углемъ, которое давало бы лишь небольшой доходъ, быть можетъ, недостаточный даже для оплаты процентовъ на (выкупной) капиталъ, и которое, наконецъ, постоянно сталкивало бы новаго хозяина — государство со своими рабочими, требующими лучшей оплаты труда. Если пессимистическая оцънка перспективъ англійской угольной индустріи правильна (объ этомъ трудно судить),--нельзя придумать большей ошибки, какъ начать обобществленіе хозяйства съ угольнаго дъла. За то въ Англін вопросъ о земельной собственности стоитъ иначе, чъмъ на континентъ: громадныя владънія, сдаваемыя въ аренду, представляютъ англійскій типъ земельныхъ отношеній и наилучшій объектъ для расширенія сферы общественной собственности. Въ Англіи — и въ этомъ ея особенность — переходъ земельной собственности въ новыя руки нисколько не отразился бы на ходъ производства. Наряду съ земельной собственностью — нѣкоторыя части металлургіи, океанскаго судоходства и т. п.

Въ Германіи, наоборотъ, угольная промышленность является здоровой, концентрированной отраслью хозяйства, и опыты государственныхъ угольныхъ предпріятій отнюдь

^{1) &}quot;Американскій углекопъ добываетъ угля въ день почти столько-же сколько англійскій въ недѣлю. Будетъ необходимо (въ Англіи) сократить число углекоповъ на половину или еще больще. Главный вопросъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ сильно повысить добычу рабочаго, въ то же время сокращая вдвое численность рабочихъ. Только такимъ путемъ цѣна угля можетъ быть понижена до такого уровня, при которомъ Европа оказаласьбы въ силахъ конкурировать съ Соед.-Штатами" (Е. Вагкег въ англійскомъ "Есопотівт" отъ 16 апрѣля 1921 г.). По мнѣнію Баркера, часть копей вообще должна быть закрыта. Число углек позъ составляло въ 1913 году около 1 милл., въ 1921 — 1.200 тысячъ.

не обезкураживаютъ, несмотря на сугубо бюрократическую систему. Что-же касается земельной собственности, то она почти неотдѣлима здѣсь отъ сельско-хозяйственнаго предпріятія. Переходъ собственности на землю въ руки государства (или коммунъ) означалъ бы раньше всего экспропріацію крестьянства; конечно, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но и по отношенію къ крупнымъ имѣніямъ націонализація мыслима лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Сельское хозяйство вообще еще не вполнѣ созрѣло для соціализаціи въ крупныхъ размѣрахъ.

Но Германія являетъ примъръ страны, въ которой приходится сокращать разміры государственнаго хозяйства. «Военный соціализмъ», доменой котораго была Германія, распространиль власть государства на очень широкія сферы хозяйства; инымъ журналистамъ онъ казался началомъ подлинно-соціалистической экономической организаціи. Но особенностью его было то обстоятельство (на которое поверхностные наблюдатели обращали мало вниманія), что государство энергично вмѣшивалось сферу распредъленія, сравнительно мало затрагивая сферу производства. Оно назначало твердыя цъны; выдавало карточки; указывало назначеніе, т.-е. адресатовъ для промышленныхъ издълій; распредъляло сырье и т. д. Оно ликвидировало на 34 вольный рынокъ и замънило его государственной регламентаціей распредъленія. Словомъ, оно вторглось очень энергично въ сферу торговли. Частные торговцы либо сдълались комиссіонерами и агентами государства, либо-же, поскольку они оставались самостоятельными, работали подъ его непосредственнымъ контролемъ. Это была грандіозная система государственнаго регулированія распредъленія.

Но распредѣленіе въ капиталистическомъ хозяйствѣ, т. е. торговля, меньше всего прочаго созрѣла для огосударствленія. Здѣсь еще жива классическая система конкурренціи, здѣсь цвѣтетъ «частная иниціатива», здѣсь очень живо еще мелкое хозяйство. Подчинить государству тысячи малень-

кихъ торговыхъ предпріятій возможно на очень короткій срокъ. Но въ дальнъйшемъ государственная организація торговли, при современныхъ условіяхъ неизбѣжно вызываетъ къ жизни нелегальный рынокъ, который парализуетъ всъ усилія государства и является источникомъ новыхъ многомилліонныхъ барышей. Этимъ и объясняется та антипатія, которая даже въ соціалистическихъ рабочихъ кругахъ господствуетъ по отношеню къ «Zwangswirtschaft». Твердыя цъны точно такъ же возможны лишь на короткій періодъ. Всякому человъку, мало-мальски знакомому съ азбукой политической экономіи, понятно, что система твердыхъ цънъ несовмъстима съ капиталистическимъ производствомъ. И поэтому къ концу войны стало ясно: либо сохранить «Zwangswirtschaft» — тогда надо однимъ ударомъ націонализировать все производство; либо-же отмънить «Zwangswirtschaft» и вернуться къ до-военной системъ капитализма. Такъ какъ первое было и невозможно и нераціонально, пришлось идти по второму пути. Такимъ образомъ, чтобъ сдълать возможнымъ хозяйственное развитіе, было необходимо отмънить систему государственнаго регулированія распредъленія товаровъ. Такъ должно было поступить всякое правительство, написавшее на своемъ знамени не коммунизмъ потребленія, а подъемъ производительныхъ силъ. Соціалистическія партіи этому почти не сопротивлялись: образецъ того, какъ рабочимъ партіямъ приходится подчасъ заботиться не о расширеніи государственнаго вліянія на хозяйство, а о сильномъ сокращении его, не о «соціализаціи», а о «десоціализаціи». Вопросъ лишь въ томъ, какъ далеко зайдеть этоть процессь въ Германіи.

Еще болъе разительный примъръ даетъ Россія. Послъ коммунистическаго опыта всякому ужъ ясно, что экономическіе обломки можно превратить въ народное хозяйство, только приложивъ къ нимъ электрическій токъ алчности и энергіи капитала. «Денаціонализація» и «декоммунизація» сдълались правиломъ даже для экономической политики русскаго коммунизма. Однако, онъ идетъ боязливо по этому пути, не ръшается сдълать всъ выводы изъ объективнаго по-

ложенія, и правой рукой разрушаєть то, что совершаєть лѣвой. Всякая партія, которая придеть ему на смѣну, будь то рабочая или крестьянская, должна будеть продолжать, только болѣе рѣшительно и послѣдовательно, ту же политику «капитализаціи» Россіи, укрѣпленія собственности и сокращенія государственнаго хозяйства до очень небольшихъ размѣровъ, продиктованныхъ отсталостью страны и отсутствіемъ честнаго и знающаго чиновничьяго матеріала.

Это парадоксально на первый взглядъ: соціалистическія партін, которыя заботятся о прогрессѣ капитализма! Но это парадоксъ только для мертвыхъ доктринеровъ. Каждой странъ, каждому уровню хозяйства, каждой степени народной культуры, каждой исторической обстановкъ соотвътствуетъ нъкоторая система экономическихъ отношеній, которая въ данныхъ условіяхъ лучше всякой другой содъйствуетъ хозяйственному прогрессу. Съ измъненіемъ объективныхъ условій мъняется и эта система. Вся задача въ томъ, чтобъ въ каждый моментъ найти эту систему и осуществить ее. Бисмарку нужны были гигантскіе ботфорты, Карсавиной милыя туфельки. Хорошій сапожникъ шьетъ по ногъ; онъ не сталь бы убъждать Бисмарка, что ему къ лицу и къ фигуръ изящныя дамскія туфли, а Карсавиной онъ не сталь-бы доказывать, что ничего нътъ лучше просторныхъ аршинныхъ сапогъ. Коммунизмъ пытался, правда, стянуть расплывшуюся матушку-Россію въ узкій корсеть. Но когда корсетъ лопнулъ по всъмъ швамъ, съ нимъ лопнула и вся доктрина коммунизма

Экономическую политику приходится дѣлать сообразно съ условіями мѣста и времени. Но и тамъ, гдѣ соціализація является шагомъ впередъ, ея положительный эффектъ, какъмы видѣли, можетъ сказаться лишь послѣ большого періода. Поэтому главныя немедленныя достиженія рабочихъ партій въ качествѣ власти мо-

гутъ лежать и будутъ лежать не въ экономической сферъ, а въ области внутренней и внъшней политики.

II.

Новая Европа.

1. Версаль.

Творцы версальскаго мира и послѣдовавшихъ за нимъ договоровъ кажутся самимъ себѣ очень великими людьми. Они не перестаютъ превозносить свое твореніе, и противниковъ его готовы послать въ сумасшедшій домъ. Они сами себѣ открываютъ памятники, въ полной увѣренности, что потомство преклонится передъ мраморнымъ изваяніемъ еще болѣе, чѣмъ они сами преклоняются передъ нимъ. Они воплощенная мудрость. Они спасители Европы. Ихъ твореніе единственная гарантія мира, счастья и благоденствія.

Впрочемъ, такъ ли они виноваты въ своемъ самовлюбленномъ ослъпленіи? Цълыя толпы журналистовъ, парламентаріевъ, дипломатовъ и коммерсантовъ твердятъ имъ не переставая объ ихъ величіи. Каждое распоряженіе ихъ, почти не встръчая препятствій, претворяется въ дъло. Нътъ силы на свътъ, которая способна поколебать версальскій гранитъ! Какъ тутъ головъ не закружиться? Кто повъритъ тому, кто станетъ объяснять, что они самые близорукіе изъ всъхъ дипломатовъ послъднихъ столътій; что гордое зданіе нарисованной въ Версалъ Европы держится на глиняныхъ ногахъ; и что оно рухнетъ неизбъжно еще тогда, когда очень многіе изъ его творцовъ не успъютъ уйти отъ политики въ домашній покой?

Если-бъ мы стали доказывать, что версальскій миръ — н справедливый миръ; что онъ угнетаетъ цѣлые огромные на роды; что онъ вызываетъ въ нихъ приливъ націонализма и преклоненіе предъ милитаризмомъ; что контрибуція Германіи — чудовищный грабежъ; — надъ такими сантиментальностями посмѣялись-бы новѣйшіе идеологи военныхъ

побъдъ. «Развъ только тотъ миръ проченъ, который основанъ на уваженіи къ побъжденнымъ? Но Меттернихъ, Наполеонъ, Бисмаркъ?» Однако, какъ ни реакціонны были Меттернихъ или Бисмаркъ, они были дальновидны. Они умъли заложить устои прочнаго, т.-е. болъе или менъе длительнаго мира. Они умъли создать прочное равновъсіе въ политической системъ Европы, — нъкоторое устойчивое равновъсіе, которое въ теченіе цълыхъ историческихъ эпохъ почти не нарушалось. На чемъ держится версальская система? Вотъ предпосылки ея устойчивости:

Во-первыхъ, незыблемость союза побъдителей, раньше всего Франціи и Англіи. Разрывъ союза, т. е. обособленіе политики Франціи и Англіи по отношенію къ побъжденнымъ, неизбъжно влечетъ за собой соглашеніе одной изъ нихъ съ Германіей, направленное противъ другой. Съ такимъ соглашеніемъ наступаетъ прекращеніе «версальскаго» состоянія Европы. Оно означаетъ смерть Версаля. Но можетъ-ли союзъ побъдителей оказаться прочнымъ, длительнымъ? Кто знаетъ традиціонную, т.-е. вызываемую ея положеніемъ, политику Англіи, для того нътъ сомнъній на этотъ счетъ. Англія всегда была противникомъ самой сильной державы на европейскомъ континентъ. Она была врагомъ Франціи въ 18-омъ въкъ и при Наполеонъ — и добилась ея пораженія. Она была врагомъ Россіи при Николат I — и добилась побъды надъ ней. Она сдълалась врагомъ Германіи при Вильгельмъ — и торжествуетъ поражение Германии. Но повергнувъ врага своего въ прахъ съ помощью континентальныхъ союзниковъ, она вслъдъ затъмъ обращаетъ остріе своего дипломатическаго оружія очень скоро противъ самаго сильнаго изъ нихъ, и с о з да е т ъ противъ него новую коалицію. Измънитъ-ли Англія свою политику ради благородной Франціи? Только дурачки могутъ на это надъяться. И если-бъ всъ англичане совершенно искренно поклялись 28 іюня 1919 г. въ въчной върности своему доблестному союзнику, - кто повърилъбы имъ? Всякій вдумчивый человъкъ сказалъ-бы себъ: «въ Европъ дълается хозяиномъ не Англія, а Франція. Она

сумфетъ использовать это господство въ своихъ экономическихъ интересахъ. Она не сможетъ не вызвать тъмъ самымъ недовольство, соревнованіе и борьбу Англіи. Англія вынуждена будетъ искать союзниковъ противъ Франціи.» И развъ не ясно, что дъло уже развивается въ этомъ направлени? Развъ висбаденскіе договоры Лушера-Ратенау не представляютъ такое использованіе побъды, съ которымъ Англія à la longue не сможетъ примириться? А тайный договоръ Францій съ Ангорой, явно направленный противъ Англіи и нарушающій договоры? А отношеніе къ германскимъ платежамъ? За три года, что прошли послъ окончанія войны, политическія линіи Англіи и Франціи все больше расходились. Не безъ колебаній и зигзаговъ, но этотъ процессъ расхожденія не можеть не продолжаться въ дальнъйшемъ.

Во-вторыхъ, условіемъ устойчивости «новой Европы» является отсутствіе Россіи на европейской аренѣ. Версальскій миръ былъ заключенъ въ моментъ такой слабости Россіи, какой она не знала ни до, ни послѣ этого. Равновѣсіе Европы было создано, но это было равновѣсіе въ одной лишь западной Европѣ. Вожди союзниковъ считали и продолжаютъ и сейчасъ считать особенно счастливымъ то обстоятельство, что въ Версалѣ не было Россіи. Предполагалось, что съ Россіей дѣло будетъ устроено особо, и что ее удастся включить въ версальскую систему, т. е.: заставивъ ее признать «новую Европу», связать ее новыми договорами и сдѣлать ее однимъ изъ новыхъ устоевъ европейскаго равновѣсія. На короткое время это можетъ удаться. Но надолго-ли?

Если двъ чашки въсовъ находятся въ равновъсіи, —можно-ли бросить на одну изъ нихъ такую мелочь какъ Россія, безъ того чтобъ нарушить равновъсіе? Россія сейчасъ еще очень слаба; но что можетъ быть болъе наивнымъ, чъмъ спекуляція на въчную слабость Россіи? Какъ-бы дъла ни обернулись въ Россіи, — но экономическое возрожденіе ея въ ближайшіе годы въдь ни въ комъ не вызываетъ сомнъній. Съ экономиче-

скимъ возрожденіемъ—это знаетъ всякій человъкъ—растетъ и внѣшне-политическій въсъ и боеспособность арміи. И если даже Россія подпишетъ цѣлую массу угодныхъ Франціи обязательствъ и договоровъ, — останется-ли она надолго върнымъ союзникомъ своихъ былыхъ союзниковъ? Союзникомъ противъ кого? Противъ нынѣшней Германіи и Австріи! Но въдь не найдется ни одного здравомыслящаго человъка среди полутораста милліоновъ россійскихъ гражданъ, который могъ-бы понять, одобрить и проводить такую политику!

Въ третьихъ, устоемъ Версаля является предположеніе, что Германія на цѣлыя десятилѣтія останется во всѣхъ отношеніяхъ слабымъ государствомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ: не только политически, но и экономически. Между тѣмъ первое при извѣстныхъ условіяхъ было-бы возможно. Второе-же невозможно.

Обезсилить Германію политически не представляло большого труда послѣ ея пораженія. Она лишена права содержать сколько-нибудь значительную армію, и строгимъ надзоромъ можно помѣшать ей такую армію создать. Ея военная промышленность уничтожена, и бдительное око союзниковъ не дастъ ей ее возродить. Посреди ея территоріи пробитъ корридоръ, какъ-бы со спеціальной цѣлью не дать ей никогда возможности примириться со своей судьбой, и два союзника, сопровождающіе ее какъ конвойные, могутъ препятствовать всякой ея попыткѣ проложить сухопутный путь въ свою единственную колонію — Восточную Пруссію. Словомъ, если есть достаточно силъ, можно зажать ее въ тиски и не выпускать.

Но помѣшать ея экономическому возрожденію, оказывается, невозможно. Отчасти это противорѣчитъ интересамъ всемогущей Америки, а также Англіи. И наконецъ, тѣ данныя, которыя имѣются у Германіи для сильнаго экономическаго могущества и которыя вызвали ея бурное развитіе передъ войной, отчасти за ней сохранились. Она сравнительно легко оправилась отъ войны и пораженія, и въ періодъ тяжелаго мірового кризиса въ ея жилахъ кровь пульсируетъ силь-

нѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Это одинъ изъ версальскихъ парадоксовъ, всего значенія которыхъ не хотятъ понять его авторы.

Но если Германія окажется въ силахъ возстановить свою экономическую репутацію, это не можетъ не сказаться очень скоро на ея политическомъ положеніи. Въ международной политикъ господствуетъ принципъ do ut des. Островъ Япъ, который никому ничего не можетъ предложить, остается простымъ объектомъ міровой политики. Но страна, хозяйство которой живо функціонируетъ, можетъ многое предложить, чтобъ взамънъ получить уступки, выгодный договоръ и новыхъ союзниковъ. Пусть моментъ для этого еще не наступилъ. Но онъ приближается, и только слъпые этого не видятъ. Но этотъ моментъ означаетъ въдь ничто иное, какъ начало конца версальской системы!

Таковы три главныхъ устоя послѣ-военной Европы: прочность союза Франціи съ Англіей, отсутствіе Россіи въ Европѣ, и экономическая слабость Германіи. И такъ какъ эти три условія, имѣющіяся налицо въ данный моментъ, могутъ сохраниться лишь на мимолетное историческое мгновеніе, — судьбы версальскаго зданія рѣшены. Поэтому вопросъ, который стоитъ сейчасъ передъ Европой, состоитъ уже не въ томъ, сохранится ли устойчивость нынѣшней системы, а въ томъ, какъ и въ какомъ направлені и пойдетъ е я измѣненіе.

2. Роль Польши.

Для тѣхъ, кто ожидаетъ со дня на день «соціальной революціи», вопросы эти рѣшаются безъ большого утружденія мыслительныхъ способностей. Соціальная революція принесетъ соціализмъ — всеобщее умиротвореніе, окончаніе національной вражды и такое разрѣшеніе внѣшнеполитическихъ вопросовъ, которымъ всѣ будутъ довольны. Но я для того и началъ съ вопроса о соціальной революціи, чтобъ доказать во-первыхъ, что до соціализма еще далеко и нашему поколѣнію надо устраиваться въ

условіяхъ буржуазной системы хозяйства; и что во-вторыхъ, даже передъ «диктатурой пролетаріата» встаютъ тѣ же трудные вопросы о національномъ самоопредѣленіи, о государственныхъ границахъ, объ экономическихъ организмахъ, объ оборонѣ отъ возможныхъ нападеній; примѣръ совѣтской Россіи обнаружилъ это съ поразительной ясностью. Надо поэтому не отдѣлываться бранью по адресу имперіалистовъ, а давать конкретные отвѣты на конкретные вопросы.

Я перечислилъ выше три основныхъ условія прочности современной европейской системы. Къ нимъ надо прибавить еще одно: Польшу. Безъ сильной Польши нѣтъ Версаля. Польша — суррогатъ прежней Россійской Имперіи, союзницы Франціи. Сложная постройка, удовлетворяющая союзниковъпобъдителей, опирается на западъ на плечи Франціи, на востокъ — на плечи Польши. Она рухнетъ поэтому, лишь только Польша ослабнетъ подъ тяжелой ношей.

Именно поэтому въ вопросъ о Польшъ пришлось отступить отъ національнаго принципа, выставленнаго побъдителями для центральной Европы. Важно было имъть не чистонаціональное польское государство, а могущественную военную державу, — хотя бы путемъ нарушенія «національнаго принципа» въ отношеніи къ сосъдямъ Польши. Если бы ограничить Польшу предълами чисто-польской національности, то новое государство имъло бы населенія 15 - 16 милліоновъ человъкъ, т. е. не больше, чъмъ второстепенныя государства вродъ Юго-Славіи, Чехо-Словакіи или Румыніи. Между тъмъ, та роль, которую предназначено было играть Польшъ, требовала наличности большой арміи, а для этого — гораздо большаго населенія. Поэтому создано было государство съ населеніемъ в д в о е большимъ. До присоединенія частей Верхней Силезіи Польша имъла уже свыше 30 милліоновъ населенія, а въ настоящее время она составляетъ по численности населенія 1/5 Франціи или Италіи; по территоріи она значительно превосходитъ Италію. Она сдълалась, съ исчезновеніемъ Австро-Венгріи и Россіи, какъ активныхъ силъ, крупной державой въ континентальномъ тріо, управляющемъ судьбами Европы: Франція, Италія и Польша.

И соотвътственно этому ея армія является второй въ Западной Европъ по своимъ размърамъ.

Однако, это новое, въ нѣсколько лѣтъ возникшее громадное государство страдаетъ такой в н у т р е н н е й с л а б о с т ь ю, какой не знаетъ ни одно другое. Если взять его національный составъ, то по нѣсколько неполнымъ и устарѣлымъ, но въ общемъ и цѣломъ правильнымъ даннымъ, онъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ ¹):

Поляковъ					14 621 652
Украинцевъ					4 880 312
Евреевъ .					3 155 077
Нѣмцевъ					1 924 985
Великороссов	ъ				408 400
Друг. націона	лы	нос	тей	j	275 236

Поляки составляютъ, такимъ образомъ, 59% всего населенія. Если принять еще во вниманіе «Виленщину», занятую польскими войсками, — то поляки составляютъ не многимъ больше половины населенія своего государства. Изъ пяти большихъ національныхъ меньшинствъ Польши (украинцы, нѣмцы, евреи, великороссы, литовцы) четыре націи (т.-е. всѣ кромѣ евреевъ) тянутъ въ сторону сосѣднихъ государствъ. Онѣ представляютъ громадную центробѣжную силу и превращаютъ Польшу въ новую Австрію, только при безконечно менѣе благопріятной внѣшней обстановкѣ. Чисто-національное польское правительство, представляющее блокъ нѣкоторыхъ польскихъ партій, осуждено будетъ въ будущемъ постоянно оставаться въ меньшинствъ въ парламентъ, если оно не будетъ, по-австрійски, искать союзниковъ среди національныхъ меньшинствъ. Это еще болѣе ослабитъ его авторитетъ.

Въ полномъ контрастъ съ военнымъ могуществомъ Польши стоить ея хозяйственное состояніе. Она медленнъе всъхъ другихъ странъ оправляется послъ войны, и показателемъ этого является громадный попрежнему ввозъ и ничтожный вывозъ. Ея металлургія все еще въ очень подавленномъ состояніи. Текстильная промышленность, потерявъ громадный

^{1) &}quot;Berliner Tageblatt" 15 окт. 1921. Данныя относятся лишь къ основной части Польши.

русскій рынокъ, должна будетъ теперь преодолъвать тамсженныя загражденія и бороться съ англійской и германской конкурренціей. Въ 1920 году только 1/3 до-военнаго числа рабочихъ была занята въ промышленности! Наконецъ, состояніе польской валюты, которая не знаетъ «репарацій» — наиболѣе точный барометръ дъйствительнаго хозяйственнаго положенія Польши. Такимъ образомъ, къ фактамъ обостренной внутренней нальной борьбы присоединяется и такая громадная сила, какъ экономическій застой, вызывающій обостренную классовую борьбу.

Между тъмъ, своей великодержавной и воинственной политикой Польша окружила себя врагами со всъхъ сторонъ. Войну съ Россіей она закончила аннексіей большой территоріи съ 3,7 милл. населенія, и вся дальнъйшая политика ея, какъ союзника Франціи, превратила ее въ самаго опаснагососъда для Россіи. Далъе, на съверъ она граничитъ съ Литвой. Половину Литвы она заняла войсками Желиговотнюдь не собирается отдать ее обратно. Даже формальнаго мира нътъ между Литвой и Польшей. Ея отношенія съ Германіей извъстны. Если Франція ограничилась Эльзасъ-Лотарингіей, то Польша проръзала Германію своимъ корридоромъ и получила области съ 2 милліонами нъмцевъ. «Худой миръ», который существуетъ между Польшей и Германіей, пожалуй и лучше «доброй ссоры»; но онъ является повидимому прологомъ къ ссоръ очень недоброй. Наконецъ, даже отношенія Польши съ Чехо-Словакіей отнюдь нельзя назвать вполнъ дружественными, хотя оба государства являются дътьми однихъ и тъхъ же родителей.

Польша окружена врагами. Тѣ же враги и внутри ея. Ея политическая жизнь грозитъ вызвать большія внутреннія вспышки. Здѣсь, повидимому, та точка, куда исторія приложитъ свой рычагъ, когда созрѣютъ условія для ликвидаціи Версаля. Ибо здѣсь линія наименьшаго сопротивленія.

3. Новыя войны?

Очень возможно, а при нынѣшнемъ увлеченіи и упоеніи военными побѣдами — и очень вѣроятно, что гордіевы узлы будутъ разрублены военными методами.

Русско-польская война 1920 года показала уже, какъ велика сила даже большевистской Россіи въ войнъ съ Польшей. Несмотря на крайнее истощеніе, плохое снаряженіе и обмундированіе, и несмотря на то, что Россія вела одновременно войну на югъ, противъ Врангеля, красная армія одно время подходила близко къ Варшавъ. И если въ конечномъ счетъ перевъсъ силъ оказался на сторонъ Польши, то это объясняется, конечно, только крайнимъ истощеніемъ Россіи.

Экономическое возстановленіе Россіи отразится и на ея арміи. Улучшится продовольствіе, заполнятся опустѣвшіе военные склады, появится значительная артиллерія. Въ процессѣ возрожденія Россіи будетъ дѣлаться все болѣе яснымъ, что перевѣсъ силъ на ея сторонѣ. 30-милліонная Польша, даже при сильной французской поддержкѣ, будетъ явно слабѣе 150-милліонной Россіи. Поэтому политика Англіи и Франціи — въ особенности Франціи — будетъ состоять въ томъ, чтобъ создать блокъ Россіи и Польши противъ Германіи; ея лозунгомъ будетъ примиреніе Россіи и Польши.

Будетъ ли прочное соглашение достигнуто? Это очень маловъроятно. У Россіи нътъ никакихъ основаній примкнуть къ союзу, направленному остріемъ противъ Германіи; наоборотъ, именно съ Германіей связываетъ ее общность интересовъ во множествъ международныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, великодержавная, милитаристская, гордая своимъ величіемъ Польша едва ли пойдетъ на сколько-нибудь серьезные жертвы. Поэтому, нынъшнія польско-русскія отношенія могутъ на нѣкоторое время улучшиться, но о полномъ быть рѣчи, пока не союзъ не можетъ исчезнетъ агрессивный, великодержавный характеръ Великой Польши. Если онъ въ ближайшіе годы не исчезнетъ, — а на это надежды мало, — и если, что очень возможно, въ Россіи у власти будетъ стоять воинствующее правительство (все равно Далинъ. Посяв войнъ и революцій.

какое: большевистское ли охвостье Красинъ - Трухачевскій, или демократически - милитаристское типа Бріанъ - Фошъ, или чисто-военная крестьянская диктатура), дъло скоро дойдетъ до военнаго столкновенія.

Толчкомъ можетъ послужить во-первыхъ революціонная вспышка въ Польшѣ, сильно ослабляющая силу ея сопротивленія; во-вторыхъ, обостреніе національной борьбы среди подданныхъ польской республики; въ третьихъ, то и другое вмѣстѣ; въ четвертыхъ, разладъ между Польшей и Англіей или Франціей и Англіей. Словомъ, показателемъ перевѣса Россіи надъ Польшей можетъ оказаться одно изъ тѣхъ историческихъ явленій, которыя неизбѣжно наступятъ въ ближайшіе годы. Что же касается повода для войны, то его искать не придется.

Если дъло дойдетъ дъйствительно до военнаго столкновенія, то это развяжеть всѣ національныя страсти, въ запалной Польшѣ возстаніе нѣмцевъ сдълаться фактомъ даже въ томъ случаъ, если-бъ стороны офиціальной Германіи ему не оказывалось никакой поддержки. Но Германія не останется, конечно, безмолвной. Такой моментъ, когда исчезаетъ одинъ изъ главныхъ ея враговъ, можетъ быть использованъ усиливающимся монархизмомъ для государственнаго переворота. Объщая быстрое облегченіе тяжелаго бремени, лежащаго на Германіи, такой переворотъ можетъ въ этотъ моментъ оказаться удачнымъ. Безмолвный или тайный союзъ съ Россіей дълается явнымъ, и Франція имъетъ предъ собой союзъ объихъ побъжденныхъ странъ.

Какъ дѣло будетъ развиваться дальше? Можно строить много всевозможныхъ комбинацій, которыя всѣ приводятъ, однако, къ одному и тому же результату. Франція можетъ признать пораженіе Польши свершившимся фактомъ и, предавъ своего друга, предложить Германіи союзъ противъ надвигающейся Россіи. Новая монархическая Германія освобождается отъ репараціи, получаетъ обратно восточныя провинціи и право содержать армію и флотъ, но обязана напра-

вить свое оружіе противъ Россіи. Въ войнъ съ Германіей и Франціей, Россія будетъ, конечно, разбита, и реакція, торжествующая въ Европъ, можетъ приложить всъ силы, чтобъ вернуть на пустующій русскій тронъ «законнаго царя», друга «великихъ монарховъ» Европы, гарантію спокойствія и примиренія.

Франція можетъ поступить иначе. При пораженіи Польши Франція можетъ попытаться воевать съ союзомъ Россіи и Германіи. Но пока Германія не изм'внитъ своему союзнику, Франціи едва ли удастся поб'єдить весь материкъ. Челов'єческая лавина, катящаяся съ востока, въ соединеніи съ германской техникой, съ запасомъ польскаго вооруженія, можетъ сдълаться хозяиномъ Европы на короткій мигъ — до тъхъ поръ, пока возстаніе противъ «русской оккупаціи» не соединитъ «въчныхъ враговъ», Германію и Францію, и не завершится интервенціей въ Россіи, на этотъ разъ удачной, т.-е. опять таки политической реставраціей.

Большія войны и экономическій хаосъ, которые вновь овладъютъ Европой, и новыя страшныя разрушенія будутъ данью, которуе человъчество уплатитъ своему увлеченію мечомъ и пушкой, своему преклоненію передъ физической силой, своему Фошу и Тирпицу, своему Версальскому договору. Но итогомъ громадныхъ потрясеній будеть:

Освобожденіе Германіи отъ невыполнимаго бремени и возстановленіе ея границъ на востокъ;

Полное или почти полное уничтожение независимой Польши:

Превращеніе Россіи и Германіи въ абсолютистскія, крайнереакціонныя государства и ликвидація демократіи въ центральной и восточной Европъ.

Это исходъ безконечныхъ войнъ, возстанавливающій въ основномъ до-военную Европу, съ нѣкоторымъ лишь ослабленіемъ Германіи и съ сильнымъ ослабленіемъ Россіи. Онъ создаетъ равновъсіе. Но равновъсіе и продолжительный миръ покупаются въ этомъ случа в цвной кровавыхъ сраженій, подавленія демократіи и возрожденія реакціонныхъ монархій. 18*

Если современное равновъсіе въ Европъ неустойчиво, то преобразованіе ея военными методами неизбъжно ведетъ къ этимъ послъдствіямъ. Министры и дипломаты союзниковъ сдълали все, что въ ихъ силахъ, чтобъ направить Европу по этому пути.

4. Цъли внъшней политики.

Но если-бъ они сами, по крайней мѣрѣ, понимали объективный смыслъ своей политики! Имъ не до этого. Они знаютъ вчерашній и сегодняшній день, а завтрашняго не видятъ. Они заняты очень сложной шахматной игрой, но, какъ плохіе игроки, они разсчитываютъ только на два шага впередъ. И когда передъ ними, по ихъ же собственной винѣ, открывается совершенно неожиданная и очень непривлекательная ситуація, они раскрываютъ ротъ отъ изумленія — и хватаются за всеспасающую саблю!

Политика рабочихъ партій должна быть столько же чужда нудной трескотнъ о готовой вотъ-вотъ разразиться міровой революціи, какъ и этой хромой, глухой и слъпой политикъ, политикъ безъ горизонтовъ и перспективъ, но за то съ явнореакціоннымъ содержаніемъ. Соціализмъ долженъ ясно очертить свои цъли въ международной политикъ.

То положительное, что создано въ итогѣ войны, то, чего не только не слѣдуетъ уничтожать, но нужно всецѣло утверждать, представляетъ принципъ національныхъ государствъ. Новыя государства построены на развалинахъ имперій, жившихъ національнымъ угнетеніемъ, порабощеніемъ милліоновъ, погромами и натравливаніемъ однѣхъ націй на другія. Вмѣсто нихъ — нынѣ независимыя націи — государства Чехо-Словакія, Юго-Славія, Венгрія, Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва и (по идеѣ) Польша; сюда же относится и исправленіе датской границы волею населенія. Осуществленіе этого принципа самоопредѣленія народовъ представляетъ громадный шагъ впередъ.

Образованіе національных в государствъ идетъ совершенно, различно для большихъ и малыхъ націй. Для большихъ націй, напримъръ для Италіи или Германіи процессъ созданія

своего государства былъ процессомъ объединенія, политической консолидаціи мелкихъ княжествъ въ одно государство. На пути ему стояли внутреннія препятствія въ видѣ династическихъ интересовъ, и препятствія внѣшнія въ лицѣ великихъ державъ. Поэтому Германія и Италія, чтобъ начать жить, должны были преодолѣть свою крайнюю реакцію и одержать побъду надъ сосъдней имперіей.

Совершенно иначе идетъ этотъ процессъ у мелкихъ націй. Для нихъ созданіе національнаго государства является процессомъ обособленія, а не соединенія; результатомъ разложенія болѣе крупной государственной единицы, а не государственной консолидаціи; побочнымъ результатомъ войнъ, а не ихъ цѣлью. И точно также трудности положенія мелкихъ наційгосударствъ, когда они ужъ выросли, совершенно не тѣ, что у большихъ народовъ.

Большія націи, создавая свое государство, слушались голоса исторіи. Они шли въ ногу съ экономическими потребностями своего времени. Они разорвали съ «государственнымъ
суверенитетомъ» своихъ медвѣжьихъ уголковъ тогда, когда
развитіе современной промышленности и
торговли поставило на очередь образованіе крупныхъ экономическихъ единицъ.
Экономическому развитію мѣшали десятки границъ, разнообразіе законодательства, монетной системы, почтовыхъ
правилъ, таможенныя рогатки и т. д. Чѣмъ дальше прогрессируетъ капитализмъ, тѣмъ реакціоннѣе дѣлается сохраненіе «своихъ собственныхъ» порядковъ на маленькихъ
клочкахъ земли и тѣмъ болѣе созданіе большихъ хозяйственныхъ комплексовъ дѣлается условіемъ хозяйственнаго
прогресса.

Для большихъ націй дѣло обстоитъ, такимъ образомъ, довольно просто. Созданіе національныхъ государствъ является у нихъ безусловно-прогрессивнымъ: нетолько политически, но и экономически-прогрессивнымъ. Иное дѣло у малыхъ націй. Право на національное самоопредѣленіе и освобожденіе отъ національнаго гнета является политически-прогрессивнымъ; но въ то же вре-

мя выдъленіе изъ большого хозяйственнаго организма и превращеніе въ малое «суверенное» государство являются шагомъ экономически-регрессивнымъ. И чъмъмельче государство, тъмъ эта регрессивность больше, тъмънеустойчивъе ново-образованное государство.

Въ немъ развивается кромѣ того тотъ мелко-государственный націонализмъ, который богатъ больше всего комическими элементами и служитъ неисчерпаемымъ матеріаломъ для фарсовъ и опереттъ. Вся общественная жизнь мельчаетъ и пріобрѣтаетъ характеръ той «Kleinstaaterei», которая является для большихъ націй уже превзойденной ступенью развитія. Ограниченные горизонты, поглощеніе мелкими заботами и вопросами отравляетъ политическую атмосферу этихъ мелкихъ государствъ.

Среди новыхъ государственныхъ образованій есть нѣкоторыя среднихъ размѣровъ, именно Чехо-Словакія и Юго-Славія съ населеніемъ по 14 милл. Но остальныя принадлежатъ ужъ къ числу малыхъ государствъ:

′ Венгрія								7.840	THE
Австрія								6 067	>>
Литва съ	B	иле	нщ	инс	рй			4 800	»
» без	ъ	Вил	ені	циі	НЫ			2 575	»
Финлянді	Я							3 329	»
Эстонія								1 750	»
Латвія								1 503	>>

И каждое изъ этихъ государствъ создаетъ собственную армію со своимъ маленькимъ милитаризмомъ; своихъ дипломатовъ со своей маленькой «высокой политикой»; свою денежную систему, свои почтовыя марки, свои таможни, и своихъ «государственныхъ людей», которые вызываютъ тѣмъ больше смѣха, чѣмъ больше они стараются походить на «настоящихъ министровъ».

Право на національную независимость есть большое достиженіе. Но національная независимость требуетъ очевидно нѣкотораго дополненія, чтобъ преодолѣть экономически-регрессивный и культурно-принижающій провинціализмъ мел-

кихъ странъ. Очевидно, ръшеніемъ вопроса является либо федерація мелкихъ государствъ между собой; либо же экономическая федерація съ какимъ либо сосъднимъ большимъ экономическимъ комъ плексомъ. Сохраненіе національной независимости, полная самостоятельность внутренней политики отнюдь не противоръчатъ такому объединенію, которое въ хозяйственныхъ вопросахъ открываетъ пути къ развитію производительныхъ силъ.

Во всѣхъ малыхъ странахъ аграрные классы сильнѣе всего держатся за полную государственную независимость. Крестьянство, живущее отчасти своими собственными продуктами, меньше другихъ классовъ чувствуетъ оторванность отъ міровой жизни. Даже тогда, когда оно переходитъ къ вывозу своихъ товаровъ, оно не сознаетъ въ достаточной мъръ всей убыточности и отсталости своихъ государственно-хозяйственныхъ формъ. Но городскіе классы — пролетаріатъ, интеллигенція и буржуазія — страдаютъ сильно отъ Kleinstaaterei. И если интеллигенція, воплощающая въ себъ «національную культуру» и потому часто очень близорукая, все же сильно сопротивляется велъніямъ жизни, то оба другихъ класса не могутъ не стремиться выйти изъ рамокъ своей карликовой національной ограниченности. Въ особенности это важно для рабочихъ партій. Чъмъ меньше государство, тъмъ сильнъе отражаются на условіяхъ жизни рабочихъ безработица, уровень оплаты труда, продолжительность рабочаго дня въ сосъднихъ странахъ. Система рабочаго законодательства въ одной малой странъ зависитъ отъ развитія ея въ сосъднихъ. Профессіональное и политическое рабочее движеніе одной страны переплетается съ движеніемъ въ другой.

Поэтому, принципъ національнаго государства, торжествующій нынѣ въ Европѣ, требуетъ дополненія въ видѣ экономическихъ федерацій, т. е. тѣсныхъ хозяйственныхъ союзовъ.

Но принципъ національнаго самоопредѣленія нарушенъ волею Версаля въ двухъ случаяхъ особенно сильно: въ отношеніи Австріи и Польши.

По отношенію къ Австріи положеніе настолько ясно, что оно не требуетъ никакихъ разъясненій. Австрія — одно изъ тѣхъ малыхъ государствъ, которыя почти не могутъ существовать безъ союза съ къмъ либо. Австрія готова отказаться не только отъ экономическаго суверенитета, но и отъ политической независимости. Австрія хочетъ войти въ составъ Германіи. Но желаніе сохранить слабую Германію диктуетъ Франціи насильственное раздъленіе Австріи и Германіи. Какъ будто присоединеніе 6 милл. австрійцевъ, требующихъ къ тому же въ ближайшіе годы поддержки со стороны Германіи, т. е. обременяющихъ ее экономически, можетъ дать Германіи съ ея 60 милліонами достаточную силу, чтобъ угрожать Франціи! Нътъ, если Германія можетъ вновь сдълаться опасной для своего западнаго сосъда, то это произойдетъ и безъ Австріи, и требованіе сліянія съ Австріей можетъ лишь подлить тогда масла въ національное пламя.

Соединеніе Австріи съ Германіей должно сдълаться такимъ образомъ вторымъ пунктомъ внъшней политики.

Что же касается Польши, то здѣсь положеніе сложнѣе. Мы видѣли выше, что нынѣшняя Польша представляетъ собой неустойчивое политическое зданіе. Нынѣшияя Польша, т.-е. та, которая создана Франціей, не можетъ не быть агрессивной, милитаристической и не можетъ не подавлять національныя меньшинства. Но осуществленіе такой политики не можетъ не вызвать реакціи съ востока и запада, а военный конфликтъ грозитъ погубить не только польскую великодержавность, но и независимость польской націи.

Чтобъ избѣжать войны и всѣхъ связанныхъ съ ней реакціонныхъ послѣдствій для Германіи, Польши и Россіи, надо поставить Польшу на свое мѣсто. Польша должна быть превращена, подобно всъмъ остальнымъ, въ національное государство. Ея населеніе составитъ тогда 15—17 милліоновъ и она даже тогда останется довольно крупной величиной. Ея территорія, населенная въ большинствѣ не-польскими элементами, должна отойти къ ея тремъ сосѣдямъ — къ Россіи,

Литвъ и Германіи. Вмѣстѣ съ тъмъ она перестанетъ служить въчной угрозой миру въ центральной Европъ¹).

Какими путями достичь этой цѣли? Это самый важный и самый трудный вопросъ. Разумѣется, самымъ безболѣзненнымъ ходомъ развитія было бы добровольное превращеніе Польши въ національное государство. Но нѣтъ основаній на это разсчитывать. Я не знаю, былъ ли случай въ исторіи, когда какое-либо государство продѣлало бы надъ самимъ собой такую хирургическую операцію, — операцію облегчающую, необходимую, но отнюдь не льстящую духу самовлюбленнаго націонализма.

Другой путь, тоже безболѣзненный, состоялъ - бы въ томъ, чтобъ соединенное давленіе рабочихъ, демократическихъ и пацифистскихъ элементовъ всего міра оказалось въ силахъ принудить Польшу вступить на указанный путь. Это была-бы уже операція не совсѣмъ добровольная, но всеже довольно безболѣзненная. Однако, и на это разсчитывать нельзя. Соединенная сила всѣхъ этихъ теченій все еще мала. Вѣдь нѣтъ еще ясности даже въ тѣхъ основныхъ цѣляхъ внѣшней политики, за которыя должно совмѣстно бороться!

Если указанные методы недостаточны и нереальны, то остается лишь третій путь — путь дипломатическаго воздійствія и давленія. Это означаеть: сближеніе и сотрудничество Германіи и Россіи.

Такое сближеніе диктуется объективнымъ положеніемъ вещей. Германія и Россія являются побѣждеными въ войнѣ. Обѣ превращены въ объекты международной политики. По отношенію къ обѣимъ Польша является комиссаромъ союзнаго совѣта. Поэтому зародыши сближенія имѣются и сейчасъ уже. Но одни только зародыши.

Со стороны Германіи отношеніе къ Россіи боязливое. Здъсь вліяніемъ пользуются еще идеи генерала Гофмана; здъсь живы еще участники бермонтовскаго похода; здъсь

^{1).} Поэтому совершенно правильной была политика объихъ соціалистическихъ партій Германіи въ вопрость о Верхней Силезіи, когда онт ставили себть цтлью не дать нынтышней Польшть усилиться.

боятся мести союзниковъ; наконецъ, здѣсь опасаются — и это единственный серьезный пунктъ — опасаются союза съ болѣе сильной военной машиной, способной обрушиться и на самое Германію. Со стороны большевистской Россіи тоже сомнѣнія: Германія — буржуазное государство; она не лучше другихъ буржуазныхъ странъ, почему сближеніе съ нею, а не съ кѣмъ-либо инымъ? Съ другой стороны, Германія въ данный моментъ не можетъ многаго дать Россіи, ибо сила не на ея сторонѣ!

Но если откинуть отмирающее уже большевистское доктринерство о черной массѣ капиталистическихъ странъ и связанную съ этимъ близорукость во внъшней политикъ; если отвергнуть надежды монархической Германіи на новый Брестъ-Литовскъ; если поставить себъ конкретныя, пусть нъсколько отдаленныя, но все-таки ясныя цъли, — для объихъ странъ политическое сотрудничество дълается необходимымъ. Сейчасъ ужъ имъется нъкоторое экономическое сближение. Но этого, разумъется, недостаточно: экономическія отношенія диктуются состояніемъ рынковъ, цѣнами и т. д. Россія не сможетъ предоставить Германіи большихъ правъ въ сферѣ ввоза, торговли и др., чѣмъ ея конкуррентамъ. Товарообмѣнъ не рѣшаетъ политическихъ вопросовъ. Вѣдь и въ 1914 году Германія была главнымъ поставщикомъ на русскій рынокъ. Это не помѣшало тому, чтобъ въ августѣ того-же года русская и германская арміи разстрібливали другь друга. большее значеніе имъетъ начинающееся въ 1922 г. вложеніе германскихъ капиталовъ въ Россію. Но и тутъ нынъшней Германіи едва-ли удастся обезпечить себъ преобладающее мъсто по сравненію съ Франціей и Англіей.

Политическое сотрудничество объихъ странъ должно состоять въ томъ, чтобъ отвергая военные методы разръшенія конфликтовъ съ Франціей и Польшей, защищать общія цъли соединенными усиліями. Ясное сознаніе того, что военные методы убійственны для демократическаго режима и что несутъ они съ собой политическую реакцію, должно предохранить отъ чисто-военнаго союза, какимъ былъ, напримъръ, союзъ Германіи съ

Австріей. Но по мѣрѣ того, какъ Россія будетъ оправляться отъ хозяйственнаго паралича, и по мѣрѣ того, какъ Германія будетъ оживать послѣ катастрофы 1918 года, найдется много случаевъ для паралельнаго дипломатическаго дѣйствія, для выставленія общихъ требованій и защиты общихъ цѣлей.

И рѣшеніе вопроса о Польшѣ возможно въ такомъ случаѣ общими усиліями всей Европы, которая, подъ впечатлѣніемъ растущей силы Россіи и Германіи, вынуждена будетъ согласиться вступить на путь «мягкаго давленія» по отношенію къ Польшѣ. Лучшее рѣшеніе польскаго вопроса достигается не изолированнымъ дѣйствіемъ Россіи и Германіи, а такимъ воздѣйствіемъ, въ которомъ участниками являются и Англія; Франція и Италія.

Предпосылкой этого является полное и безоговорочное «признаніе» Россіи — той Россіи, какая сейчасъ имѣется, т.-е. Совѣтской Россіи. Это признаніе обуславливаютъ иностраннымъ контролемъ, «гарантіями», т.-е. экономической интервенціей. Но эта политика является продолженіемъ военныхъ методовъ внѣшней политики; и она можетъ привести лишь къ тому, что по мѣрѣ оздоровленія русскаго хозяйства, внѣшняя политика Россіи должна будетъ поставить себѣ цѣлью борьбу в сѣм и средствам и противъ вмѣшательства, превращающаго Россію въ колонію. Только безусловное признаніе Россіи и ея равноправія является разумной программой внѣшней политики.

При этомъ условіи осуществимъ и слъдующій пунктъ внъшне-политической программы: сближение и примиреніе Германіи съ Франціей. Но сбли-Франціей необходимо не потому, чтобъ изъ сферы нормальныхъ нало было исключать Пъло обстоитъ ныхъ отношеній кого - либо другого. наоборотъ. Взаимоотношенія Германіи съ Италіей, Анліей и даже Бельгіей уже находятся въ удовлетворительномъ состояніи, если принять во вниманіе, что всего три года назадъ они вели кровавую войну. Скоръе, чъмъ можно было ожидать, исчезла бъщеная ненависть по отношенію къ Англіи, и, несмотря на потерю колоній — готовность къ мирному сожительству налицо. Съ Франціей дъло обстоитъ иначе. Главная военная сила союзниковъ, Франція, по своему положенію, больше всего боится германскаго наступленія и больше кого-либо пострадала бы, если бы такое наступленіе имъло мъсто. Но побъдоносная Франція ишетъ спасенія въ полномъ подавленіи своего противника военными мърами, и она содержитъ сейчасъ для этого самую сильную въ міръ армію. Франція идетъ дальше всъхъ въ дълъ вмъшательства въ германскія дъла, уръзыванія ея территоріи и выжиманія платежей. Подобно тому, какъ до войны Германія была столпомъ милитаризма и оплотомъ реакціи, такъ сейчасъ Франція играетъ эту же роль, несмотря на республиканскій образъ правленія. И если побъдители всегда бываютъ близоруки, то вина за ошибки и преступленія курса союзниковъ лежитъ на три четверти на Франціи. Поэтому примиреніе съ Франціей включаетъ и примиреніе со всѣми союзниками.

Для этого необходимо, во-первыхъ, освобожденіе германской территоріи отъ иностранной оккупаціи и во-вторыхъ, освобожденіе Германіи отъ многомилліарднаго бремени, которое даже ближайшимъ союзникамъ Франціи начинаетъ казаться невыносимымъ. Изъ суммы въ 132 милліарда, возложенныхъ на германскія плечи, надо было бы исключить все, что не идетъ непосредственно на возстановленіе разрушенныхъ войной областей. Остатокъ, который покажется довольно скромнымъ по сравненію съ требованіями лондонскаго ультиматума, можетъ постепенно и безъ большого напряженія вноситься воевавшими странами, которымъ это обошлось бы гораздо дешевле, чъмъ сносить многомилліардные убытки отъ экономическаго кризиса, благодаря неустойчивости валюты и германской конкурренціи.

Для умерщвленія воинствующаго націонализма и предотвращенія новыхъ войнъ въ Европъ, необходимо освобожденіе Германіи отъ оккупаціи и непосильнаго бремени, и рас-

ширенія ея территоріи на востокъ. Но идея германскаго реванша заслуживаетъ столь же безпощадной борьбы, какъ и боевая политика Пуанкарэ. Для замиренія Европы отнюдь не слъдуетъ подымать вновь вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи: въ этомъ отношеніи можно вполнъ сохранить status quo. Еще болье нельпымъ было бы требованіе возвратить германскія колоніи. Конечно, у Англіи или Японіи нътъ никакихъ особыхъ правъ на колоніи, принадлежавшія Германіи; но для экономическаго подъема они отнюдь Германіи не необходимы, и конфликтъ съ союзниками изъ-за колоній можетъ быть провоцированъ только ограниченными поклонниками «морского могущества» и стратегическихъ талантовъ Тирпица. Наконецъ, къ числу самыхъ безсмысленныхъ «реваншистскихъ» требованій принадлежитъ идея возвращенія германской контрибуціи. Спору нътъ, очень велика и та часть ея, которая уплачена уже сейчасъ. Однако, обмъниваться старыми счетами надо предоставить выжившимъ изъ ума торговцамъ и отставленнымъ отъ политики министрамъ.

Но если созданіе нормальныхъ условій въ Европъ требуетъ довольно радикальной перестройки ея, то это отнюдь не означаетъ, что уже наступилъ моментъ, когда всъ перечисленныя требованія надо сдълать боевыми. Если-бъ поступить такъ въ данный моментъ, то это означало бы только, что германское правительство заняло бы боевую, но безнадежную позицію по отношенію къ Франціи и Польшъ. Своими собственными силами Германія не вытащитъ себя сейчасъ за волосы изъ болота, въ которое она попала въ 1918 году. У нея нътъ сейчасъ силъ сопротивляться натиску съ востока и запада, и поэтому-то воинствующія ноты звучать въ устахъ ея монархистовъ, какъ боевой кличъ Донъ-Кихота, наступающаго на вътряныя мельницы. Нътъ поэтому для Германіи никакой другой политики по отношенію къ союзникамъ, чѣмъ та, которую она ведетъ послѣ майскаго кризиса 1921 года.

Для того, чтобъ выйти вновь на широкую дорогу свободнаго развитія, мало одного желанія Германіи. Необходимъ рядъ условій, которыя постепенно созрѣваютъ; на этомь я остановился выше. И лишь по мѣрѣ того, какъ они будутъ созрѣвать, будутъ открываться и новые пути для внѣшней политики, — пути, которые должны вести къ заранѣе поставленной задачѣ превращенія версальской Европы въ совокупность свободныхъ, независимыхъ государствъ и подавленія милитаризма по всѣмъ фронтамъ.

Эта послѣдняя задача требуетъ того, чтобъ къ основнымъ цълямъ европейской политики прибавить еще одну, отнюдь не самую маловажную: разоружение ея военныхъ силъ. Но разоружение отнюдь не того типа, какъ предписано было поб'вжденнымъ посл'в окончанія войны. Не разоруженіе однихъ, компенсируемое усиленнымъ вооруженіемъ другихъ: такое разоруженіе, воспламеняя націонализмъ побъжденныхъ, чъмъ состояніе безо всякаго разоруженія. Оно является прологомъ къ новой войнъ. «Не вина Францін, — восклицаль Ноблемэрь въ Совъть Лиги Націй. что ей приходится одной служить жандармомъ мира!» Но благородный Ноблемэръ не замътилъ, что каждый жандармъ всегда считалъ и считаетъ себя жандармомъ мира. Не замътилъ онъ и того, какъ легко жандармъ мира превращается въ жандарма войны. Ужъ лучше совстмъ безъ жандармовъ!

Лучшей порукой противъ войны, поскольку это вообще является всеобщее соглашеніе оруженіи. 14 только о такомъ разоруженіи ръчь. означаетъ во-первыхъ, значительное женіе численности постоянныхъ армій, и во-вторыхт ограниченіе количества аммуниціи извъстнымъ максимумомъ. О разоруженіи такого рода говорилось постоянно и до войны; разоружение такого рода было объ щано вождями союзниковъ своимъ народамъ во время вой-И о такомъ именно соглашении мечтали наивные когда создавали Лигу Націй. Но если поб'єда 1918 года, затуманивъ голову побъдителямъ, воспитала новый милитаризмъ, то тѣмъ болѣе основаній для всѣхъ противнъжовъ войны вернуться къ своему исконному требованію коллективнаго разоруженія.

Оно требуетъ, однако, нѣкоторыхъ предпосылокъ, которыхъ въ данный моментъ нѣтъ налицо. Половина Европы занята государствомъ, правительство котораго еще даже не признано, и для него — самаго слабаго изъ всѣхъ въ настоящее время — разоруженіе арміи означало бы сдачу на милость побѣдителей. Ибо разоруженіе отнюдь не гарантія противъ войны; въ моментъ международныхъ конфликтовъ военная сила каждаго государства продолжаетъ зависѣть отъ быстроты мобилизаціи, количества аммуниціи и ультурнаго уровня армій. Пока аггрессивный духъ Польши живъ, пока ее поддерживаетъ Румынія, пока Франція беретъ только воинственныя ноты по отношенію къ Россіи, — нельзя требовать отъ Россіи полнаго разоруженія. Возможны только компромиссы на этомъ пути.

Прогрессивное развитіе міра требуетъ всеобщей, матеріальной и духовной, демобилизаціи. Разоруженіе армій стоитъ при этомъ на первомъ мѣстѣ. Но предпосылкой его является замиреніе европейскаго востока. И условіемъ его прочности является новая система европейскаго равновѣсія, покоящаяся на возстановленныхъ въ правахъ побѣжденныхъ народахъ, равноправіи побѣжденныхъ и побѣдителей, признанія національной независимости новыхъ государствъ и полной ликвидаціи аггрессивныхъ тенденцій и новаго милитаризма, свившихъ себѣ новыя гнѣзда въ многострадальномъ организмѣ европейскаго континента.

Типографія

Berliner Druckerei G, m. b. H.

Berlin C 2, Breite Strasse 8-9.

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C 39 11 10 23 11 023 2